КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XXXVIII.

1892 г.

СЕНТЯБРЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1892.

СОДЕРЖАНІЕ.

	стр.
I. ГОЛШТИНСКІЕ НАБОРЫ ВЪ МАЛОРОССІИ. **Д. Миллера.**	293—312
II. МАЛОРУССКІЯ ВИРШИ ИСТОРИЧЕСКАГО СОДЕРЖАНІЯ. **П. Житецкаго**	313—332
III. СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ. *(Продолженіе)*. Проф. **Н. Ѳ. Сумцова**	333—349
IV. ПО ПОВОДУ 900-ЛѢТІЯ ЧЕРНИГОВСКОЙ АРХІЕРЕЙСКОЙ КАѲЕДРЫ.	350—356
V. ПОМѢЩИКИ И ДУХОВЕНСТВО ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ ВЪ КОНЦѢ ПРОШЛАГО СТОЛѢТІЯ. (Бытовой очеркъ). **В. Храневича**	357—388
VI. ОТРЫВКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АВТОНОМА АКИМОВИЧА СОЛТАНОВСКАГО	389—404
VII. ПАМЯТИ А. В. МАРКОВИЧА. (Съ портр. въ текстѣ.) **А. Л.**	405—409
VIII. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ исторіи землевладѣнія въ лѣвобережной Малороссіи. **А. Л.** б) Оффиціальные документы по дѣлу Виктора Садковскаго. Протоіерея **П. Орловскаго.** в) Контроль Губ. Канц. надъ расходами кіевскаго магистрата по исправленію нѣкоторыхъ «городскихъ надобностей». **А. А.** г) Пререканіе кіевской городской думы съ администраціей по поводу одной изъ статей городскихъ доходовъ въ 1785—87 г. **А. А.** д) Къ исторіи Кубанскаго войска. **П. Китицына.** е) Анекдотъ о Мечиславѣ Потоцкомъ	410—430
IX. БИБЛІОГРАФІЯ: а) М. Грушевскій. Очеркъ исторіи кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV стол. **П. Г.** б) Харьковскій Сборникъ, подъ редакціей члена-секретаря В. В. Иванова. **Н. В.** в) Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца. Книга шестая. **Я. Ш.** г) Извѣстія Таврической ученой архивной коммиссіи—№ 15. **И. Каманина.** д) Обозрѣніе журналовъ. е) Списокъ книгъ, относящихся къ Южной Россіи	431—472

ПРИЛОЖЕНІЕ: Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича.

ГОЛЬШТИНСКІЕ НАБОРЫ ВЪ МАЛОРОССІИ.[1]

Въ XIX-мъ столѣтіи орденъ св. Анны остался единственнымъ памятникомъ нашихъ старыхъ связей съ гольштинскимъ герцогствомъ, нынѣ потонувшимъ въ морѣ германской имперіи. А между тѣмъ Гольштинія и гольштинцы играли далеко не послѣднюю роль въ судьбахъ нашего недавняго прошлаго. Бракъ дочери преобразователя Россіи съ гольштинскимъ герцогомъ Карломъ-Фридрихомъ впервые привелъ въ соприкосновеніе интересы русской имперіи съ интересами этого небольшаго нѣмецкаго княжества, а тридцать пять лѣтъ спустя этимъ послѣднимъ удалось, правда на короткое время, взять даже рѣшительный перевѣсъ надъ коренными и существенными интересами русской земли. Въ короткій промежутокъ правленія Петра Третьяго гольштинцы безъ войны овладѣли дворомъ, арміей и высшимъ обществомъ столицы, въ полгода успѣли поработить русскія силы своимъ эгоистическимъ, узко-національнымъ интересамъ, поработить на столько, что уже въ половинѣ 1762 г. Европа съ часу на часъ ожидала диковиннаго зрѣлища—войны сѣвернаго гиганта съ тщедушной Даніей изъ-за

[1]) Харьковскій Историческій Архивъ. Дѣла Малороссійской Коллегіи №№ 230, 662, 681, 2920, 21890, 24084 и 26826.

Полное собр. законовъ т. XV. № 11416 и т. XVI №№ 11587 и 11610.

Карповъ. Опис. Высочайшихъ указовъ въ XVIII в. (изъ архива Сенат.) т III.

Истор. описаніе одежды и вооруженія россійскихъ войскъ 1842 г. III. (стр. 196–234).

Исторія Руссовъ стр. 251.

Брикнеръ „Исторія Екатерины II".

Брикнеръ „Петръ III-й" (до вступленія на престолъ) изъ Р. Вѣсти.

крохотнаго лоскутка земли, оттянутаго ею у герцоговъ голштинскихъ еще въ то время, когда этимъ послѣднимъ и во снѣ не снилось ихъ будущее величіе. Вліяніе голштинцевъ отразилось въ это время на всѣхъ сторонахъ государственной жизни и отозвалось въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ имперіи. Вездѣ русскій человѣкъ, получившій послѣ реформы нарочитую способность подражанія и приспособленія, спѣшилъ приспособиться къ попавшимъ въ „случай“ пришельцамъ. Гвардейскій офицеръ приспособлялся къ выправкѣ голштинскихъ сателлитовъ молодаго императора, государственный человѣкъ—къ ихъ политическимъ идеаламъ и симпатіямъ, высшее общество—къ ихъ капральскимъ манерамъ и своеобразному тону. „Braver soldat“ со всѣми его специфическими особенностями сталъ излюбленнымъ идеаломъ всѣхъ жаждущихъ карьеры и способныхъ къ приспособленію, а носителемъ и, такъ сказать, живымъ воплощеніемъ этого идеала явилась для россійскихъ карьеристовъ приближенная дружина государя—его голштинское войско.

Голштинское войско вмѣстѣ съ голштинской короной досталось Петру Ѳедоровичу въ 1739 году по наслѣдству отъ его отца Карла Фридриха. Не смотря на воинственныя замашки покойнаго герцога, на его страсть къ экзерциціямъ, вахтъ-парадамъ и всякой солдатчинѣ, ему не удалось довести свою армію до размѣровъ сколько-нибудь внушительныхъ, и въ моментъ его смерти голштинское войско представляло собою силу во всѣхъ отношеніяхъ ничтожную. Но вмѣстѣ съ войскомъ Карлъ-Фридрихъ передалъ своему наслѣднику и свою горячую любовь къ этому войску, и стремленіе создать изъ него могучую и грозную для враговъ Шлезвига и Голштиніи силу стало завѣтнымъ желаніемъ юнаго герцога. Желаніе это не оставило Петра Ѳедоровича и тогда, когда онъ превратился въ наслѣдника россійскаго престола. Напротивъ, теперь желаніе это еще болѣе усилилось. Вдали отъ Голштиніи, голштинское войско, какъ и все голштинское, сдѣлалось еще милѣе сердцу великаго князя, а заботливость державной тетки, старательно удалявшей отъ него все, что могло поддерживать его нѣмецкія симпатіи, только разжигала это желаніе. Долгое время доступъ къ Ора-

ніенбаумскому двору былъ накрѣпко закрытъ для нѣмецкихъ подданныхъ великаго князя. Только въ 1755 г. запретъ этотъ если и не уничтожился, то все же смягчился значительно. Наслѣдникъ тотчасъ же воспользовался удобнымъ моментомъ, и лѣтомъ этого же года первый отрядъ голштинскихъ солдатъ былъ уже въ Ораніенбаумѣ.

Его прибытіе встрѣчено было съ необыкновеннымъ восторгомъ. Петръ Ѳедоровичъ почти совсѣмъ покинулъ свой ораніенбаумскій дворецъ и съ утра до ночи проводилъ время въ лагерѣ голштинцевъ. Великій князь, бывшій шефомъ кирасирскаго полка и подполковникомъ Преображенскаго, теперь почти не снималъ съ себя голштинскаго мундира. Усвоеніе всего облика „честнаго и храбраго нѣмецкаго офицера“ стало предметомъ его честолюбивыхъ мечтаній. Ораніенбаумскій дворецъ и его окрестности, пропитались запахомъ крѣпкаго кнастера; попойки, за которыя тяжело расплачивалась хилая натура Петра Ѳедоровича, стали явленіемъ постояннымъ. Окружающіе великаго князя далеко не раздѣляли его увлеченія. Если въ высшемъ придворномъ обществѣ его поведеніе встрѣчало насмѣшливо-снисходительные отзывы, за то въ низшихъ слояхъ слышался нескрываемый ропотъ. Особенно недовольны оказывались солдаты Ингерманландскаго и Астраханскаго полковъ, поочередно державшихъ караулы въ ораніенбаумскомъ дворцѣ. По словамъ Екатерины II, голштинское войско въ представленіи нашихъ солдатъ являлось сборищемъ измѣнниковъ, запроданныхъ прусскому королю. Придворная прислуга, принужденная вмѣстѣ съ гвардейцами Ингерманландскаго полка таскать на себѣ кушанья изъ дворцовой кухни въ ораніенбаумскій голштинскій лагерь (для пропитанія голштинцевъ особыхъ запасовъ въ началѣ сдѣлано не было), втихомолку обзывала голштинскихъ солдатъ грубою сволочью. Прибытіе голштинскаго войска еще болѣе повредило авторитету великаго князя, вообще не любимаго за его нѣмецкія симпатіи. Но Петръ Ѳеодоровичъ мало обращалъ вниманія на общественное мнѣніе. Съ теченіемъ времени его пристрастіе къ голштинскому войску ничуть не ослабѣло, и не смотря на скудость своихъ средствъ, онъ

дѣлалъ все, что былъ въ состояніи, для его усиленія и блеска. На мундиры и аммуницію голштинцевъ тратятся крупныя суммы; для голштинскаго войска отовсюду, по возможности безъ лишняго шуму и огласки, приглашаются солдаты и офицеры: проходимцы россійскаго и иностраннаго происхожденія смѣшиваются въ его рядахъ съ представителями даже аристократическихъ фамилій, каковы напр. братья Скоропадскіе изъ Малороссіи. Въ 1756 г. голштинское войско состояло уже изъ 3 мушкатерскихъ полковъ, одного артиллерійскаго и одного гренадерскаго баталіоновъ, 2 кавалерійскихъ полковъ и инвалиднаго корпуса. Но недостатокъ средствъ и нерасположеніе къ голштинцамъ Государыни много вредили успѣху дѣла и становились на пути широкимъ планамъ великаго князя. Въ декабрѣ 1761 г. Петръ Ѳедоровичъ становится единственнымъ обладателемъ всѣхъ силъ и средствъ Русской имперіи, и широкіе планы не могли, конечно, встрѣтить теперь себѣ ни малѣйшаго препятствія. Съ первыхъ же дней новаго царствованія начинается цѣлый рядъ распоряженій о вербункахъ въ голштинскую службу въ Россійской имперіи и заграницей.

Распоряженія эти отразились и на жизни Малороссіи, возбудивъ въ сотняхъ юныхъ сердецъ честолюбіе и несбыточныя надежды, которымъ суждено было разлетѣться въ прахъ и сдѣлать молодыхъ мечтателей, по выраженію историка этого времени, „притчею во языцѣхъ“. Во главѣ правительства въ Малороссіи стояла въ то время войсковая генеральная канцелярія. Еще въ октябрѣ прошлаго года гетманъ отозванъ былъ въ Петербургъ. И по смерти своей благодѣтельницы ясновельможный продолжалъ оставаться на берегахъ Невы, предпочитая придворную атмосферу Петербурга, пропитанную запахомъ пива и кнастера, чистому воздуху скучнаго Глухова. Высокоповелительный гетманъ обоихъ береговъ Днѣпра, генералъ-аншефъ, президентъ академіи наукъ и кавалеръ разныхъ орденовъ всѣмъ своимъ пышнымъ титуламъ предпочелъ званіе подполковника лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка и, въ качествѣ таковаго, принималъ теперь весьма дѣятельное участіе въ безпрерывныхъ парадахъ и воинскихъ экзерциціяхъ. Члены ге-

неральной канцеляріи Кочубей и Журавка, генеральный писарь Безбородко да подскарбій Гудовичъ вершили межъ тѣмъ въ Глуховѣ дѣла Малороссіи, и только важнѣйшія изъ нихъ восходили на „высокую резолюцію“ гетмана, при которомъ для дѣлъ этихъ имѣлась особая походная канцелярія. На первыхъ порахъ перемѣна правительства и наступленіе новыхъ порядковъ мало отражались на внутренней жизни Украйны. Произошли только кое-какіе перемѣны въ личномъ составѣ малороссійскихъ чиновниковъ. На полковничьи мѣста въ 3 полкахъ были присланы изъ Петербурга новыя лица, съумѣвшія снискать себѣ расположеніе при новомъ дворѣ. Въ Стародубъ именнымъ указомъ 3 января назначенъ голштинскій генералъ-маіоръ оберъ-гофъ-камеръ-интендантъ Карновичъ съ чиномъ бригадира россійской службы. Полковничій урядъ въ Черниговѣ занялъ бывшій гофъ-фурьеръ Петръ Милорадовичъ, а въ Гадячъ прибылъ вновь пожалованный бригадиръ Крижановскій. Эти лица были для Малороссіи первыми ласточками наступающей шлезвигъ-голштинской эры.

Первое распоряженіе о голштинскихъ вербункахъ, коснувшееся Малороссіи, послѣдовало не раньше конца января. 31-го числа гетманъ получилъ сенатскій указъ, предписывавшій произвести въ Эстляндіи, Лифляндіи и Малороссіи наборъ охочихъ людей для голштинскаго войска. Въ Малороссіи, впрочемъ, записываться въ рекруты могли только поляки и волохи, но не туземцы, „дабы службѣ малороссійской отъ того умаленія не послѣдовало“. Гетману предписывалось наблюдать за точнымъ исполненіемъ указа и оказывать вербовщикамъ зависящее содѣйствіе. Указъ этотъ сдѣлался извѣстенъ въ Глуховѣ 19-го февраля.

Но уже 1 февраля волоховъ и поляковъ показалось мало. Голштинская пѣхота и конница, по мнѣнію Государя, нуждалась въ гораздо большемъ количествѣ новобранцевъ, чѣмъ та скромная цифра, которая могла набраться въ силу январскаго указа. 1 февраля командиру голштинскаго пѣхотнаго полка генералъ-маіору Іоганну Христіану Ферстеру поручено было укомплектовать свой полкъ новобранцами изъ Украйны и бли-

жайшихъ къ ней мѣстъ. Въ указѣ, писанномъ, разумѣется, по нѣмецки, уже ни слова не говорится о какихъ либо изъятіяхъ и исключеніяхъ. Въ голштинцы могъ поступать всякій желающій, и генералъ Ферстеръ долженъ былъ только слѣдить за тѣмъ, чтобы его подначальные, которымъ будетъ поручено вербованіе, не причиняли жителямъ Малороссіи насилій и обидъ.

Въ тотъ же день состоялся и указъ объ укомплектованіи голштинской кавалеріи. Новопожалованный гадячскій полковникъ, какъ бывшій голштинецъ, прекрасно зналъ слабую струну Императора и въ знакъ благодарности за богатый гадячскій урядъ, доставившій ему и обширныя маетности, и громадную власть, предложилъ свои услуги по части набора рекрутъ для голштинской кавалеріи. Недавній выкрестъ изъ іудеевъ, Крижановскій не успѣлъ еще потерять присущей этому племени коммерческой сметки: быстро сообразивъ, что вербованіе—гешефтъ очень выгодный, онъ предложилъ Государю выставить на своемъ иждивеніи цѣлый полкъ гусаръ, такъ наз. Цаболтишскій, для легкой голштинской кавалеріи. Предложеніе, конечно, было принято съ радостью, и Крижановскій получилъ патентъ на вербованіе.

4 февраля Крижановскій уже предъявилъ свой патентъ гетману, патентъ же, выданный Ферстеру, въ походной канцеляріи его ясновельможности почему то былъ явленъ только въ мартѣ, тотчасъ же переведенъ на русскій языкъ, и вѣсть о прибытіи вербовщиковъ скоро облетѣла всѣ десять полковъ. Малороссія стала ожидать гостей.

Въ апрѣлѣ явились и гости. 17 числа въ генеральную войсковую канцелярію господами офицерами голштинскаго Ферстерова полка былъ предъявленъ выданный имъ патентъ, и вербованіе началось.

Число господъ офицеровъ голштинской службы, прибывшихъ въ Малороссію для вербованія, было не велико: документы генеральной канцеляріи сохранили намъ имена прапорщика Берлира (француза), поручика Гофмана и маіора Стефани. Съ ними прибылъ сержантъ, нѣсколько унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ. Берлиръ съ подначальными своими остался въ Глу-

ховѣ, Стефани уѣхалъ въ Кіевъ, что же касается Гофмана, то ни свѣдѣній о мѣстѣ его пребыванія, ни какихъ либо указаній на его дѣятельность не сохранилось. Наборы охочихъ людей въ военную службу были въ Малороссіи явленіемъ обыкновеннымъ: и гусарскіе полки, и компанейскіе контингенты комплектовались здѣсь путемъ набора охотниковъ, въ которыхъ никогда не бывало недостатка. Но теперешній вербунокъ представлялъ собою нѣчто чрезвычайное, и по охотѣ, съ какою украинцы спѣшили записаться въ число новобранцевъ, голштинскіе наборы могутъ быть сравнены развѣ только съ позднѣйшей пикинеріей. Но пикинерская горячка охватила низшіе слои населенія, людей необезпеченныхъ, „гультяевъ“, голштинскій же вербунокъ привлекъ къ себѣ преимущественно высшіе классы украинскаго общества. Причина этого необыкновеннаго успѣха кроется въ предшествовавшей исторіи страны. Давно уже привыкли гетманцы взирать на Петербургъ со страхомъ и уваженіемъ. Еще со времени Петра пріучились они къ мысли, что только оттуда всякая власть получаетъ твердую силу и крѣпость, что только тѣ люди, кои получили свою инвеституру на берегахъ Невы, могли безбоязненно и безнаказанно хозяйничать въ странѣ и держать свое имя „честно и грозно“. Еще при жизни великаго преобразователя Россіи могли видѣть они доказательства этому въ лицѣ свѣтлѣйшаго Александра Даниловича, безбоязненно обращавшаго въ холопство сотни привилегированныхъ козачьихъ семействъ съ ихъ старшиною; видѣли эти доказательства и на полковникахъ, присланныхъ къ нимъ изъ Петербурга, на примѣрѣ же знаменитаго сотника протопопа Лисовскаго могли наглядно убѣдиться, что даже мелкая-сошка, попавшая въ фаворъ, можетъ сколько угодно трепать за чубы смиренныхъ людей, безъ всякаго за свои безчинства возмездія. Ходъ послѣдующей жизни служилъ только къ вящшему утвержденію этой истины въ сознаніи гетманцевъ. Примѣръ графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, превратившагося изъ деревенскаго хлопця въ первую персону въ государствѣ; гетманскій бунчукъ, прикрывавшій голову его ясновельможнаго брата, наконецъ, новоиспеченные полковники,

сразу выскочившіе въ вельможи и магнаты—все это такіе факты, которые не могли не привести малорусское общество къ мысли, что Петербургъ есть тотъ рогъ изобилія, изъ котораго сыплются на русскую землю и уряды, и значеніе, и маетности. Какъ ни кратковременно было правленіе новаго Государя, но въ Малороссію уже успѣли проникнуть слухи о его симпатіяхъ, и мечта попасть въ голштинцы, любимѣйшее и ближайшее войско Императора, стала завѣтной мечтой не одной пылкой молодой головы.

Не удивительно поэтому, что вербованіе пошло успѣшно, успѣшно на столько, что уже спустя немного дней однимъ Берлиромъ набрано было въ Глуховѣ и его окрестностяхъ болѣе 200 человѣкъ. Не менѣе успѣшно дѣйствовалъ маіоръ Стефани и низшіе разосланные по городамъ и мѣстечкамъ агенты. Новобранцамъ, въ знакъ принятія ихъ въ голштинскую службу, надѣвался на шею красный галстучекъ, такъ наз. оборончикъ, и выдавалось мѣсячное жалованье. При наборѣ не обращалось большого вниманія на то, къ какой національности принадлежалъ рекрутъ, былъ ли онъ вполнѣ свободенъ, или его удерживали на родинѣ служебныя или другія обязательства; разъ молодой человѣкъ удовлетворялъ условіямъ физической годности, подлежащія власти, въ вѣдѣніи которыхъ онъ доселѣ находился, принуждались выдавать ему „абшидъ“, освобождающій новобранца отъ ихъ юрисдикціи. Господа голштинскіе офицеры требовали такихъ абшидовъ нерѣдко „неотступно и съ угроженіемъ“, а перечить этимъ требованіямъ малороссійскіе урядники не рѣшались. Когда въ маѣ Берлиръ обратился въ войсковую генеральную канцелярію съ требованіемъ о выдачѣ абшидовъ поименованнымъ въ его реестрѣ 28 лицамъ, то генеральная канцелярія, не ожидая конца начатымъ было справкамъ, поспѣшила огуломъ удостовѣрить ихъ малороссійское происхожденіе и свободу, ибо всякая задержка, по мнѣнію канцеляріи, могла быть признана за обиду не только для господъ офицеровъ, но и для той вышней команды, отъ которой они посланы.

Обаяніе этой вышней команды дѣйствовало одинаково на всѣ классы малорусскаго общества и привлекало въ ряды голштинцевъ все новыхъ и новыхъ новобранцевъ. До сихъ поръ лучшею дорогой для молодого человѣка, желающаго выйти въ люди, была канцелярія. Положеніе канцеляриста было въ то время почетнымъ и выгоднымъ. Не говоря уже о приношеніяхъ челобитчиковъ, само правительство гетманское вполнѣ обезпечило канцеляріи жалованьемъ и тѣми маетностями, кои были на нихъ отписаны. Канцеляристы зачастую попадали въ войсковые товарищи, получали чинъ сотника къ мѣсту, назначались полковыми хорунжими, эсаулами и писарями, а сыновья извѣстныхъ фамилій прямо изъ канцелярій выскакивали въ бунчуковые товарищи, а то и въ полковые судьи. Такимъ образомъ канцелярская карьера была очень и очень заманчива, и не даромъ и при канцеляріяхъ высшихъ учрежденій, и при полковыхъ постоянно толпились сотни золотой украинской молодежи, ни гроша не получавшей за свое усердіе и даже платившей нѣкую дань генеральному писарю, особенно со времени Безбородка, обложившаго канцеляристовъ—кандидатовъ на „вакансовые уряды“ опредѣленнымъ въ свою пользу оброкомъ. Но теперь, съ прибытіемъ голштинскихъ вербовщиковъ, всѣ прелести канцелярской службы забылись: карьера Разумовскихъ и tutti quanti не давала спать молодымъ честолюбцамъ; мечта о близости къ источнику всякихъ милостей переходила въ дѣйствительность. И дѣйствительные канцеляристы, и „обрѣтающіеся въ канцеляріяхъ въ чаяніи вакансовыхъ урядовъ“ бросали теперь свои перья и въ своихъ богатыхъ жупанахъ спѣшили стать въ одинъ строй съ пропившимися оборванцами въ дырявыхъ полушубкахъ. Спѣшили сдѣлать карьеру и питомцы Кіевскаго коллегіума и „школьники“ всякаго рода, предпочитая голштинскую службу духовной и чиновной карьерѣ на родинѣ. Даже лица, находившіяся при особѣ самого ясновельможнаго, не смотря на всѣ выгоды своего званія и на затруднительность отказа отъ этой, тоже въ своемъ родѣ придворной, службы, мѣняли ее на службу въ голштинскомъ войскѣ. И графскій пѣвчій, и компанеецъ, состоящій при надворной корогвѣ, бѣ-

жали записываться въ списки новобранцевъ, и тщетно сама экономическая канцелярія, вѣдавшая маетности и дворъ его ясновельможности, пыталась остановить это бѣгство.

Привлекала голштинская служба и низшіе классы. Привилегированное званіе реестроваго козака къ этому времени утратило почти всю свою былую заманчивость. Старшинскій классъ, болѣе и болѣе пріобрѣтающій силы, стремится съузить права реестровыхъ, елико возможно, а путемъ скупли грунтовъ, часто принудительной, быстро подвигается впередъ обезземеленіе этого сословія. Удивительно ли поэтому, что лишенный грунта реестровый предпочиталъ голштинскую службу положенію подсусѣдка, какимъ онъ неизбѣжно сталъ бы на родинѣ. Кромѣ всѣхъ этихъ „свободныхъ и ничѣмъ не обовязанныхъ лицъ“, принимались на службу и подданные разныхъ владѣльцевъ и монастырей, которые при отсутствіи въ Малороссіи юридическаго признанія крѣпостнаго права также шли за людей вольныхъ. И на козаковъ, и на поспольство особенное вліяніе оказывали блага матеріальныя: обѣщанія хорошаго вознагражденія, выдаваемое впередъ мѣсячное жалованье и слухъ о льготахъ остающимся на родинѣ родичамъ новобранца. Слухъ этотъ, пущенный, очевидно, голштинскими вербовщиками и нашедшій себѣ нѣкоторое подтвержденіе въ одномъ изъ майскихъ ордеровъ гетмана, встрѣченъ былъ въ массѣ козачества и поспольства съ полнымъ довѣріемъ. И отъ самихъ новобранцевъ, и отъ ихъ семействъ подаются въ это время въ генеральную канцелярію прошенія о тѣхъ или другихъ льготахъ остающимся въ Малороссіи родичамъ новобранцевъ. Самъ прапорщикъ Берлиръ обратился въ генеральную канцелярію отъ имени подначальныхъ ему новобранцевъ съ просьбою, „чтобы домовъ ихъ и отцевъ ихъ ни въ какіе наряды, командираціи и другія тяжести, а особливо домовъ ихъ въ постой было не употребляемо“. Не имѣя никакихъ точныхъ указаній по этому вопросу, генеральная канцелярія не могла, безъ сношенія съ Петербургомъ, разрѣшить его ни въ положительномъ, ни въ отрицательномъ смыслѣ и своею медленностью еще болѣе способствовала укрѣпленію слуха.

Мы не знаемъ, много ли казенныхъ денегъ привезли съ собою господа голштинскіе офицеры, но уже черезъ мѣсяцъ по пріѣздѣ прапорщикъ Берлиръ обратился въ генеральную войсковую канцелярію съ требованіемъ 2000 руб. на необходимыя издержки по набору. Требованіе это поставило генеральную канцелярію въ затруднительное положеніе. До сихъ поръ распоряженія на этотъ счетъ изъ Петербурга не получалось. Въ патентѣ, выданномъ Ферстеру, говорилось глухо о томъ, что власти должны оказывать вербовщикамъ всякое содѣйствіе, но простирается ли это содѣйствіе до отпуска денегъ, спеціально предназначенныхъ на войсковые расходы,—генеральная канцелярія не знала. Но отказать требованіямъ лица, присланнаго по именному Е. И. В. указу и при томъ по дѣлу столь близкому сердцу Государя, глуховское начальство, конечно, не рѣшалось. Члены канцеляріи сочли поэтому возможнымъ на половину удовлетворить просьбу голштинскаго прапорщика и о самой просьбѣ поспѣшили представить на высокоповелительную резолюцію ясновельможнаго. Но тысяча рублей, отпущенная скарбомъ, оказалась недостаточной. Черезъ недѣлю Берлиръ снова обратился въ генеральную канцелярію съ требованіемъ денегъ. Въ своемъ доношеніи онъ извѣщаетъ канцелярію, что выданныя деньги уже издержаны на отправку въ столицу и на жалованье набраннымъ имъ рекрутамъ, а также людямъ, навербованнымъ въ Кіевѣ маіоромъ Стефани; набору больше чинить не изъ чего, а потому и проситъ выдать ему 500 рублей. Вновь послѣдовалъ отъ генеральной канцеляріи рапортъ гетману, 500 же рублей выданы Берлиру.

Скоро отозвался и маіоръ Стефани. Онъ потребовалъ для уплаты набраннымъ имъ въ Кіевѣ рекрутамъ, а также для отправки ихъ до самаго Ренбова 1500 руб., которые и были безпрекословно выданы.

Благодаря охотѣ украинцевъ и щедрости голштинскихъ офицеровъ, наборъ рекрутъ для голштинской пѣхоты шелъ быстро и успѣшно. Не менѣе успѣшно велось и порученное Крижановскому дѣло комплектованія кавалеріи. Въ короткій срокъ гадячскій полковникъ набралъ цѣлый полкъ легкоконныхъ гу-

саръ, составивъ его, по словамъ автора „Исторіи Руссовъ“, изъ козацкихъ дѣтей своего полку, заводской и всякой другой сволочи. Крижановскій велъ дѣло на свои личныя средства и, конечно, соблюдалъ свою выгоду: чѣмъ проще были новобранцы, тѣмъ дешевле они стоили. Дѣло велось безъ излишней огласки, такъ сказать домашнимъ способомъ, и это, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, оказало гадячскому полковнику большую услугу при перемѣнѣ обстоятельствъ.

Несмотря на успѣхи вербованія, число новобранцевъ въ глазахъ вышней команды, казалось далеко недостаточнымъ. Вскорѣ потребовался новый наборъ, окрещенный глуховскими канцеляристами именемъ „набора великорослыхъ“. Въ маѣ гетманъ получилъ Высочайшее повелѣніе о доставкѣ для голштинской службы 50 человѣкъ изъ малороссовъ „неувѣчливыхъ, собою взрачныхъ, мѣрою таковыхъ, какіе обыкновенно великорослыми почитаются“. Немедленно предписано было нарядить нарочныхъ во всѣ 10 полковъ, чтобы изъ каждаго полка выбрать по 5 человѣкъ годныхъ; выбирать ихъ предписывалось, если можно, изъ „безмѣстныхъ людей, неосѣдлыхъ, т. е. изъ школяровъ и разныхъ бродящихъ“, а въ случаѣ недостатка— и изъ козачьихъ подпомощниковъ. При наборахъ запрещалось всякое принужденіе. Срокъ назначался 6-ти лѣтній съ правомъ по истеченіи этого времени получить абшидъ или, въ случаѣ согласія, остаться на службѣ. Новобранцамъ обѣщалось освобожденіе домовъ ихъ отъ повинностей. Генеральная канцелярія сама должна наблюдать за наборами и исполнить гетманскій ордеръ въ возможно короткій срокъ. Что касается до расходовъ, то они должны быть произведены на счетъ малороссійскаго скарба примѣнительно къ расходамъ голштинскихъ офицеровъ, посланныхъ для вербованія.

Гетманскій ордеръ полученъ былъ въ Глуховѣ 17 мая, и тотчасъ же отдано приказаніе о присылкѣ великорослыхъ изъ каждаго полка въ двойномъ противъ требуемаго количествѣ. Полковникамъ и полковымъ старшинамъ предписывалось, въ виду важности дѣла, самимъ слѣдить за ходомъ набора со всевозможной тщательностью, не полагаясь на подначальныхъ. Въ

каждый полкъ послано по 2 подорожнія и по 30 руб. денегъ на необходимые расходы. Новобранцевъ предписывалось доставить въ Глуховъ не позже 17 іюня. Въ самомъ Глуховѣ и его окрестностяхъ руководство наборомъ взяли на себя члены генеральной канцеляріи. Распоряженіе, въ которомъ замѣшанъ „высокій Е. И. В. интересъ", исполнялось, конечно, съ необычайной поспѣшностью, а потому, вслѣдъ за полученіемъ ордера, чины полковыхъ канцелярій, „усердствуя по своей присяжной должности", разъѣхались по сотеннымъ мѣстечкамъ и селамъ, чтобы самимъ приняться за исполненіе важнаго порученія. На этотъ разъ усердіе полковыхъ урядниковъ превосходило нормы требованій самой генеральной канцеляріи. Почти въ каждомъ полку старались набрать большее число великорослыхъ, чѣмъ требовалъ ордеръ. Кіевская напримѣръ, канцелярія, какъ видно, хотѣла повести дѣло совсѣмъ en grand; она снеслась съ митрополитомъ Арсеніемъ, подъ командою котораго находилась академія и школы, и только по просьбѣ преосвященнаго рѣшила не трогать молодцеватыхъ студентовъ кіевской академіи, довольствуясь великорослыми школярами; возбудила вопросъ о вербованіи въ голштинскую службу кіевскихъ и остерскихъ мѣщанъ, „яко людей вольныхъ"; вошла въ сношеніе съ кіевскою губернскою канцеляріей и магистратомъ, и наконецъ потребовала отъ генеральной канцеляріи увеличенія выданной на вербованіе суммы, мотивируя свое требованіе тѣмъ соображеніемъ, что для отправки набранныхъ „ласковымъ образомъ" великорослыхъ въ Глуховъ потребуется не малый конвой. Впрочемъ, генеральная облава на кіевскихъ и остерскихъ мѣщанъ, задуманная кіевской полковой канцеляріей, не удалась: получивъ за свое усердіе чувствительный репримандъ изъ Глухова, кіевскіе урядники принуждены были ограничиться скромными размѣрами требованій гетманскаго ордера. Не менѣе усердствовали и другія канцеляріи: всѣ онѣ прислали свыше указаннаго числа людей. Одинъ только нѣжинскій полковникъ, вѣроятно въ силу своей близости къ ясновельможному родичу, не спѣшилъ исполненіемъ высокоповелительнаго ордера.

Наборъ „великорослыхъ“—наборъ демократическій. Гетманскій ордеръ исполнялся буквально, и въ списки новобранцевъ исключительно вносились люди, отъ поступленія коихъ въ голштинское войско не могло бы произойти „умаленія малороссійской службѣ“. Понятно поэтому, что въ спискахъ этихъ панычей, этого цвѣта украинскаго служилаго сословія, вовсе не встрѣчается; не встрѣчается даже реестровыхъ козаковъ, за 2—3 исключеніями, и то изъ числа тѣхъ, у которыхъ дома оставалось 3—4 брата къ службѣ годныхъ. Въ число „великорослыхъ“ попадаютъ главнымъ образомъ подпомощники и подсусѣдки; остальная часть—люди вполнѣ безмѣстные: дьячекъ, ищущій парафіи, школяръ, до тридцати лѣтъ бродившій отъ пана къ пану въ качествѣ мандрованнаго педагога, поповскій сынъ, не попавшій на парафію, злополучный „удовинъ сынъ“, которому все равно цѣлый вѣкъ пришлось бы провести въ батракахъ или подсусѣдкахъ, странникъ безъ роду—безъ племени, всю жизнь бродившій изъ монастыря въ монастырь и зашедшій теперь въ Кіевъ поговѣть Петровскимъ постомъ—весь этотъ бездомовный людъ, кромѣ колоссальнаго роста и соотвѣтствующаго ему аппетита ничѣмъ не владѣвшій, счелъ голштинскую службу лучшимъ выходомъ изъ своего скитальческаго положенія. Но какъ среди рекрутъ, навербованныхъ голштинскими офицерами, главную роль играла интеллигенція сытая и обезпеченная, панская, такъ и среди „великорослыхъ“ доминирующее положеніе занимала тоже интеллигенція, но интеллигенція голодная и бездомовная. И здѣсь грамотные составляли 25% общаго числа „великорослыхъ“; великорослые школяры и дьяки являлись представителями своихъ неграмотныхъ товарищей, получали за нихъ харчевыя деньги, росписывались на почтовыхъ станціяхъ, вели расходныя вѣдомости за своихъ приставовъ, хотя и выбранныхъ изъ значковыхъ товарищей и даже сотниковъ, но зачастую не очень „письменныхъ“.

Въ какомъ то чаду прошла для новобранцевъ короткая дорога въ Глуховъ. Спѣшили попасть къ сроку, остановки дѣлались лишь для ночлега по сотеннымъ мѣстечкамъ и селамъ въ квартирахъ, отводимыхъ сотниками и атаманами, днемъ же

останавливались только для перемѣны подводъ. Этими короткими остановками новобранцы пользовались для закупки провизіи. Не забывалась,. конечно, и жидовская корчма, и въ то время, какъ выборный товарищъ бѣгалъ по селу, раздобывая продукты для немудреной трапезы, остальные успѣвали и выпить изрядно на мѣстѣ и захватить на дорогу не малый запасъ. Были Петровки, а потому столъ новобранцевъ особою изысканностью не отличался. Свѣжая рыба, борщъ, „буханци“ составляли своего рода лакомство; обыкновенно и снѣдали, и обѣдали, и полудновали, и вечеряли соленой рыбой съ хлѣбомъ и квасомъ. Но за то эта скудная трапеза обильно запивалась питіями всякаго рода. Несмотря на недавнія мѣры, ограничившія свободу винокуренія, горѣлка была дешева—кварта стоила всего 8 коп.—а потому новобранцы, получавшіе значительныя по тому времени кормовыя деньги (иногда до 10 коп. на человѣка въ сутки), имѣли полную возможность не стѣснять себя въ этомъ отношеніи. И не стѣсняли.

Встрѣчаясь съ такими, напр., документами, какъ реестръ расходовъ переяславскаго пристава, современнику остается только дивиться безпримѣрной крѣпости головъ „великорослыхъ“, подъ жаркими лучами іюньскаго солнца умѣвшихъ безнаказанно пить отъ зари до зари. Но хмель не всегда способенъ былъ выгнать грустную думу изъ сердца. По мѣрѣ удаленія отъ родныхъ мѣстъ, многимъ взгрустнулось по родинѣ и волѣ. Пользуясь безпросыпнымъ пьянствомъ товарищей и безпечностью подвыпившаго начальства, затосковавшій новобранецъ давалъ иногда тягу, и по пріѣздѣ въ Глуховъ злополучный приставъ не всегда представлялъ въ генеральную канцелярію показанное въ спискахъ число „великорослыхъ“.

Къ 17 іюня въ Глуховъ собралось 110 „великорослыхъ“. Здѣсь были представители всѣхъ полковъ, кромѣ нѣжинскаго (нѣжинцы прибыли значительно позже и вмѣстѣ съ присланными изъ другихъ полковъ добавочными рекрутами были оставлены, такъ сказать, про запасъ), но наибольшее число видныхъ и статныхъ молодцовъ оказалось среди полтавцевъ, такъ что почти всѣ „великорослые“, привезенные изъ Полтавы, вошли

въ списокъ избранныхъ. Послѣ осмотра было отобрано 50 человѣкъ, наиболѣе удовлетворяющихъ требованіямъ гетманскаго ордера, остальные же отпущены по домамъ съ приказомъ явиться немедленно въ случаѣ новаго требованія. Выбранныхъ генеральная канцелярія тотчасъ же снабдила необходимой обувью и одеждой и распорядилась выдачею подорожней на 55 подводъ; сопровождать ихъ въ Петербургъ назначенъ полтавскій эсаулъ Бенковскій съ однимъ унтеръ-офицеромъ, солдатомъ и жолдакомъ. На дорогу Бенковскій получилъ изъ малороссійскаго скарбу 500 руб. и инструкцію, предписывавшую ему вести великорослыхъ „денно и нощно“, „наблюдая, дабы оные въ пути побѣгу учинить не могли, уговаривая притомъ, чтобы они содержали себя порядочно, не пьянствуя и никакихъ шалостей не дѣлая, отъ которыхъ ихъ удерживать безъ строгости“. На кормъ полагалось въ дорогѣ по 10 коп. на человѣка въ сутки, но если сверхъ этого потребуются какіе либо расходы на одежду или обувь, то Бенковскій и такія требованія долженъ былъ удовлетворять, однакъ безъ излишества, разсуждая въ томъ крайнюю надобность“. Унтеръ-офицеръ долженъ былъ ѣхать впередъ и заготовлять на станціяхъ нужное число подводъ. Въ случаѣ побѣга кого либо изъ новобранцевъ, воеводы и мѣстные помѣщики обязаны были оказать Бенковскому содѣйствіе.

18 іюня „великорослые“ распрощались съ родною Украйной.

Движеніе дошло теперь до своего апогея. Съ гикомъ и гамомъ летѣли ямскія телѣги, увозя на сѣверъ новоиспеченныхъ пѣхотинцевъ и кавалеристовъ голштинской арміи. Привѣтливо отпирали имъ двери встрѣчные трактиры, и плохо приходилось „штатскому“ обывателю, навлекшему на себя гнѣвъ молодыхъ искателей фортуны.

Переворотъ 28 іюня, посадившій на русскій престолъ Семирамиду Сѣвера, круто поворотилъ въ другую сторону и внѣшнюю, и внутреннюю политику Россіи и сразу оборвалъ на полусловѣ торжественные звуки „Deutschland, Deutschland über alles“, лившіеся въ теченіе 6 мѣсяцевъ изъ восторженныхъ сердецъ петербургскихъ нѣмцевъ. Предметъ вчерашнихъ

нѣжнѣйшихъ заботъ, голштинское войско вдругъ превратилось въ предметъ посмѣянія, стало „притчею во языцѣхъ“. Съ перемѣной обстоятельствъ сразу измѣнилось и содержаніе гетманскихъ ордеровъ. Уже 1-го іюля, когда на петербургскихъ улицахъ не успѣло еще смолкнуть ура гвардейцевъ и народа, гетманъ, не ожидая распоряженія свыше, счелъ необходимымъ предупредить послѣдствія своихъ недавнихъ распоряженій. Посланнымъ въ этотъ день въ Малороссію ордеромъ предписывалось немедленно распустить по домамъ набранныхъ по послѣднему гетманскому приказу рекрутъ, буде же новобранцы уже отправлены изъ Малороссіи, немедленно послать курьера съ приказаніемъ вернуться въ Глуховъ. Но распоряженіе это пришло слишкомъ поздно. Въ то время какъ совершалось „Петербургское дѣйство“, ничего не подозрѣвавшіе „великорослые“ на 55 подводахъ катили по направленію къ сѣверной столицѣ, и хотя ихъ стремительность сократили нѣсколько московскіе почтовые чиновники, отнявшіе у нихъ цѣлыхъ 25 подводъ, тѣмъ не менѣе 11 іюля Бенковскій представилъ своихъ молодцевъ въ походную канцелярію его ясновельможности. Но молодцы теперь оказались лишними и въ сопровожденіи сержанта Киселева, уже пѣшкомъ и получая по 3 коп. въ день на пропитаніе, поплелись обратно въ Малороссію.

Не заставило себя долго ждать и общее распоряженіе о голштинскихъ наборахъ. Сенатскимъ указомъ 1-го іюля предписывалось вербованіе солдатъ для голштинской службы повсемѣстно въ имперіи прекратить, вѣдомости же о числѣ и званіи навербованныхъ рекрутъ немедленно доставить въ сенатъ и военную коллегію, а самихъ вербовщиковъ выслать за конвоемъ въ ту же коллегію, отобравъ имѣющіяся при нихъ деньги. Тѣмъ же указомъ велѣно было приступить къ немедленному разсмотрѣнію званій новобранцевъ: записанныхъ въ подушный окладъ или бѣглыхъ крѣпостныхъ отдавать по наказаніи помѣщикамъ, крестьянъ государственныхъ и монастырскихъ—отправлять въ ихъ волости, а купцовъ—отослать въ магистраты тѣхъ городовъ, къ которымъ они приписаны, что же касается „малороссіянцевъ“, а также людей, которые по справкамъ и осви-

дѣтельствованіи ихъ паспортовъ окажутся дѣйствительно вольными и ни за кѣмъ незаписанными, то такихъ, въ случаѣ ихъ согласія, разослать на службу въ ближайшіе полевые полки. Каждому изъявившему согласіе на поступленіе въ военную службу предписывалось сверхъ обычнаго жалованья выдавать по 15 руб. единовременно; срокъ службы въ указѣ объявлялся 10-ти-лѣтній, по истеченіи котораго продолженіе или оставленіе службы зависѣло отъ вольнопоступившаго.

Голштинское войско подверглось аресту. Голштинцы нѣмецкаго происхожденія отправлены на родину, но, какъ извѣстно, далеко не всѣмъ удалось увидѣть родную Голштинію: большая часть изъ нихъ потерпѣла кораблекрушеніе. Самъ принцъ Георгъ, глава и начальникъ голштинскихъ сателлитовъ бывшаго Императора, отправленъ уже на 3-й день послѣ переворота администраторомъ въ Голштинію. Русскіе голштинцы изъ Ораніенбаума переведены были въ Петербургъ и отданы въ смотрѣніе генералъ-поручику Василію Ив. Суворову. Участь большей части изъ нихъ была плачевна; между голштинцами великорусскаго происхожденія свободныхъ людей оказалось очень мало, а такъ какъ кормить на казенный счетъ бѣглыхъ холопей до возврата владѣльцамъ, а тѣмъ паче развозить до мѣстъ ихъ жительства показалось накладнымъ, то уже 13 числа іюля состоялось сенатское распоряженіе, которымъ предписывалось всѣхъ неразобранныхъ голштинскихъ солдатъ зачислить въ полевые полки, съ предоставленіемъ ихъ бывшимъ помѣщикамъ права забирать ихъ оттуда, уплативъ слѣдуемыя за ихъ содержаніе деньги; имена этихъ злополучныхъ воиновъ, для свѣдѣнія ихъ отсутствующихъ владѣльцевъ, пропечатаны были въ академической газетѣ. Участь малороссовъ, „яко людей вольныхъ и ни за кѣмъ не записанныхъ“, была гораздо легче. Оказавшихся въ Ренбовѣ украинцевъ [1]) немедленно препроводили къ гетману, который отечески снабдилъ ихъ нужными паспор-

[1]) Кромѣ приведенныхъ изъ Малороссіи, въ ряды голштинцевъ попало не мало рекрутъ изъ числа малороссійскихъ посполитыхъ, производившихъ земляныя работы въ Кронштадтѣ, Ригѣ, Нарвѣ—изъ такъ наз. 8000 набора посполитыхъ для войны съ Фридрихомъ.

тами и отправилъ на родину. Впрочемъ, и изъ числа ихъ нашлось четверо, пожелавшихъ остаться въ военной службѣ. 4-го іюля эти четыре охотника были доставлены гетманомъ въ военную коллегію, гдѣ и приняты подъ именемъ колодниковъ.

Эти четыре „колодника" были, повидимому, единственными среди малорусскихъ голштинцевъ охотниками поступить на службу „въ полевые россійскіе полки". Въ Глуховѣ по крайней мѣрѣ такихъ охотниковъ не оказалось. Когда генеральная канцелярія, получивъ сенатскій указъ 1 іюля, поручила глуховскому сотенному правленію объявить его содержаніе находившимся въ Глуховѣ новобранцамъ Берлира, изъ 311 человѣкъ изъявили согласіе на поступленіе въ военную службу всего 14, но и эти черезъ нѣсколько времени взяли назадъ свое согласіе и просили объ отпускѣ по домамъ.

Голштинское войско перестало существовать. Сателлиты бывшаго императора, еще мѣсяцъ назадъ гордые своимъ новымъ званіемъ и полные надеждъ, брели теперь пѣши, въ простыхъ зипунахъ, по направленію къ Украйнѣ. Позоренъ и несносенъ казался молодымъ честолюбцамъ возвратъ на родину, еще такъ недавно ими легкомысленно покинутую. И таясь отъ людей, подъ кровомъ ночи пробирались они подъ родную стрѣху батьковской хаты.

Послѣ роспуска новобранцевъ глуховскому начальству оставалось только исполнить указъ въ отношеніи лицъ, которымъ было поручено вербованіе. Сейчасъ же по полученіи сенатскаго указа генеральная канцелярія поспѣшила отобрать отъ голштинскихъ офицеровъ и ихъ подначальныхъ подписки о невыѣздѣ изъ Глухова, а затѣмъ, въ силу того же указа, распорядилась отобраніемъ отъ нихъ денегъ. Но деньги оказались у одного Берлира: у него отобрано 650 руб., которые и возвращены въ скарбъ, у остальныхъ же вербовщиковъ денегъ не оказалось. Предусмотрительный маіоръ Стефани, лишь только почуялъ приближающуюся грозу, поспѣшилъ заранѣе скрыться, такъ что всѣ поиски генеральной канцеляріи оказались тщетными.

Не забыло глуховское начальство и Крижановскаго. Посылая ему копію съ сенатскаго указа, генеральная канцелярія

предписывала ему немедленно сдать управленіе полкомъ полковой старшинѣ, которая и должна выполнить указъ 1 іюля въ отношеніи набранныхъ Крижановскимъ рекрутъ, самъ же полковникъ долженъ немедленно представить выданныя ему для вербованія деньги и явиться въ Глуховъ, откуда онъ, въ силу указа, долженъ былъ отправиться въ Петербургъ. Но положеніе Крижановскаго оказалось очень выгоднымъ. Государю онъ обѣщалъ набрать полкъ на свой счетъ, въ надеждѣ получить изъ казны деньги по представленіи рекрутъ. Денегъ изъ малороссійскаго скарбу онъ также ни разу не получалъ, самое же вербованіе велъ безъ излишней огласки, почти неоффиціально. Сама генеральная канцелярія также, повидимому, мирволила богатому гадячскому полковнику, и когда на ея предписаніе Крижановскій отвѣтилъ, что денегъ онъ на вербованіе ни откуда не получалъ, а потому и вербованія не производилъ, то генеральная канцелярія сочла возможнымъ вполнѣ удовлетвориться такимъ отвѣтомъ и, не производя дальнѣйшихъ разслѣдованій, оставила гадячскаго полковника въ покоѣ.

Къ концу іюля въ Малороссіи были подведены послѣдніе счеты съ голштинцами. 31 числа господа голштинскіе офицеры и ихъ подначальные распрощались съ Украйной. За карауломъ унтеръ-офицера глуховскаго гарнизона везли теперь недавнихъ тріумфаторовъ къ отвѣту предъ грозными членами военной коллегіи.

О возвратѣ 2446 руб., истраченныхъ на неудавшуюся затѣю, гетманомъ дѣлались представленія куда слѣдуетъ, но возвращены ли эти деньги въ малороссійскій скарбъ—неизвѣстно.

Д. Миллеръ.

Малорусскія вирши историческаго содержанія.

Отзывалась-ли старинная южно-русская школа на текущія явленія жизни?

На этотъ вопросъ отвѣчаетъ намъ множество виршей историческаго содержанія, написанныхъ подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ минуты.

Изъ первой половины XVII в. особеннаго вниманія заслуживаетъ острожскій *Ляментъ*, написанный по поводу несчастнаго событія, случившагося въ г. Острогѣ въ 1636 г. Содержаніе *Лямента* обозначается въ его заглавіи: „Ляментъ о прыгодѣ нещ҃ано... мешч҃а остро҃ки, що ся и҃ вла҃не придало на дн҃ь урочи҃таго свята з ма҃твы во҃тания пн҃а спаи҃теля нашаго в понедело҃к в процесии идучи҃ по҃ прии҃дъ еи мило҃ти пн҃еи воеводинои виленк҃ои“. Воеводиной виленской была въ то время владѣлица г. Острога, внучка знаменитаго князя Константина Константиновича Острожскаго, вдова воеводы виленскаго и великаго гетмана литовскаго, Анна-Алоиза Ходкевичъ, въ послѣдствіи іезуитская праведница. По наущенію іезуитовъ она приказала своимъ слугамъ украсть изъ замковой Богоявленской церкви гробъ съ тѣломъ ея отца, князя Александра Константиновича Острожскаго († 1603), и перенести его въ построенный ею костелъ при острожскомъ іезуитскомъ коллегіумѣ. Похищеніе совершено было ночью, въ самый день Пасхи 1636 года, и вызвало глубокое негодованіе среди православныхъ мѣщанъ г. Острога.

«И на щ҃о ся ва҃ зы҃шло, презацные ѿцеве»,

обращается сочинитель *Лямента* къ оо. іезуитамъ,

«Же ч҃те к тому привели поцтивую матрону,
Же естъ тѣло порушеное ѿца еи з гробу?
Сн҃а ся нынѣ м҃лтвы даремне мовляютъ,
Бо тѣла л҃юские покою в гробѣхъ не ма҃ю».

На другой день послѣ похищенія произошло кровавое столкновеніе между мѣщанами и слугами воеводиной виленской. Дѣло было такъ. Изъ Богоявленской замковой церкви вышелъ народъ съ духовенствомъ для совершенія крестнаго хода. Въ это самое время возвращалась изъ костела Анна-Алоиза въ каретѣ, съ длиннымъ цугомъ, окруженная своими дворянами и слугами. Ей нужно было проѣхать въ замокъ чрезъ мостъ, почти у самой паперти церковной, гдѣ стояла густая толпа народа. Велѣно было очистить княжнѣ дорогу. Толпа не слушалась. Раздраженная Анна-Алоиза приказала кучеру ѣхать прямо на толпу, причемъ „в҃зоница поч҃а людей бичовати“, замѣчаетъ сочинитель *Лямента*. Тогда люди, продолжаетъ онъ,

«всѣ ся порвали,
Кыи побрали».

Въ свою очередь

«Слузи и всѣ дворяне,
Видячи, же не ж҃атъ, кинулися на н҃и едност҃ане,
Шабель добывшы»,

Началась свалка. Народъ окружилъ поѣздъ княжны и хотѣлъ было сбросить ее вмѣстѣ съ каретой съ моста, о чемъ, впрочемъ, сочинитель *Лямента* не упоминаетъ. За то онъ разсказываетъ о томъ, что многіе

«с перестраху въ в҃а з мосту падали,
Шыи ламали».

Почтительно называя княжну *матроной* и стараясь „на обѣ сторонѣ правду признаты“, онъ, однако же, не безъ ироніи замѣчаетъ, что княжна

«На звича паъски на цвитаръ утѣкаетъ,
Бѣва ся размножаѣ».

Возстаніе усмирено было только тогда, когда старосты ближайшихъ селеній прибыли въ городъ съ свѣжими подкрѣпленіями. На другой день утромъ начался судъ надъ бунтовщиками.

«Меща зацны в колоду посажано,
А наубогшы в темницу загнано,
Абы поправы до часу чекалы и голо дали.
Нѣмашъ ся, а розмовити з сосѣды,
Бо потаемной здрады повно завсѣгды:
Та по окнами и в ночи слухаютъ,
що розмовляютъ.
Подъ ча яръмдку нѣкгды славного,
А теп, реку, южъ занедбалого,
На самую взгарду звечти и казано,
Жебы стинано.
Тамъ килку меща мечемъ прыкро стято,
Четвертому ушы и носа утято,
А оные трупы ховать заказали,
Псомъ торъгати дали».

Признавая схизматическихъ поповъ подустителями черни, трибуналъ, судившій это дѣло, опредѣлилъ изгнать ихъ въ числѣ 46 человѣкъ изъ предѣловъ острожскихъ имѣній.

Такъ окончилась эта печальная исторія, у современниковъ извѣстная подъ именемъ „острожской трагедіи“.

«О ты, Острогу, мѣсто справедливое,

заканчиваетъ разсказъ свой сочинитель *Ляменты*,

Въ тобѣ бывали мѣшканцы цнотливые,—
Ты было хлѣбомъ завжде прыходневы,
Ты убогому маткою было студетови,—
В тобѣ хто мешкалъ, нѣгды не шкодовалъ, хто ся шановалъ.

Тера не стутежъ! На що южъ прыходытъ!
Снаги ся южъ на тое, подобно, заводытъ,
Жебы южъ было в нѣвечъ оберънено,
Зъ грунту знищоно!» [1]).

Въ основѣ *Лямента* польская рѣчь и даже польская рифма, не вездѣ удачно переложенная на славяно-русскую фонетику, но мысли и чувства въ немъ русскія [2]). Написанъ *Ляментъ* спустя не болѣе двухъ мѣсяцевъ послѣ острожскаго событія (14 іюля) и посвященъ Петру Могилѣ. Замѣчательно, что сочинитель, скрывшій свое имя подъ иниціалами Н. М. и называющій себя „найнызшимъ служебныкомъ з служебныковъ" знаменитаго митрополита, писалъ свои вирши въ г. Ровно „з наубогшеи школы" За исключеніемъ „Лямента", мы не знаемъ другихъ виршей, которыя написаны были бы въ „найубогшей" школѣ. Какъ и вездѣ, политикой въ южной Руси занимались преимущественно люди, вкусившіе высшаго знанія. И нашъ ляментующій авторъ, судя по складу его стиха, обнаружилъ значительное знакомство съ польской литературой.

Думаемъ, однако же, что и народная малорусская школа по условіямъ того времени, когда въ борьбѣ за существованіе народъ напрягалъ всѣ свои силы, какъ физическія, такъ и нравственныя, должна была воспринимать и такъ или иначе перерабатывать впечатлѣнія политическихъ событій, которыя оказывали неотразимое вліяніе на ея благоденствіе и злоденствіе. Педагоги того времени, повидимому, давали этимъ впе-

---

[1]) Подлинная рукопись, современная самому событію, получена нами изъ сѣдлецкой губерніи отъ почтеннаго собирателя устныхъ и письменныхъ произведеній южно-русской старины Я. П. Андріевскаго.

[2]) Таковы, напр., слѣдующія рифмы:

„Едыи мещанни обрася зухвалы,
А для едного вшитки винны зосталы,
Же ся на пола пнъ-ского замѣрылъ
Сна го ударилъ".

Въ славянской транскрипціи нарушена рифма: очевидно, въ польскомъ подлинникѣ послѣдній стихъ читался такъ: Snadź go uderzył.

чатлѣніямъ извѣстное направленіе посредствомъ виршей и кантовъ. Такъ, въ драмѣ „Милость Божія, Украину чрезъ Богдана Хмельницкаго... свободившая“ (1728), „дѣти украинскіи, во училищахъ кіевскихъ учащиися“, привѣтствуютъ виршами Хмельницкаго при въѣздѣ его въ Кіевъ послѣ блестящихъ побѣдъ надъ Поляками [1]). Тѣмъ не менѣе, пересматривая школьные сборники прошлаго вѣка, предназначавшіеся для походнаго употребленія, мы находимъ въ нихъ сравнительно мало виршей, проникнутыхъ, такъ сказать, злобой дня, которой не мало было въ жизни. По всему видно, что странствующіе школьники предпочитали имъ такія вирши, которыя могли бы служить безобиднымъ матеріаломъ во всякое время и на всякомъ мѣстѣ, вирши нравоучительнаго и нравоописательнаго содержанія.

Слѣдуетъ-ли отсюда, что низшіе ряды школьной братіи не принимали никакого участія въ сочиненіи и распространеніи виршевыхъ сказаній о событіяхъ и лицахъ, болѣе или менѣе значительныхъ въ историческомъ отношеніи? Мы знаемъ навѣрное, что обитатели старинной малорусской школы, какъ высшей, такъ и низшей, были вовсе неравнодушны къ тому, что происходило за стѣнами ея.

«Збунтовалась Украина, попы и дякы»,

говорится въ одной гайдамацкой пѣснѣ,

«Погынулы въ Украини жыды й полякы» [2]).

Хотя и сказано давно, что inter arma silent Musae, но слова эти ни въ какомъ случаѣ не могутъ относиться къ тѣмъ музамъ, которыя въ кровавыхъ зрѣлищахъ войны находятъ свое вдохновеніе, которыя изображаютъ героевъ „подъ трубами повитыхъ, подъ шеломы взлелеянныхъ, конець копія вскормленныхъ“. Не мало было такихъ героевъ въ старинной Украинѣ, поэтому и муза народная долго не умолкала, воспѣвая дѣянія и подвиги этихъ героевъ. Они были представителями народной самодѣятельности, которая, какъ извѣстно, составляетъ одно изъ главныхъ условій для народ-

[1]) Собраніе сочиненій Максимовича, т. I.

[2]) Украинскія народныя пѣсни, Максимовича, 1834 г., 125.

наго пѣснотворчества. Замѣчательно, что и школьная муза оживлялась въ эти именно моменты подъема народнаго духа. Мы остановимся на школьныхъ виршахъ, созвучныхъ съ народною музою въ изображеніи найболѣе выдающихся моментовъ въ исторіи Украины. Мы разумѣемъ хмельнищину и гайдамаччину—двѣ эпохи сходныя между собою во многихъ отношеніяхъ. „Такія-же побужденія, такія-же страсти, говоритъ Костомаровъ, какія отличали хмельнищину, дѣйствуютъ и въ гайдамаччинѣ: та-же отъявленная ненависть къ панамъ, шляхтѣ, католическому духовенству и іудеямъ, тѣ-же кровавыя, часто грязныя сцены убійствъ, грабежей, мучительствъ, разореній панскихъ усадьбъ и костеловъ,—тѣ-же ужасныя казни, слѣдовавшія, какъ репрессаліи отъ поляковъ, въ случаяхъ укрощенія мятежей,—то-же упорство со стороны южноруссовъ“ [1]).

Вирши о Хмельницкомъ встрѣчаются большею частію въ лѣтописяхъ, именно у Ерлича и Грабянки. Обычная тема этихъ виршей—прославленіе Хмельницкаго за то, что онъ „искоренилъ Унію, гонилъ ляхи зъ жиди и прочіи народи подъ такими види“ [2]). Нѣкоторыя изъ этихъ виршей напоминаютъ искренностію тона народныя думы:

«И ты, Чигирине, мѣсто Украинне, не меншую славу.
Теперъ въ собѣ маешъ, коли оглядаешъ въ рукахъ булаву.
Зацного Богдана, мудрого гетмана, доброго молодця,
Хмелницького чигиринського, давного запорожця [3])».

Такое-же изобиліе эпитетовъ, приложенныхъ къ имени Хмельницкаго, встрѣчаемъ и въ думѣ:

«Та хотя жъ бувъ панъ Хмельницькый,
Жытель чыгырынськый,
Козакъ лейстровый,
Пысарь вийськовый,

---

[1]) Костомаровъ, Исторія козачества по памятникахъ южнар. народнаго творчества, отдѣльный оттискъ, стр. 140.

[2]) Лѣтопись Грабянки: похвала вѣршами Хмелницкому отъ народа малороссійскаго.

[3]) Лѣтоп. Ерлича, 312.

Лыцарь добрый,
Та померъ,—
А тильки его слава козацька—малодецька
Не вмре, не поляже»... [1]).

Есть и другія въ виршахъ о Хмельницкомъ точки соприкосновенія съ народными думами. Какъ въ виршахъ, такъ и въ думахъ, изъ прозвища Хмельницкаго извлекается извѣстная поэтическая аналогія для изображенія душевнаго состоянія враговъ:

«Высыпався хмель изъ мѣха
И наробивъ ляхамъ лиха,
До жовтои водицѣ
Наклавъ имъ дуже хмелницѣ,
Не могли на нагахъ стати,
Волимо утѣкати» [2]).

Въ думѣ о Корсунской битвѣ враждующія стороны варятъ вмѣстѣ пиво:

«Не вербы жъ то шумилы и не галкы закрычалы:
Тожъ козакы зъ ляхамы пыво варыть зачыналы» [3]).

Но это пиво не по вкусу пришлось ляхамъ: они начали уходить отъ козаковъ:

«Чомъ вы не дожыдаете»,

говорятъ имъ козаки,

«Нашого пыва не допываете?» [4]).

Какъ въ думахъ, такъ и въ виршахъ, весьма замѣтна склонность торжествующихъ козаковъ къ глумленію надъ побѣжденнымъ врагомъ. Въ одной виршѣ ляхи называются *куркоидами* [5]),—въ другой говорится объ этомъ расположеніи ихъ къ куриному мясу слѣдующимъ образомъ:

---

[1]) Историч. пѣсни малорус. народа, Ант. и Дрогом. т. 2, в. I, 29.

[2]) Костомаровъ, Исторія козачества по памятникамъ южнор. народнаго творчества, отд. оттискъ, 279.

[3]) Закревскій, Старосв. бандуриста, 81.

[4]) Записки о Южной Руси, Кулиша, I, 23.

[5]) Та-же статья Костомарова отдѣльный оттискъ, 279.

«Нехай христіяне, ваши подоляне, поросложують куры,
Що выловили и выносили ваши дзюры.
А вы въ татарахъ, въ тяжкихъ кайданахъ, до смерти сидите,
Якъ мы одъ васъ, такъ вы одъ насъ, теперъ потерпите» [1]).

Въ думѣ о корсунской битвѣ Хмельницкій говоритъ плѣнику своему, гетману Потоцкому:

«Гей, пане Потоцькый,
Чомъ у тебе й доси розумъ жиноцькый?
Не вмивъ ты есы въ Камяньскимъ Подильци пробувати,
Печеного поросяты, курыци съ перцемъ та съ шапраномъ ужываты,
А теперъ не зумиешъ ты зъ намы, козакамы, воюваты,
И жытнёи соломахы зъ туслукомъ уплитаты.
Хиба велю тебе до рукъ крымському хану даты,
Щобъ навчылы тебе крымськи нагаи сырон кобылыны жоваты» [2]).

Какъ объяснить это согласіе въ тонѣ и даже въ словесныхъ образахъ между думами и виршами? Трудно отвѣчать на этотъ вопросъ по недостатку хронологическихъ данныхъ о происхожденіи той или другой думы, той или другой вирши. Можно предполагать, конечно, обоюдное вліяніе однихъ произведеній на другія, не менѣе вѣроятно и то, что одно общее настроеніе было причиной этого согласія.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ была сдѣлана счастливая находка одной вирши, несомнѣнно составленной современникомъ Хмельницкаго. Мы разумѣемъ виршу, которая открыта была А. Петровымъ и напечатана въ Archiv für Slavische Filologie, въ нашей транскрипціи [3]). Въ подлинникѣ вирша эта носитъ слѣдующее заглавіе: „Duma kozackaia o woyni s kozakamy nad rikoiu Styru na te nute oy postył bym ia sim poniedziłkow osmuiu niedzielenky w roku 1651“. Рѣчь идетъ въ этой виршѣ о

[1]) Лѣтоп. Ерлича, 313.

[2]) Зап. о. Юж. Руси, Кулиша, I, 223.

[3]) 1877 г., Zweit. Band. Вирша открыта была въ книгѣ, напечатанной въ Брюсселѣ въ 1627 — 1630 гг. подъ заглавіемъ: „De Militia Equestri, antiquâ et novâ à P. Hermanno Hugone“. На пустыхъ страницахъ этой книги написана была вирша латинскими буквами.

пораженіи козаковъ подъ Берестечкомъ. Скоро-ли написана была она послѣ событія, изъ самого текста вирши этого не видно, но, безъ сомнѣнія, написана она была участникомъ въ берестечской битвѣ, что явствуетъ, напримѣръ, изъ такихъ выраженій: „вельмы ж мы дыво да на Осолиньского, що *нас* воюетъ“,— „Аж бачат Ляхы, що на нас страхы“ и т. п. Къ тому же заключенію приводитъ и множество подробностей въ разсказѣ о ходѣ битвы, съ обозначеніемъ изо дня въ день всего того, что происходило предъ глазами сочинителя, съ наименованіемъ дѣйствующихъ лицъ, съ точной передачей разговоровъ между ними.

Вирша начинается не совсѣмъ яснымъ по смыслу обращеніемъ къ р. Стырю, затѣмъ рѣчь идетъ о замыслѣ Хмельницкаго „на перевозі, чи пак въ дорозі короля погромыты“.

«Хан згоду радыт, а не порадыт, козаки войну любят:
Ой Коземіру, юж тобі мыру с козаками не будет».

Но вотъ

«Середа прыйшла, вся орда прыйшла, Хан и Хміль с козаками».

Съ польской стороны начали битву Конецпольскій и Любомирскій. Кончилась она нерѣшительно. Таборъ козацкій остался цѣлъ, но козаки должны были отступить къ табору.

«Четвер надходыт, войско выходыт, Хан и Хміль с козакамы».

Поляки обнаружили мужество

«Не як під Пілявцямы,
Не утікают, кров проливают, и на Татар не дбают».

Пало въ этотъ день много богатырей польскихъ: палъ Казановскій „для обороны польскоі корони“, палъ Осолинскій, „якъ лях давный и юнак славный“,—едва спасся Сапѣга, благодаря Вишневецкому и Любомирскому, подоспѣвшимъ на выручку. Въ этотъ-же день „пав страх на Хана, слалъ онъ до Гетмана“ съ извѣстіемъ, что онъ уйдетъ съ поля битвы. Хмельницкій едва упросилъ его остаться.

«Въ пятницю рано ушиковано войско до бою было,
Ляхамъ выгода, а нам негода: небо солнце закрыло».

Когда приготовились уже къ бою,

«Довго стоялы, почать боялы, з Ляхамы ся не былы,
Аж бачат Ляхы, що на насъ страхы, и до нас скочылы».

Разсказывается далѣе, какъ Вишневецкій, заклятый врагъ козаковъ, врѣзался въ самую средину козацкаго войска. Завязалась ожесточенная битва:

«Крык труб повстанет, гук за тым встанет, дымы день ясный тмылы,
Стрільці-янчаре, а з діл пожары непрестанно світылы».

Въ самый разгаръ битвы

«Хан утікает,
Ляхы гонылы, татаровъ былы, Хан ся не оглядает.
Тут зась козаки, хотя й юнаки, ой різко утікалы,
Ляхы гонылы и йіх стынали, аж табур розорвалы,
И гды бы почі тьма на помочі козакови не была,
Не одна б маты, гды б кто дал знаты, козацькая завыла».

О приключеніяхъ Хмельницкаго, который поручилъ командованіе войскомъ полковнику Джеджалыку, а самъ отправился вслѣдъ за Ханомъ, чтобы воротить его назадъ, въ виршѣ ничего не говорится. Заканчивается она изображеніемъ трагическаго положенія козаковъ, которыхъ ляхи „обточылы“. Три раза просили они короля о мирѣ на условіяхъ зборовскаго договора.

«Мовить не дает, з очу зганяет: «выдайте мы гетмана,
Панов слухайте, старшыну знайте, а идіть быты хана».

На все согласны козаки, только не согласны они отъ старшины своей „отступыты“. Въ отчаяніи рѣшились они загатить болото, которое было въ тылу у нихъ, чтобы вырваться изъ осады. Въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ они устроили гати не изъ хворосту, котораго подъ рукой не было, а изъ возовъ, кожуховъ, войлоковъ и т. п.

«Ляхы позналы, всі в шыку сталы и на нас пыльновалы,
Козаки же «понеділка ждали,
А в понеділок одбіглы ділок и борошна усёго,

Перебывайім да погибайім, щасливъ, що выйшов с того.
Тыйі плывают, до тых стріляют, ставыще залывают,
А другых в нетрі, в лісі, як вепрів дикых, забывают» ...

На этихъ словахъ обрывается вирша. Все въ ней до крайности просто и реально. Разсказъ идетъ бойко и живо, безъ излишнихъ словъ, безъ всякихъ риторическихъ возгласовъ. Въ языкѣ нѣтъ тяжеловѣсныхъ формъ и оборотовъ славянскихъ. Хотя и встрѣчаются по мѣстамъ полонизмы, но они не коснулись фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи. Вообще же по языку и стилю эта вирша близка къ народнымъ пѣснямъ. Авторъ ея, очевидно, подражалъ стихотворному размѣру одной изъ этихъ пѣсенъ, имѣя въ виду даже мотивъ ея. Размѣръ этотъ (5+5+7). Чрезвычайно важно для насъ это обстоятельство. Мы видимъ передъ собою сліяніе виршеваго творчества съ народнымъ, причемъ въ отношеніи къ формѣ центръ тяжести перемѣщается изъ книжной среды въ народную. Мы присутствуемъ какъ бы при самомъ зарожденіи тѣхъ произведеній виршеваго искусства, которыя съ теченіемъ времени превратились въ народныя пѣсни. Судя по наличному факту, не всякая вирша могла быть усвоена народомъ: для этого нужно было, чтобы составитель вирши самъ сдѣлалъ шагъ по направленію къ стихотворному размѣру народной пѣсни. Мы не нашли нашей вирши въ народной переработкѣ, но, безъ всякаго сомнѣнія, не мало есть пѣсенъ историческаго содержанія, въ которыхъ проглядываетъ виршевая основа. Такова, напримѣръ, изъ эпохи Хмельницкаго извѣстная пѣсня о Перебийносѣ: „Не дывуйтеся, добрии люде, що на Вкраини повстало“. По размѣру она близка къ виршѣ о берестечской битвѣ (5+5+8), но дѣло не въ томъ: въ нѣкоторыхъ варіантахъ ея встрѣчаются такія формы, какъ *злякнешъ*, *спаднешъ* [1]),—въ другихъ—такія слова, какъ *жызность*, *юнакъ* [2]). Нужно замѣтить при этомъ, что это послѣднее слово составляетъ исключительную принадлежность виршей. Въ разобранной нами виршѣ о берестечской битвѣ оно одинаково прикладывается къ полякамъ и козакамъ. Всѣ эти

[1]) Зап. о Юж. Руси, Кулиша, I, 272.

[2]) Лисенко, Збір. украинс. пісенъ, I, 28.

слова и формы ясно указываютъ на виршевое происхожденіе этой нѣкогда популярной въ народѣ пѣсни [1]).

Любопытно, что авторъ вирши о берестечской битвѣ самъ назвалъ свое произведеніе *думой*. Извѣстно, что первое упоминаніе о думахъ встрѣчается въ Анналахъ польскаго историка Сарницкаго подъ 1506 годомъ. Особенности думъ по Сарницкому слѣдующія: 1) общественное содержаніе ихъ (тѣ думы, о которыхъ говоритъ онъ, сложены были по поводу смерти двухъ воинственныхъ братьевъ-юношей въ борьбѣ съ Волохами); 2) элегическій характеръ и 3) печальный мотивъ ихъ; 4) жестикуляція при исполненіи думъ. Самое названіе этого рода произведеній Сарницкій считаетъ туземнымъ: elegiae, quae dumas Russi vocant [2]). Тотъ же нѣжный элегическій характеръ напѣва приписываютъ думамъ и болѣе поздніе писатели польскіе: таковы были въ XVI и XVII вв. подольскія думы, о которыхъ говоритъ въ переводѣ Аристотелевой политики польскій философъ Petrycy [3]). Въ одномъ польскомъ стихотвореніи (Іеронима Морштина 1606 г.) *дума* входила въ обиходъ козацкой жизни, какъ ея необходимая принадлежность, при чемъ она игралась на трубахъ. Въ томъ же стихотвореніи думы называются военными псáлмами [4]). Какъ видно, думы слагались еще при жизни воспѣваемыхъ героевъ: такъ, по свидѣтельству „Краткой исторіи о бунтахъ Хмельницкаго“, невѣста Тимофея

---

[1]) Считаемъ необходимымъ высказаться здѣсь по поводу вопроса о поддѣльности нѣкоторыхъ думъ и пѣсенъ, затронутаго издателями Историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа еще въ 1874 — 1875 гг. Предполагали они въ концѣ изданія помѣстить эти думы и пѣсни съ примѣчаніями о томъ, почему они считаютъ ихъ поддѣльными. Но такъ какъ изданіе не окончено, то заподозрѣнныя думы и пѣсни до настоящаго времени состоятъ подъ судомъ и слѣдствіемъ въ ожиданіи окончательнаго приговора. Судъ, во всякомъ случаѣ, не скорый и не совсѣмъ милостивый. Мы тоже не сомнѣваемся въ поддѣльности нѣкоторыхъ думъ и пѣсенъ, но для всесторонней оцѣнки ихъ въ неопредѣленномъ будущемъ, позволяемъ себѣ выразить съ своей стороны желаніе, чтобы ученые, которые когда нибудь займутся этимъ вопросомъ, имѣли въ виду высказанныя нами въ изслѣдованіи нашемъ соображенія о старинныхъ книжныхъ вліяніяхъ на пѣснотворчество народное.

[2]) См. нашъ Очеркъ звуковой исторіи малор. нарѣчія, 289.

[3]) Słownik języka polskiego, Linde, 1807 г., I, 549.

[4]) Iagić, Gradia za Historiju slovinske narod. poesije, 76.

Хмельницкаго наканунѣ свиданія съ нимъ велѣла пѣть о немъ *думу козацкую*[1]). Вообще же въ польскомъ языкѣ *дума*, по объясненію Линде, основанному на значеніи этого слова у старинныхъ писателей польскихъ, есть elegia rycerska, niby zamyślona pieśń[2]). Основываясь на всѣхъ этихъ данныхъ, можно полагать, что 1) родиной думъ была земля подольско-галицкая: и теперь народъ различаетъ въ Галиціи *думы* отъ *думокъ*; „дума, говоритъ Головацкій, это, по мнѣнію народа, *довга, поважна пѣсня*; напѣвъ ея тоже важнѣе, протяжнѣе“[3]); 2) думы въ старину, какъ и теперь въ Галиціи, были пѣсни эпическаго содержанія, растворенныя однако же лирическимъ настроеніемъ, свойственнымъ элегіи; 3) въ козацкую эпоху народной жизни явились думы *войсковыя, козацкія*; 4) отъ южноруссовъ эта форма поэзіи перешла въ польскую литературу, гдѣ тоже явилась *дума*—конечно, не въ видѣ народнаго произведенія, а въ видѣ пѣсни меланхолическаго характера, сочиненной личнымъ авторомъ. Подъ вліяніемъ установившагося въ польской литературѣ понятія о думѣ и названа думой вирша о битвѣ берестечской.

У старинныхъ малорусскихъ писателей дума существеннымъ образомъ отличается отъ вирши. Въ лѣтописяхъ Грабянки и Велички собрано не мало виршей, которыя такъ и называются *вѣршами*,—думой же у Велички называются вирши пѣсеннаго размѣра, предназначенныя для пѣнія. Такъ, онъ говоритъ, что епископъ львовскій, Іосифъ Шумлянскій „новій унѣятъ и похлѣбца лядскій“, состоявшій при королѣ Собѣсскомъ во время похода его на турокъ подъ Вѣну, „на досаду гетману Самойловичу зложилъ собою *думу* альбо *пѣснь* такую“. Вотъ нѣсколько стиховъ изъ этой *думы—пѣсни*:

---

[1]) Записки о Южн. Руси, Кулиша, I, 44.

[2]) Słownik, Linde, 1807, I, 549. Раковскій, писатель польскій, жившій при Сигизмундѣ III, назвалъ свою пѣснь о татарскихъ разореніяхъ въ землѣ польской, съ воззваніемъ къ мести, думой. См. Encyklopedia powszechna, Ozgelbranda, т. VII, 591.

[3]) Народныя пѣсни Галиц. и Угорской Руси, Головацкаго, ч. III, отд. II. Послѣсловіе, 10.

«Жался, Боже, жался, Боже, на гетмана,
Самойловича Ивана!
Що заказалъ христіяномъ,
Пойти противъ бѣсурманомъ!
О тожъ бачишъ, о тожъ бачишъ, що ся стало:
И безъ тебе ся надало
Королевѣ и Полякомъ,
Кавалеромъ и юнакомъ»...

и прочая, долго тоей *пѣсни албо думи*", не безъ досады прибавляетъ лѣтописецъ [1]).

Въ такомъ родѣ *думы-пѣсни* нерѣдко встрѣчаются въ старинныхъ рукописяхъ XVII и особенно XVIII в. Къ этому разряду произведеній полукнижнаго, полународнаго характера можно причислить извѣстную пѣсню Мазепы, а также стихотворенія А. Марковича, Н. Ханенка, священника Некрашевича и многихъ другихъ большею частію безъименныхъ авторовъ. Нѣкоторыя изъ этихъ произведеній отличаются глубоко-народнымъ колоритомъ мысли и рѣчи, хотя и не вошли они во всенародное употребленіе.

Мы остановимся на пѣсняхъ этого переходнаго типа изъ эпохи Гайдамаччины.

Вотъ предъ нами страдальческій образъ мліевскаго ктитора Данила Кушнира, казненнаго въ м. Ольшаной за то, что при отобраніи въ м. Мліевѣ одной изъ церквей подъ Унію онъ своими непосвященными руками снялъ съ жертвенника св. чашу и спряталъ ее у себя въ коморѣ, чтобы не досталась эта святыня уніатамъ. 29 іюня 1766 г. согнали множество людей въ обозъ регимента ря польскихъ войскъ Воронича для созерцанія этой ужаснѣйшей казни. Въ сказаніи о мученіяхъ его говорится, что преступнику сперва обвертѣли руки пенькою, осмолили смолою и зажгли, и когда обгорѣли руки, то отсѣкли ему голову и вбили на колъ для устрашенія упрямыхъ схизматиковъ [2]). Тотчасъ послѣ событія сложена была пѣсня, глубоко

[1]) Лѣтоп. Велички, т. II, 535.

[2]) Руководство для сельскихъ пастырей, 1860 г., кн. 2.

искренняя по тону, но съ ясными признаками авторской руки [2]).

«Учынылы вражи ляхы у Вильшани славу
Да отнялы Данылу Млиевському главу.
Тило его повелилы огнемъ испалыты,
Главу его а до пали изъ гвоздьемъ прибыты.
Вражи сыны жыдыченькы тоди израдилы,
Якъ ктытора Данылa на пали узрилы.
А у той часъ страхъ велыкый людямъ завдавалы,
Усихъ людей до едности на виру наверталы.
Сподивалысь на йгомена, що винъ зарятуе,
А винъ тильки издячы по Украини да ляхивъ дратуе.
Заплакалы стари люде и малыи диты:
Горе, горе намъ на свити, що нигде прожыты!»

Игуменъ, упоминаемый въ пѣснѣ, есть никто иной, какъ извѣстный архимандритъ Мелхисидекъ Значко-Яворскій, который завѣдывалъ православными церквами на правой сторонѣ Днѣпра по порученію переяславскаго епископа Гервасія, подвластнаго Россіи. Заступничество Мелхисидека въ Петербургѣ и Варшавѣ за православныхъ, подвластныхъ Польшѣ, только дразнило ляховъ, какъ говорится въ пѣснѣ. Да и что могъ сдѣлать Мелхисидекъ, когда могущественная Екатерина II въ вопросѣ о диссидентахъ встрѣтила со стороны польской шляхты рѣшительное противодѣйствіе? Въ 1667 году она провела въ Варшавскомъ сеймѣ актъ въ пользу диссидентовъ: въ отвѣтъ на это сформировалась въ томъ же году барская конфедерація, поставившая задачей своей вооруженное сопротивленіе вмѣшательству русскаго правительства во внутреннія дѣла Польши, которая, по мнѣнію конфедератовъ, не должна была дѣлать постыдныхъ уступокъ иновѣрцамъ. Противъ конфедератовъ двинуты были русскія войска,—и мы имѣемъ пѣсню виршеваго склада объ осадѣ ими г. Станиславова, защищаемаго конфедератами. По обстоятельности и документальности разсказа пѣсня эта напоминаетъ думу о берестечской битвѣ.

[1]) Пѣсня эта открыта въ рукописномъ сборникѣ П. А. Лукашевича, съ отмѣткой, что она списана съ сборника 1767 г. Кіевс. Старина, 1886 г., Январь.

Приступили, говорится въ пѣснѣ, москали къ осадѣ Станиславова во вторникъ.

«У середу рано стали ся сходити
Всѣ ляхи до купи: «що будемъ робити?»
Единъ мовитъ: «биймо!» десять: «утѣкаймо!»
А сто каже: «всѣ до духа москалямъ поддаймо!»
Москалѣ волаютъ, абы выходили
Всѣ ляхи изъ града, которіе тамъ били;
Панъ староста Блонскій сердца добувае,
Староста Снятынскій отъ страху вмлѣвае.
Почали стрѣляти, на пляцъ выходити,
А не единъ мислитъ, якъ бы добре втекти.
Мусѣли ся бити увесь день доволѣ,
А въ вечеръ зостали москалямъ въ неволѣ.
Любилисте, ляхи, добре людей грабовати,
Любите жъ въ неволѣ у насъ зоставати.
Любилисте исти гуси, кури много,
Днесь сидѣть въ неволѣ, не ижте николи» [1]).

Въ послѣднихъ словахъ пѣсни звучитъ таже язвительная нота укоризны ляхамъ за насиліе и чревоугодіе, которая подробно развита въ думахъ и пѣсняхъ о Богданѣ Хмельницкомъ и сподвижникахъ его.

Наконецъ, въ 1768 году наступила кровавая расправа, извѣстная въ исторіи подъ именемъ *уманской рѣзни*. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этого событія сочинена была пѣсня, не успѣвшая еще отшлифоваться въ народномъ употребленіи, но за то вполнѣ свободная отъ преувеличеній, свойственныхъ часто народной пѣснѣ. Въ этой послѣдней говорится, напримѣръ, что Максимъ Желѣзнякъ „зібравъ війска сорокъ тысячъ“ [2]),— тогда какъ въ виршевой пѣснѣ ватага Желѣзняка ограничена всего тысячью человѣкъ. Разсказывается въ ней далѣе, что послѣ нѣкотораго раздумья, куда идти, гайдамаки направились въ Умань.

---

[1]) Рукописн. сборн. Кибальчича, № 77.

[2]) Лисенко, Збірник писень, I, 23.

«Въ Умань же мы пишлы,
Тай почалы штурмоваты,
Тамъ багато панивъ найшлы,
Та давай имъ нижкы росправляты».

Хотя слова „мы пишлы" даютъ нѣкоторое основаніе считать автора участникомъ этого похода, однако же изъ дальнѣйшаго разсказа видно, что пѣсня сложена по слуху, такъ какъ въ ней предводители отдѣльныхъ гайдамацкихъ ватагъ, дѣйствовавшихъ въ разныхъ мѣстахъ, сведены подъ Умань вмѣстѣ съ Желѣзнякомъ и Гонтой.

«Ой пишовъ Швачка голкою шыты,
Ляхивъ, жыдивъ по Умани лупыты;
А нашъ Нежывый цокоче,
Ажъ Умань зубамы скригоче.
А Журба ходячы зажурывся,
Що, головко бидна, Умань загорывся.
Та въ бандуру мицно грае,
Себе, козака, писнею розважае».

Впрочемъ, неточныя показанія пѣсни о совмѣстномъ дѣйствіи Швачки, Неживаго и другихъ подъ Уманью находятся во внутреннемъ согласіи съ тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, что въ этотъ періодъ времени отдѣльные *ватажки* дѣйствовали по общему плану и взаимному соглашенію.

Есть еще одинъ эпизодъ въ этой пѣснѣ о какомъ-то сотникѣ Метлицѣ, который, повидимому, готовъ былъ противодѣйствовать гайдамакамъ, и за это убитъ былъ Желѣзнякомъ и Швачкой. Передъ смертію Метлица говоритъ предводителямъ гайдамацкимъ:

«Слухай, Максыме, Швачко й Нежывый,
Бодай же кинець вашъ бувъ нудный та гиркый! [1]).

На этотъ эпизодъ намекаетъ другая пѣсня, сочиненная отъ лица одного изъ предводителей, названныхъ Метлицей. Она изображаетъ этого предводителя въ неволѣ, въ оковахъ:

---

[1]) Скальковскій, Наѣзды гайдамакъ, 147—152. Кіевс. Стар., 1882 г., Сентябрь.

«Литавъ же я на степахъ,

говоритъ онъ,

Якъ орелъ крылатый,
А теперъ же я въ цепахъ,
Якъ медвидь мордатый».

Ждетъ онъ неминуемой смерти, и вспомнились ему зловѣщія слова Метлицы... Съ нѣмымъ укоромъ одинъ за другимъ встаютъ предъ нимъ образы невозвратнаго прошлаго. Мелькаетъ въ его воображеніи широкій, вольный Днѣпръ, къ которому обращается онъ съ страстною мольбою:

«Ой, ричка—Днипръ широка,
Течешъ ты въ Чорнее море...
Охъ, визьмы мене зъ собою,
Бо горе жъ тутъ, горе!»

Жалѣетъ онъ, что оставилъ крутые пороги днѣпровскіе:

«Въ тыхъ крутыхъ порогахъ
Вода съ каминнямы воюе,
Въ тыхъ зеленыхъ дибровахъ
Сыва зозуленька кукуе...
Охъ, кукувала вона, кукувала,
Та щыру правду мени казала,
Що тамъ було мени жыты
И щастя свое мигъ тамъ зловыты,
Не хтивъ ии знаты,
Та полетивъ на родыну...
Теперъ же мени не спийматы
Тую щаслывую годыну»...

Вотъ за это бурное участіе въ судьбѣ близкихъ своихъ, рода-племени своего, и приходится дорого расплачиваться узнику. Онъ долженъ разстаться съ мечтою о счастіи, долженъ подумать о смертномъ часѣ:

«Годи мени козакуваты, говоритъ онъ,
Годи птахомъ въ поли литаты,
Пора себе въ желиза заковаты,

Пора въ Бога прощения заробляты,
Колы бъ далы прощения заробыты,
Бога молытвамы вмолыты,
А тоди хоть умираты:
Не страшно въ домовыну съ покутою лягаты» [1]).

Эта задушевная пѣсня показываетъ намъ, на какую высоту могла подняться виршевая поэзія, проникаясь народнымъ настроеніемъ и затрогивая жизненные вопросы, волновавшіе народную массу. Конечно, по поводу этихъ вопросовъ сочинялись вирши людьми неодинаковаго литературнаго ценза, но, за немногими исключеніями, высокій литературный цензъ находился въ обратно пропорціональномъ отношеніи къ достоинству самихъ виршей. Поэтическія краски даетъ не школьная наука сама по себѣ, въ ея отвлеченіи отъ жизни, а именно эта самая жизнь, воспроизведенная въ чарующихъ звукахъ роднаго слова, которое стоитъ въ неразрывной связи съ естественнымъ методомъ народной мысли и народнаго чувства. Только тотъ могъ написать виршу, не оскорбляющую поэтическаго чувства, кто зналъ народную жизнь не по наслышкѣ, кто чувствовалъ ея трепетаніе въ своемъ собственномъ сердцѣ. Мы думаемъ, что къ этому болѣе всего способны были грамотные люди, входившіе, такъ сказать, во вкусъ народной жизни. Это были именно тѣ самые странствующіе школьники и имъ подобные просвѣтители народа, о которыхъ мы говорили выше... При всѣхъ своихъ недостаткахъ они принимали живое участіе въ тревогахъ и радостяхъ народной жизни. Сохраняя въ большей или меньшей степени нѣкоторыя культурныя привычки мысли и слова, они не теряли чувства народности, которое постоянно поддерживалось живымъ общеніемъ съ народомъ. На почвѣ этого общенія они вдохновлялись иногда сюжетами исторической важности, хотя произведенія свои, написанныя на историческія темы, они предназначали, повидимому, не столько для школьнаго, сколько для всенароднаго употребленія. Думать надобно, что и составлялись эти произведенія внѣ школьной обстановки, въ тотъ періодъ личной

[1]) Кіевская Старина, 1882, Сентябрь.

жизни авторовъ, когда они выступали, какъ говорилось въ старину, „збройно и оружно“. Такъ объясняемъ мы сравнительную скудость въ старинныхъ школьныхъ сборникахъ виршей военно-бытоваго содержанія. Слѣды ихъ существованія можно, однако же, какъ мы видѣли, открыть иногда въ нѣкоторыхъ народныхъ пѣсняхъ. Но особенно ощутительно отраженіе виршеваго искусства на языкѣ и стилѣ народныхъ малорусскихъ думъ. Положительно можно сказать, что это искусство, взятое во всемъ его объемѣ виршей нравоучительныхъ, нравоописательныхъ и историческихъ, оказало рѣшительное вліяніе на выработку своеобразной поэтической формы думъ.

Откуда же эта форма?

П. Житецкій.

СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ.[1]

И. И. Манжура.

Записи Ивана Ивановича Манжуры часто встрѣчаются въ лучшихъ этнографическихъ изданіяхъ, сборникахъ и изслѣдованіяхъ 70-хъ и 80-хъ годовъ. Г. Манжура собиралъ великорусскій и малорусскій этнографическій матеріалъ; но такъ какъ районъ его экскурсій губерніи екатеринославская и харьковская, въ которыхъ великорусское населеніе встрѣчается лишь мѣстами, спорадически, то и собранные г. Манжурой матеріалы почти исключительно малорусскіе. Около 200 №№ великорусскихъ пѣсенъ, записанныхъ въ екатеринославской губерніи, переданы г. Манжурой извѣстному этнографу П. В. Шейну. Въ „Русской Старинѣ“ г. Манжура напечаталъ три великорусскія историческія пѣсни: „Осада Смоленска“, „Взятіе Хотина (Кистрина?)“ и „Новороссія“. Большая часть малорусскихъ этнографическихъ матеріаловъ поступила въ 70-хъ годахъ въ Юго-Западный отдѣлъ Географическаго Общества и, по закрытіи отдѣла, была издана отчасти въ „Малор. народ. преданіяхъ и разсказахъ“, отчасти въ „Политич. писняхъ украинскаго народа“. Въ 80-хъ годахъ большой матеріалъ (пѣсни и сказки) поступилъ въ харьковское историко-филологическое общество, которое издало главную часть—сказки, анекдоты и пр. и готовитъ къ изданію сборникъ пѣсенъ. Кромѣ того, небольшіе матеріалы были напечатаны г. Манжурой въ „Кіевской Старинѣ“, „Этнограф. Обозрѣніи“,

[1]) Кіевск. Стар. 1892 г. № 8.

„Живой Старинѣ“, „Степи“ и „Екатеринославскомъ Юбилейномъ Листкѣ“. Въ общей сложности матеріалы, собранные г. Манжурой, составляютъ весьма цѣнный вкладъ въ науку. Научное значеніе этого матеріала опредѣляется не только его количествомъ, но прекрасными внутренними свойствами, точностью записей и сохраненіемъ мелкихъ фактическихъ деталей.

Достоинства этнографическихъ записей г. Манжуры обусловлены прекраснымъ знаніемъ народной рѣчи и пониманіемъ художественныхъ красотъ ея, что въ частности ярко сказалось въ небольшомъ сборникѣ оригинальныхъ стихотвореній г. Манжуры „Степовы спивы та думы“. А. А. Потебня высоко ставилъ г. Манжуру какъ этнографа и какъ поэта. Онъ редактировалъ его сборникъ сказокъ при печатаніи ихъ во II томѣ „Сборника харьк. историко филол. общества“ и издалъ „Степови думы“. Въ прошломъ (1891 г.) году Общество любителей естеств., антроп. и этнографіи при московскомъ университетѣ избрало г. Манжуру въ дѣйствительные члены во вниманіе къ его заслугамъ по собиранію этнографическихъ матеріаловъ. О новѣйшемъ трудѣ г. Манжуры, сборникѣ сказокъ, изданномъ Ист.-филол. обществомъ, были одобрительные отзывы въ „Этнограф. Обозрѣніи“, „Wisła“ и „Revue des traditions populaires“.

Въ III т. „Исторіи рус. этногр.“ г. Пыпина на стр. 410 находится краткая замѣтка о небольшихъ статьяхъ г. Манжуры въ „Кіевской Старинѣ“. Мы изложимъ сначала біографію г. Манжуры, затѣмъ остановимся на изданныхъ имъ пѣсняхъ и мелкихъ повѣрьяхъ и, наконецъ, разберемъ по возможности подробно его сборникъ сказокъ.

Біографическій очеркъ составленъ нами по свѣдѣніямъ, отчасти полученнымъ отъ г. Манжуры, отчасти извлеченнымъ изъ его стихотвореній въ „Степовыхъ спивахъ“. И. И. Манжура—мой товарищъ по гимназіи; но мы рано пошли разными путями, и своихъ скудныхъ воспоминаній я сюда не вношу.

И. И. Манжура родился въ Харьковѣ въ 1851 г. Семейная обстановка не благопріятствовала успѣшному ходу его развитія. Отъ отца И. И. Манжура унаслѣдовалъ болѣзненное состояніе, лишившее его на всю жизнь обезпеченнаго положенія и житей-

скаго довольства. Въ стихотвореніяхъ „Старый музыка", „Босяцка писня" и въ особенности въ стихотвореніи „Незвычайный" ярко просвѣчиваютъ автобіографическія черты. Первоначальное образованіе г. Манжура получилъ во 2 харьковской гимназіи. Увольнившись изъ 5 класса, онъ поступилъ въ ветеринарный институтъ, но вскорѣ оставилъ институтъ и въ 1870—1871 годахъ поселился у своего товарища по гимназіи И. А. С. въ его имѣніи въ екатеринославской губ. Съ этого времени, первоначально при содѣйствіи г. С., начались этнографическія экскурсіи г. Манжуры по екатеринославской и харьковской губерніямъ. Г. Манжура вошелъ въ самую глубь народной жизни, проживалъ въ крестьянскихъ хатахъ и на пасѣкахъ и посредствомъ самаго тѣснаго сближенія съ народомъ пріобрѣлъ то тонкое и обстоятельное знаніе его жизни, рѣчи, внѣшняго быта, которое обнаруживается въ его этнографическихъ записяхъ и степовыхъ думахъ. Въ концѣ 70-хъ годовъ г. М. пріобрѣлъ сравнительно бо́льшую осѣдлость и проживаетъ большею частью въ Екатеринославѣ. Живаго общенія съ народомъ (въ смыслѣ изученія его) г. Манжура не прерывалъ, и нынѣ, при крайне неблагопріятныхъ условіяхъ личной жизни, онъ все еще продолжаетъ свои записи, какъ можно убѣдиться изъ его этнографическихъ замѣтокъ въ „Кіев. Старинѣ", „Этногр. Обозр." и „Живой Старинѣ" прошлаго и текущаго года.

Этнографическіе матеріалы г. Манжуры распадаются на прозаическіе и пѣсенные. Въ особенности обширнымъ и важнымъ оказывается отдѣлъ прозаическій.

Извѣстный сборникъ „Малор. нар. преданія и разсказы" (1876 г.), послужившій драгоцѣннымъ пособіемъ для многихъ ученыхъ, заключаетъ много записей г. Манжуры. По признанію редактора этого сборника *г. Драгоманова* отъ г. Манжуры поступило „особенно много и все превосходнаго качества". Такую же оцѣнку сборникъ этотъ встрѣтилъ у *Костомарова* въ „Рус. Стар." 1877 и *Ар. Веселовскаго* въ „Древ. и Нов. Россіи" 1877 г. Г. Манжурой сообщены апокрифическіе разсказы (о сотвореніи міра, хожденіи Христа и ап. Петра, Андреѣ Первозванномъ), разсказы о птицахъ (ласточкѣ, сойкѣ, аистѣ) и на-

сѣкомыхъ (комарѣ и оводѣ), извѣстная легенда о стоколосѣ, нѣсколько заговоровъ, много разсказовъ о чертяхъ, вѣдьмахъ и упыряхъ, рядъ шутливыхъ сказокъ и анекдотовъ о цыганахъ, великоруссахъ, солдатахъ, нѣсколько историческихъ разсказовъ о Мазепѣ и Палiѣ, о гайдамакахъ, нѣсколько обширныхъ сказокъ, изъ коихъ однѣ миѳическія (поповна въ лѣсу), другія повѣствовательныя (объ умной женѣ) и нѣсколько загадокъ.

Мелкіе народные разсказы изъ записей Манжуры разбросаны въ „Кіев. Стар.“, „Степи“, „Этногр. Об.“ и „Жив Стар.“. Отмѣчаемъ здѣсь ихъ вкратцѣ, сначала прозаическіе, а потомъ въ концѣ статьи сдѣлаемъ оцѣнку нѣкоторыхъ пѣсенъ.

Въ „Кіев. Стар.“ 1888, VIII, 50—53 и въ „Живой Стар.“ 1892, I, 80 напечатаны г. Манжурой нѣсколько малорусскихъ разсказовъ о *богатыряхъ* и богатырскихъ коняхъ. Въ „Кіев. Стар.“ г. Манжура сопоставляетъ великорусскихъ и малорусскихъ богатырей и отмѣчаетъ нѣкоторыя черты сходства: малорусскіе лыцари, подобно былиннымъ богатырямъ, исчезаютъ гдѣ-то въ каменной горѣ.

Въ „Кіев. Стар.“ 1889, IX, 763—765, находится замѣчательная малорусская легенда *о Петровомъ батогѣ* съ превосходнымъ комментаріемъ г. Манжуры, обнаруживающимъ отличное знакомство автора съ степной новороссійской природой, народнымъ міросозерцаніемъ и бытомъ. Варіанты этой легенды отмѣчены нами при обзорѣ статей П. В. Иванова. Этими легендами народъ объясняетъ названіе цвѣтка дикаго цикорія Петровымъ батогомъ и появленіе въ сухое время при восточномъ вѣтрѣ такъ называемой „юги“ (св. Петро вивци гоне). Мы не находили подобныхъ легендъ у другихъ народовъ и склонны къ предположенію, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ оригинальную малорусскую степную пастушескую легенду, пріуроченную къ великому циклу легендъ о хожденіи по землѣ Спасителя и ап. Петра. Искаженіемъ малорусской легенды о происхожденіи юги можно считать бѣлорусскую сказку о томъ, „якъ Микола и Петръ лошадей на Украинѣ закупляли“. Въ этой грубой сказкѣ трудно узнать мягкую и поэтическую украинскую легенду (см. Смоленск. этногр. сборн. *Добровольскаго*, I, 290).

Въ „Кіев. Стар.“ 1890, I, 124 — 125 находится цѣнная замѣтка г. Манжуры къ вопросу *о кумовствѣ*, гдѣ опредѣляются степени родства по кумовству, признаваемыя народомъ (кумы клыканные, стричанные и одкупные).

Въ „Кіевск. Стар.“ 1890, IV, 161 — 162 замѣтка о повѣрьяхъ малороссовъ *объ ужѣ, сосущемъ корову*; въ „Кіев. Ст.“ 1890, X, 151 маленькая замѣтка *о полозѣ*; въ „Живой Старинѣ“ 1892, II, 78—79 три разсказа объ *упыряхъ* — варіанты извѣстныхъ въ печати. Въ прекратившихся провинціальныхъ изданіяхъ „Степи“ (1885—1886) и „Екатеринославскомъ Юбилейномъ Листкѣ“ (1887) находится нѣсколько мелкихъ этнографическихъ замѣтокъ г. Манжуры, напр. въ 51 № „Степи“ 1886 статейка *о Купалѣ*.

Главный этнографическій трудъ г. Манжуры „*Сказки, пословицы и т. п., зап. въ екатеринославской и харьковской губерніяхъ*“ напечатанъ въ III т. Сборника харьк. историко-филол. общества (1890 г.); въ оттискахъ (200 экземпляровъ) 194 стр. Въ началѣ сборника находится 11 сказокъ животнаго эпоса со многими бродячими литературными мотивами. Остановимся для примѣра на двухъ сказкахъ этого рода, „Довгомудыкъ“ и „Якъ пивныкъ до моря воды ходывъ“.

Сказка „Довгомудыкъ“ (№ 1) слѣдующаго содержанія: Жили дѣдъ и баба. Всѣ куры ихъ были передавлены хоремъ. Дѣдъ рѣшилъ убить хоря. По дорогѣ ему въ товарищи и помощники поступаютъ кизякъ, лычко, кіекъ, жолудь, ракъ и пѣтухъ. Они вошли въ хату хоря, не застали его дома и попрятались: жолудь въ печь, кизякъ за порогомъ, лычко подъ порогомъ, кіекъ на чердакѣ, ракъ въ помойномъ ведрѣ, пѣтухъ на жердочкѣ и дѣдъ на печкѣ. Когда прибѣжалъ хорь, то жолудь треснулъ въ печкѣ и перепугавшійся хорь бросился къ ведру, гдѣ его ущипнулъ ракъ; хорь соскочилъ на жердь, гдѣ его клюнулъ пѣтухъ, бросился къ порогу, споткнулся о кизякъ, запутался въ лычкѣ и былъ убитъ кійкомъ, упавшимъ съ чердака. Дѣдъ снялъ съ хоря шкурку и ушелъ домой.

Сходная великорусская сказка „Баринъ, пѣтухъ и жорновы“ записана въ самарской губерніи. Въ этой сказкѣ пѣ-

тухъ отыскиваетъ у барина свои жорновы; ему помогаютъ лиса, волкъ, медвѣдь, огонь, вода, которые наносятъ барину вредъ по желанію пѣтуха (*Садовниковъ*, Сказки и пред. самар. края, 169).

Есть весьма сходныя польскія сказки. Такъ, въ одной сказкѣ изъ подъ Кракова дѣйствующими лицами являются конь, волъ, пѣтухъ, котъ и ракъ. Въ другой сказкѣ, записанной у карпатскихъ горцевъ, къ бѣдному мужику присоединяются игла, ракъ, утка, пѣтухъ, свинья, волъ и конь. Они вошли въ одномъ лѣсу въ заклятый домъ, гдѣ жили демоны. Конь сталъ въ конюшнѣ, волъ въ сараѣ, пѣтухъ взлетѣлъ на крышу, свинья помѣстилась въ хлѣвѣ, утка подъ печью, ракъ—въ ведрѣ и игла на скамьѣ. Когда пришелъ чортъ и сѣлъ на скамью, игла его уколола; онъ къ водѣ—ракъ ущипнулъ, жолудь лопается и выбиваетъ у чорта глазъ, волъ бьетъ его рогами, конь—копытами и т. д. Чортъ убѣжалъ въ адъ, гдѣ говорилъ, что его уколола игла, а когда онъ хотѣлъ помочить больное мѣсто, кузнецъ (ракъ) ущипнулъ, изъ печи выстрѣлили (жолудь), въ сараѣ ударили вилами (Zawiliński, Z powiesci i piesni № 5).

Во французской сказкѣ, записанный въ Лотарингіи, кошка беретъ себѣ въ товарищи пѣтуха, собаку, барана, козла и осла. Въ лѣсу они находятъ домъ воровъ. Воры были перепуганы и разбѣжались, причемъ одного изъ нихъ, который хотѣлъ зажечь свѣчу, кошка оцарапала, пѣтухъ клюнулъ и т. д. Сходныя сказки записаны въ Вестфаліи, въ Швейцаріи, у австрійскихъ нѣмцевъ, чеховъ, норвежцевъ, шотландцевъ, ирландцевъ, въ Сициліи и Тосканѣ, въ Испаніи, въ Португаліи и на отдаленномъ востокѣ, въ Японіи и на о. Целебесѣ. Товарищи въ однѣхъ сказкахъ разгоняютъ демоновъ, въ другихъ воровъ, въ третьихъ волковъ. Въ большинствѣ сказокъ этого разряда товарищество составляютъ одни звѣри, и лишь въ немногихъ являются люди или неодушевленные предметы. Къ польской сказкѣ близко подходитъ нѣмецкая (у Гримма № 41), въ которой также является игла. Подобная сказка находится въ „Fraschmeuseler“ Ролленгагена, нѣмецкой поэмѣ 1595 г. (*Cosquin*, Contes popul. II, n. 45). Очень любопытный японскій

варіантъ этой сказки въ русскомъ переводѣ напечатанъ въ газетѣ „*День*“ 1891, № 1270 и въ „*Москов. Вѣдом.*“ 1891 № 332.

Сказка „Якъ пивнякъ до моря воды ходывъ“ имѣетъ столь же много родственныхъ въ словесности другихъ народовъ. Содержаніе сказки состоитъ въ слѣдующемъ: Были дѣдъ и баба, а у нихъ пѣтушокъ и курочка. Курочка подавилась зерномъ, и пѣтушокъ побѣжалъ къ морю просить воды. Море потребовало за воду воловьяго рога, пѣтушокъ обратился съ просьбой къ волу; но волъ за рогъ потребовалъ дубоваго жолудя, дубъ—липоваго листа, липа—дѣвичьяго вѣнка. Дѣвушки сплели вѣнокъ; липа за вѣнокъ дала листъ и т. д., и когда пѣтушокъ раздобылъ наконецъ воды, то курочку черви съѣли.

Въ варіантѣ этой сказки мышка разбила золотое яичко, что вызвало слезы дѣда и бабы и скрипъ дверей. Двери говорятъ причину, почему онѣ скрипятъ, дубу, послѣ того какъ онъ опустилъ свои вѣтки, дубъ—барану, послѣ того, какъ баранъ сбилъ себѣ роги, баранъ—рѣчкѣ, послѣ того какъ она стала кровавой, рѣчка—поповской дочери, послѣ того какъ она согласилась побить посуду, которую пришла помыть, дочка—матери, послѣ того какъ она разбросала по хатѣ расчину, и, наконецъ попадья сказала попу, послѣ тото какъ онъ отрѣзалъ себѣ косу (*Манж.*, 5—6).

Сходная польская сказка „O śwince pyrdce“: свинья не хочетъ идти съ поля. Пастухъ жалуется на нее собакѣ, на собаку—палкѣ, на палку—топору, на топоръ—кузнецу, на кузнеца—веревкѣ, на веревку крысамъ и мышамъ, на мышей—котамъ, на котовъ—собакамъ. Собаки начали гнаться за котами, мыши грызть веревку и т. д. до свиньи, которая должна была пойти домой (*Chelchowski*, Powiesci i opowiadania, I, n. 20). Сходная также польская дѣтская сказка напечатана въ „*Wisła*“ 1890, II кн.

Весьма сходыя сказки записаны во Франціи, Италіи, Германіи, Норвегіи, Испаніи, Португаліи, Румыніи, Греціи и Индіи. Во французскихъ сказкахъ дѣйствуютъ вошъ и блоха или мышь, въ испанской—муравей, сицилійской—кошка. Въ румынской сказкѣ являются также дѣдъ и баба, но вмѣсто умершей

курочки здѣсь утопаетъ мышка, которую они имѣли за ребенка (*Cosquin*, №№ 18 и 74).

Къ малорусской сказкѣ о мышкѣ, разбившей золотое яичко, весьма близко стоитъ слѣдующая индійская сказка, записанная въ Пенджабѣ: Старый воробей оставилъ свою жену и взялъ молодую. Она упала въ воду и утонула. Въ отчаяніи старый воробей вырываетъ у себя перья и садится на дерево, которое, узнавъ о постигшемъ воробья несчастіи, роняетъ всѣ свои листья (та же подробность въ сказкахъ, записанныхъ въ Гессенѣ и въ Каталоніи). Буйволъ пришелъ подъ тѣнь дерева и, узнавъ о несчастіи воробья, сбилъ свои роги. Рѣка, изъ которой напился буйволъ, стала плакать такъ сильно, что вода обратилась въ соль; далѣе кукушка вырываетъ у себя глазъ (то же и въ португальской сказкѣ), купецъ отдаетъ голову на отсѣченіе, король и королева танцуютъ до изнеможенія, приговаривая: „жена воробья умерла, дерево потеряло отъ того листья, буйволъ рога“ и пр. Таковы были похороны жены воробья (Ib., I, 206—207).

Двѣ маленькихъ сказки „Павукъ та соплякъ“ и „Бблоха та муха“, въ которыхъ городъ противоставляется селу, мѣщане—крестьянамъ, отличаются юморомъ. Басня „Блоха и муха“ записана и въ Великороссіи (*Садовниковъ*, Сказ. и пред. Самарск. края, 184), но въ болѣе слабой формѣ.

Двадцать двѣ сказки могутъ быть названы миѳическими. Таковы сказки: Чабанецъ, Чорный Иванъ та Золотокудрый Иванъ, о русскомъ царевичѣ Иванѣ Ивановичѣ, Бѣломъ Полянинѣ и Настасіи Прекрасной, Иванѣ Царевичѣ и красной дѣвицѣ ясной зорницѣ, Костынномъ сынѣ, Маркѣ Сучченкѣ, солдатскихъ сыновьяхъ богатыряхъ (котыгорошкахъ), царевичѣ Иванѣ и морскомъ чудовищѣ, Иванѣ Поповичѣ, Незнайкѣ, о кобылячемъ сынѣ Кириакѣ, безрукой царевнѣ, дѣдѣ и ракѣ, Божей тросткѣ. Эти сказки отличаются значительной величиной. Во многихъ повторяются одни и тѣ же мотивы: похищеніе красавицы чудовищемъ или змѣемъ и освобожденіе ее богатыремъ, выборъ чудеснаго коня, оживленіе убитаго героя посредствомъ живой воды, принесенной птицей и др. Сказоч-

ныя мотивы этого рода принадлежатъ къ числу самыхъ распространенныхъ на земномъ шарѣ, и сообщеніе здѣсь литературныхъ параллелей завело бы насъ слишкомъ далеко. Такія же сказки записаны у нѣмцевъ (Гриммъ, Кунъ), французовъ (Себильо, Коскенъ, Люзель), итальянцевъ (Питре), чеховъ и албанцевъ (Легранъ, Ганъ), русскихъ (Аѳанасьевъ), поляковъ (Кольбергъ, Хельховскій), сербовъ (Вукъ Караджичъ), румынъ (Кремницъ), цыганъ (Миклошичъ), монголовъ (Радловъ, Потанинъ), индусовъ современныхъ и древнихъ (Панчатантра). Сходство доходитъ до малѣйшихъ подробностей; напримѣръ, въ ближайшее родство съ Киріакомъ Кобылячимъ сыномъ можно поставить Ивана Медвѣжьяго сына русскихъ сказокъ Jean de l'Ours—французскихъ Giovanni dell'Orso—итальянскихъ, Joan de l'Os—испанскихъ, кобылячаго сына португальской и славонской сказокъ и Fillomusso сынъ ослицы) итальянской сказки. Коварные друзья Киріака Верныдубъ и Верныгора являются и во французскихъ сказкахъ (Tord—Chêne, Appuie—Mantagne) и въ нѣмецкихъ (Baumdreher, Tannendreher).

Оригинальныхъ чертъ въ миѳическихъ сказкахъ, если не считать языка, почти нѣтъ. Изрѣдка обнаруживаются мѣстныя особенности народной жизни, напр., въ сказкѣ про Незнайку, находится краткое описаніе свадьбы: „зійшлысь бабуси, липлять шишки, коровай, все шо тамъ треба". Въ сказкѣ про Безчастнаго Данилу баба-яга проситъ купить червоныя черевички.

Болѣе мѣстно — народнаго заключается въ небольшихъ бытовыхъ сказкахъ и анекдотахъ, занимающихъ большое мѣсто въ сборникѣ г. Манжуры. Въ анекдотахъ мѣстами обнаруживаются дѣйствительныя черты отношенія украинскаго простонародія къ великоруссамъ и евреямъ, семейное положеніе малорусской женщины, понятія народа о счастливой жизни и пр. Однако и въ анекдотической сферѣ есть чрезвычайно много безразличныхъ въ національномъ отношеніи странствующихъ литературныхъ мотивовъ. Такъ, сказка „Двѣ доли" имѣетъ близко родственныя литовскія и грузинскую сказки, „Дидъ та ракъ"—нѣмецкія, французскія, итальянскія, индійскія; „Божа

тростка"—французскія, нѣмецкія, итальянскія, испанскія и румынскія. Даже въ сказкахъ о дурнѣ, а такихъ сказокъ у Манжуры около десяти, встрѣчаются странствующіе литературные мотивы, и выдѣлить оригинальныя народныя черты весьма затруднительно. Въ одной сказкѣ 11 умныхъ братьевъ ничего не могли купить на ярмаркѣ за обиліемъ народа, а братъ ихъ, дурень, всего накупилъ—соли, меду, баранины, горшковъ, платковъ и скамейку (ослонъ). „Отъ йиде, а ослинъ и миша ему спаты: э, каже, чортивъ ослинъ! я на двохъ ногахъ та и то бъ до дому дійшовъ, а ты на чотырёхъ та недойдешь?—та взявъ и скынувъ его зъ воза" (*Манж.* 79). Точно такая же черта глупости выведена въ одной французской сказкѣ, записанной въ Лотарингіи: дуракъ купилъ на базарѣ горшокъ о трехъ ножкахъ. Возвращаясь домой, онъ поставилъ горшокъ на перекресткѣ, сказавъ: „ты на трехъ ногахъ скорѣе меня можеть прійти домой, если захочешь; теперь посмотримъ, кто изъ насъ скорѣе дойдетъ", и пошелъ другой дорогой (*Cosquin*, II, 178).

Нѣсколько разсказовъ о чертяхъ, домовыхъ, вѣдьмахъ и упыряхъ восполняютъ обширную демонологическую литературу немногими чертами. Домовой является иногда въ видѣ пана, спитъ въ печи, имѣетъ холодный задъ. Черти купаются въ глечикахъ не закрытыхъ и не перекрещеныхъ. Вѣдьмы портятъ коровъ, снимаютъ съ неба звѣзды, летаютъ на демонскія игрища. Сказки объ утопленникѣ и о новобранцѣ и вѣдьмѣ, популярныя и въ Великороссіи, нашли прекрасное литературное выраженіе у А. С. Пушкина. Сказка „Вѣдьма прячетъ зори" представляетъ варіантъ сказки о женщинѣ, заговорившей дождь (напечатана мной въ „Кіев. Стар." 1889 г.). Сказка о томъ, какъ морозъ заморозилъ сварливую бабу (*Манж.* 143) встрѣчается у болгаръ и у др. народовъ, о чемъ см. мою статью „Сказанія о займѣ дней" въ „Рус. Филол. Вѣстникѣ" 1891, № 3.

Въ сборникѣ г. Манжуры находится около десяти сказокъ на темы о женской хитрости и женской невѣрности, темы весьма популярныя, съ большей или меньшей подробностью разработанныя въ устной словесности и письменности многихъ народовъ. Сказка „Якъ вовкы въ хати завелысь" ранѣе была уже

извѣстна по сборникамъ *Рудченка*, I, № 61, *Чубинскаго*, II, № 39 и *Kulberg'a* („Pokucie", IV, 185). Любопытна, между прочимъ, сказка „Якъ чоловикъ у коробку стукавъ": Чумакъ предлагаетъ молодой бабѣ большую сумму денегъ за любовь. Баба притворяется больною и говоритъ мужу: „Мини здается, якъ бы ты взявъ коробку, ходывъ коло хаты та стукавъ у нейи, то бъ може полегшало". Мужикъ такъ и сдѣлалъ. А жена въ его отсутствіе веселилась съ чумакомъ. На другой день чумакъ пошелъ въ церковь и по дорогѣ то заплачетъ, то засмѣется. Мужъ распрашиваетъ его и узнаетъ, что плачетъ онъ, когда вспомнитъ, что отдалъ бабѣ за одну ночь сорокъ тысячъ, а смѣется, когда вспомнитъ, какъ баба обманула мужа. Послѣдній догадался, отобралъ у жены деньги и половину суммы возвратилъ чумаку (*Манж.*, 96). Въ одной индѣйской сказкѣ купчиха входитъ въ любовную связь съ сипаемъ. Когда пришелъ мужъ, сипай завернулся въ цыновку, что разостлана была на полу, и сталъ къ стѣнкѣ. Мужъ принесъ апельсины. Жена, чтобы дать апельсиновъ любовнику, сказала мужу: „Давай бросать апельсины въ цыновку. Посмотримъ чья рука вѣрнѣе броситъ". Стали они бросать апельсины, а сипай смѣется да ѣстъ. Мужъ вскорѣ ушелъ, и сипай за нимъ. Сипай сѣлъ въ лавкѣ и сталъ курить, а у самого лицо такое радостное. „Чего ты такой веселый сегодня?" спрашиваетъ его купецъ. Сипай разсказалъ мужу, который сталъ подозрѣвать свою жену въ невѣрности, но еще нѣсколько разъ ею былъ обманутъ (*Минаевъ*, Индѣйскія сказки, 44—46).

Къ сказкамъ примыкаетъ небольшой сборникъ повѣрій, заговоровъ, примѣтъ и обычаевъ (около 100 №№). Повѣріе, что круглый перецъ произошелъ отъ слезъ Пресв. Богородицы, представляетъ варіантъ сказаній о плакунъ-травѣ. Значительный интересъ представляютъ народныя названія небесныхъ свѣтилъ и вѣтровъ и мѣстныя лѣчебныя средства. По мнѣнію народа, „дорога", т. е. млечный путь, ведетъ въ Іерусалимъ и въ Крымъ, причемъ сообщается любопытная историческая подробность: „якъ бигалы видъ панивъ, то по ній и шли" (148). Не лишеннымъ интереса по вопросу о способахъ укрощенія змѣй пред-

ставляется народное повѣрье: „якъ смалыты ракову шкаралущу, то гадюки позлазятся до вогню“ (155).

До сихъ поръ въ научной печати не было указаній, чтобы въ южной Россіи существовало гаданіе по внутренностямъ животныхъ, въ частности кабана, обычное у древнихъ грековъ, у многихъ восточныхъ народовъ монгольскаго племени, у современныхъ болгаръ. Въ сборникѣ Манжуры находится слѣдующее сообщеніе по этому поводу: „якъ колютъ къ Риздву кабана, замѣчають косу (селезенку); якъ къ заду товща, ще зима буде товста, а якъ тоньша, то и зима буде мнякша“ (156).

Нѣсколько поговорокъ и повѣрій представляются загадочными. Одно изъ такихъ повѣрій: „юга—це Петро вивци жене“ (157) разъяснено г. Манжурой въ сентябр. кн. „Кіевской Старины“ 1889 г. на основаніи народнаго же объясненія. Желательно было бы получить разъясненіе и слѣдующей темной поговорки, за которой, повидимому, скрывается цѣлое сказаніе календарнаго характера: „Сишненко (февраль) казавъ: „якъ бы мени батькови лита, то я бъ быкови третякови ригъ ссадывъ, а дивци семилитци коромыселъ до плечей приморозывъ“ (156). Можетъ быть, эта поговорка намекаетъ на весьма любопытныя, къ сожалѣнію, собранныя въ небольшомъ числѣ народныя сказанія на тему, почему одинъ мѣсяцъ, чаще всего февраль, имѣетъ менѣе дней, чѣмъ другой, рядомъ съ нимъ стоящій. Въ „Romania“ 1889 г. т. XVIII находится цѣнное изслѣдованіе Shaineanu объ этомъ мотивѣ.

Двѣ страницы занимаютъ „Сны и ихъ значеніе“. Всего 71 толкованіе. Матеріалъ совсѣмъ новый. Въ послѣднее время въ этнографіи обращено вниманіе на снотолкованія. Небольшой сборникъ бѣлорусскихъ снотолкованій напечатанъ былъ въ „Этногр. Обозр.“ 1889 г. При накопленіи матеріала представится возможность и въ этой области народовѣдѣнія сдѣлать любопытные выводы по народной психологіи и исторіи культуры. Въ малорусскихъ снотолкованіяхъ, повидимому, первое мѣсто занимаетъ своеобразная синонимика словъ съ предметами и понятіями, доступными народу, напр., каша—дѣти, голубы—взрослыя дѣти, комашки—родичи, ножъ—несчастье, рыба—дождь,

горы—горе, просо—просьба, громъ—извѣстіе, буря--ссора, судъ-хлопоты, орелъ—свиданіе съ паномъ, перецъ—печаль. Нѣкоторыя изъ снотолкованій можно поставить въ связь съ народными повѣріями и обрядами, напр., когда снится покойникъ будетъ дождь, тыква—сватовство на вдовѣ.

За снотолкованіями слѣдуютъ 400 приказокъ и присловій съ краткими объясненіями. Въ этомъ отдѣлѣ можно найти много мѣстныхъ народныхъ чертъ. Сюда вошли народныя объясненія крика разныхъ животныхъ, поговорки про „нюхаривъ“, бранныя слова и проклятія.

Затѣмъ слѣдуетъ 57 загадокъ. Основа многихъ загадокъ скабрёзная, а отвѣтъ всегда невинный, напр., „хылы, былы, ходимо до кумы, похитаймо свои жилы“ (ступа) и нѣсколько другихъ подобныхъ на слова: цебро, чобитъ, коромысло. Загадки такого рода встрѣчаются и у другихъ народовъ, напр., во Франціи (въ Бретани): „Poilu contre poilu qui couvre un petit bonhomme tout nu“ (глаза), или „J'accraupis mon bonhomme et j'assis ma bonne femme; tout ce qui passe entres les jambes de mon bonhomme fait du bien à ma bonne femme“ (треножникъ и кострюля) и мн. др. т. п. (Κρυπταδια, II, 102, 103 и др.).

Словарь заключаетъ въ себѣ 585 словъ, записанныхъ г. Манжурой въ александровскомъ, новомосковскомъ и другихъ уѣздахъ екатеринославской губерніи. Для этнографа и филолога словарь этотъ представляетъ интересъ, по народному характеру словъ. Какъ извѣстно, малорусскіе словари очень бѣдны въ количественномъ отношеніи и очень неудовлетворительны въ качественномъ. Слова набраны изъ разнородныхъ источниковъ. Наряду съ словами народными идутъ слова, заимствованныя малорусскими писателями изъ польскаго языка или сочиненныя ими. Получается довольно безобразная мѣшанина. Г. Манжура даетъ намъ чистые лингвистическіе матеріалы. Нѣкоторыя слова сопровождаются подробнымъ комментаріемъ, именно, слова: „кумъ“, „дубъ“, „клейно“, „гуркало“, „пашенна яма“, „прытьмо“ и „пужарь“. При многихъ словахъ поставлены фразы, гдѣ они встрѣчены, что даетъ имъ удовлетворительное объясненіе и живое значеніе. По недосмотру, одно лишь слово „луданы“ остав-

лено безъ всякаго объясненія. Съ этнографической точки зрѣнія значительный интересъ представляютъ мѣстныя названія животныхъ и растеній: волыкъ, дженчыкъ, келепъ, музычка, невстаха, носаль, пичкуръ, полежань, попова свынка, турыця. Весьма любопытной въ историко-культурномъ отношеніи представляется мѣстная техническая терминологія. Въ словарѣ приведено много чабанскихъ словъ, повидимому, татарскихъ (аврякъ, арышъ), изрѣдка нѣмецкихъ (овцы кгросы). Встрѣчаются, повидимому, греческія слова (кулѣба—густой кулѣшъ). Встрѣчаются любопытные образцы народной этимологіи, напр.: ахтыдубинская (=ахтубинская) селедка, оковирный (=аккуратный).

Многія историческія малорусскія пѣсни, записанныя г. Манжурой, изъ бывшихъ въ Юго-западномъ отдѣлѣ Географическаго Общества, или остались совсѣмъ неизданными, или вошли въ одно малоизвѣстное и недоступное въ Россіи заграничное изданіе. Пѣсни эти, однако, такого рода, что могли быть изданными и въ Россіи, при данныхъ цензурныхъ условіяхъ, разумѣется, безъ внесенія въ нихъ политическихъ комментаріевъ, большею частью весьма безпочвенныхъ и шаткихъ. Извѣстно о существованіи слѣдующихъ пѣсенъ изъ записей г. Манжуры: варіанты къ напечатаннымъ въ 1 т. „Истор. пѣс. малор. нар.“ Антоновича и Драгоманова №№ 6 (о поединкѣ съ турецкимъ царемъ), 44 (о княжескомъ тіунѣ), 16 (о боярскомъ сватаньѣ), начало пѣсни „Павлечко коника сидлае“, пѣсня про разрушеніе старой Сѣчи (1709 г.), пѣсня про уходъ запорожцевъ подъ власть турокъ (1709—1712 г.), пѣсня „Та ше не свитъ“, относимая или къ 1775 или еще къ болѣе раннему времени (1710—1711). Эта пѣсня напечатана въ „Кіев. Стар.“ 1882, II, 435. Далѣе въ печати извѣстны пѣсни о плѣнѣ гайдамаки „Стоитъ яворъ надъ водою“ и пр. (Относятъ ко времени алешковской Сѣчи, 1709—1732, но безъ убѣдительныхъ доводовъ), про возвращеніе запорожцевъ подъ власть Россіи и про Мих. Мих. Голицына (1711—1729). Послѣдняя пѣсня („Зажурилась Украина“ и пр.) представляетъ варіантъ пѣсни, изданной Я. П. Новицкимъ, о чемъ въ своемъ мѣстѣ. Далѣе, упомянемъ изъ напечатанныхъ записей г. Манжуры пѣсню про Морозенка

(„Та литае воронъ"), три пѣсни про Мазепу и Семена Палія, изъ коихъ одна была напечатана въ „Кіев. Стар." 1882, III, 612, пѣсню про панщину на гетманщини, пѣсню про дивчину, приглашавшую козака переночевать съ ней, двѣ пѣсни про орла, несшаго руку мертвеца, и три пѣсни про наборъ въ гусары.

Не всѣ поименованныя здѣсь пѣсни могутъ быть отнесены въ разрядъ пѣсенъ историческихъ, весьма немногія въ разрядъ пѣсенъ политическихъ, если допустить возможность послѣдняго названія въ области народной словесности. Такъ, пѣсня про дѣвушку, приглашавшую проѣзжаго переночевать съ ней, не имѣетъ никакого историческаго пріуроченія. Весьма возможно, что это пѣсня рекрутская. Пѣсня про орла встрѣчается у многихъ народовъ. Въ ней разработанъ общій мотивъ. Большею частью вмѣсто орла является воронъ (см. *Сумцова*, Воронъ въ народ. слов. 14). Въ малорусской искусственной литературѣ отмѣтимъ написанное на этотъ мотивъ стихотвореніе Я. И. Щоголева „Орелъ".

Кромѣ поименованныхъ выше двухъ пѣсенъ о разореніи Запорожья (изъ нихъ одна 1709 г., другая 1775 г.) и трехъ пѣсенъ и легенды о Семенѣ Палѣ, въ „Кіев. Стар." (1883, I) напечатана пѣсня *„про украинскую гетеру"*; но въ своемъ основаніи эта пѣсня, какъ указалъ А. А. Потебня въ „Объясненіяхъ", II, 665, величальная. Если, можетъ быть, пѣсня эта и примѣнялась къ какой-нибудь особѣ гулящей, то, по крайней мѣрѣ первоначально, не было умыслу представить здѣсь „типъ свободной украинки", какъ та „Настя кабашна, що до бидныхъ козакивъ нетягъ хоть злая, да й обашна" (въ думѣ про Хвеська Андибера).

Въ V кн. „Кіев. Стар." 1888 г. Манжура напечаталъ народную приказку *о нюхарях*. Ранѣе у *Драгоманова* былъ напечатанъ народный разсказъ о происхожденіи табака. Г. *Петровъ* въ интересной статьѣ о южнорусскихъ легендахъ (въ „Трудахъ Кіев. Дух. Акад." 1877, III) высказалъ мнѣніе, что малороссы заимствовали легенды о табакѣ у великороссовъ. Въ послѣднее время записанъ цѣлый рядъ малорусскихъ легендъ, сказокъ и приказокъ, свидѣтельствующихъ, что независимо отъ возмож-

ныхъ заимствованій, можетъ быть даже на ряду съ ними, на украинской почвѣ развилась оригинальная литература о происхожденіи табака, о куріяхъ и нюхаряхъ, въ зависимости отъ сильнаго распространенія табака среди малоруссовъ и въ особенности среди запорожцевъ [1]). Извѣстны частыя упоминанія о табакѣ и трубкѣ въ популярныхъ народныхъ пѣсняхъ, изображенія люльки на популярной картинкѣ съ играющимъ на бандурѣ запорожцемъ. Въ „Кіев. Стар." 1888, II, 20, *Я. П. Новицкій* помѣстилъ небольшой разсказъ о пустынникѣ, въ которомъ демонъ научаетъ монаха пить водку и курить табакъ. Въ „Екатериносл. Губ. Вѣд." 1889 г. № 63, г. *Эварницкій* сообщилъ народную приказку о нюхаряхъ. Въ VIII кн. „Кіев. Стар." 1890 года г. *Катрухинъ* напечаталъ народный разсказъ о происхожденіи табака изъ слезъ женщины. Для сравненія укажемъ на великор. и бѣлор. матеріалъ въ статьѣ *П. В. Шейна* „Приговоры и причети о табакѣ" въ I вып. 48 т. „Трудовъ этногр. отд. Общ. люб. естеств.". При широкомъ изученіи предмета нужно было бы привлечь еще довольно многочисленныя старинныя легенды о табакѣ (у *Костомарова*, *Тихонравова* и др.).

Кромѣ сборника сказокъ, изданнаго Харьк. истор.-филол. обществомъ, въ распоряженіи общества находится еще большой сборникъ малорусскихъ пѣсенъ, записанныхъ г. Манжурой въ екатер. и харьк. губерніяхъ, колыбельныхъ, дѣтскихъ, свадебныхъ, семейно-родственныхъ, колядокъ, думъ, присказокъ и приспивокъ, всего 1135 №№. Если напечатать сборникъ цѣликомъ, то выйдетъ книга въ $^1/_2$ или даже $^3/_4$ V тома „Трудовъ" Чубинскаго; но такое изданіе, слишкомъ обременительное для Общества, и для науки было бы мало полезно, такъ какъ, при ближайшемъ пересмотрѣ, многое окажется уже извѣстнымъ въ печати въ близкихъ варіантахъ. Нагромождать извѣстный матеріалъ въ настоящее время крайне неблагора-

[1]) Пристрастіе запорожца къ люлькѣ прекрасно характеризуется въ слѣдующемъ анекдотѣ: Принесли запорожскому отаману пасху на Великдень, а отаманъ вмѣсто того, чтобы разговляться, сказалъ: „нехай, козаки, пасха постое, а мы перше люльки поцупимъ" (*Эварницкій*, Запорожье, II, 14).

зумно, такъ какъ и безъ того уже сдѣлано не мало прегрѣшеній этого рода, только затрудняющихъ успѣшное развитіе этнографіи. Въ послѣднее время Общество приступило къ разбору этого обширнаго сыраго матеріала и подготовляетъ его къ печати. Во всякомъ случаѣ сборникъ пѣсенъ въ научномъ отношеніи далеко уступитъ сборнику сказокъ. Историческія пѣсни малочисленны и малозначительны; колядки схоластичны; есть кое-что цѣнное и любопытное въ отдѣлѣ пѣсенъ семейно-родственныхъ, въ присказкахъ и приспивкахъ. Во всякомъ случаѣ сборникъ пѣсенъ при тщательной редакціи составитъ цѣнный вкладъ въ этнографическую литературу.

Оригинальныя стихотворенія г. Манжуры (суровые отзывы были въ „Кіев. Старинѣ“ и „Зорѣ“) и нѣсколько передѣлокъ народныхъ сказокъ для народнаго чтенія оставляю въ сторонѣ, такъ какъ эти труды г. М. выходятъ за предѣлы нашего изслѣдованія.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

По поводу 900-лѣтія черниговской архіерейской каѳедры.

30 августа сего 1892 г. имѣло совершиться въ Черниговѣ празднованіе 900-лѣтія со времени основанія мѣстной архіерейской каѳедры [1]). Основаніемъ для сего принято свидѣтельство Степенной книги, въ которой сказано: „Владиміръ посла въ Царьградъ къ патріарху Фотію изъ Корсуня. Фотій созываетъ соборъ и избираетъ на превысокій престолъ нѣкоего мужа свята *Михаила,* иже бѣ родомъ Сиринъ, и абіе посла его къ боголюбивому князю Владиміру, съ нимъ же и 6 епископовъ и прочая священнодѣйственные чиновники и причетники. Егда же Михаилъ прійде въ Корсунь, Владиміръ благочинно его срѣте“... Далѣе повѣствуется, что митрополитъ Михаилъ, по прибытіи въ Кіевъ съ княземъ Владиміромъ, низвергъ идоловъ, крестилъ сыновъ Владиміра и кіевлянъ; потомъ съ 2 епископами отправился въ Суздальскую область, гдѣ княземъ Владиміромъ основанъ тогда г. Владиміръ; послѣ сего митрополитъ Михаилъ съ 6-ю епископами и съ Добрынею ходилъ въ Новгородъ и крестилъ его, наконецъ онъ крестилъ ростовскую землю съ 4 епископами. По сказанію той же Степенной книги, по смерти митрополита Михаила, прибылъ въ Кіевъ митрополитъ *Леонтій* отъ патріарха Николы Хрисоверха въ лѣто 7,499-е (991-е отъ Рожд. Хр.). „Сей Леонтій послалъ въ Новгородъ епископа Іоакима корсунянина, въ Черниговъ Неофита, въ Ростовъ—Федора, во Владиміръ—Стефана и въ иные грады епи-

[1]) По обстоятельствамъ времени отложено на 15-е мая 1893 г.

скопы“ [1]). Въ позднѣйшихъ спискахъ Степенной книги, вмѣсто Леонтія, поставленъ Михаилъ. Никоновская лѣтопись повторяетъ сказаніе Степенной книги [2]), прибавляя епископа Никиту, поставленнаго митрополитомъ Леонтіемъ въ Новгородъ.

Но Степенная книга, очевидно, смѣшиваетъ перваго русскаго митрополита съ епископомъ Михаиломъ, посланнымъ въ 862 г. въ Кіевъ отъ патріарха Фотія для крещенія Кіевской Руси при Аскольдѣ и Дирѣ, и императора Василія Македонянина, современника патріарха Фотія, отождествляетъ съ императоромъ Василіемъ Болгаробойцею, современникомъ св. Владиміра. Тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что при св. Владимірѣ, вскорѣ послѣ его крещенія, были уже у насъ епископы и митрополитъ, такъ какъ въ древней нашей лѣтописи, извѣстной подъ именемъ Несторовой, говорится въ 996 г. о епископахъ, съ которыми Владиміръ совѣщался объ установленіи казни для разбойниковъ [3]). Первоначальная Новгородская лѣтопись и древнѣйшіе списки Владимірова Устава полагаютъ прибытіе 1-го митрополита Леонтія въ Кіевъ въ 991 году; слѣдовательно къ сему же времени нужно отнести и учрежденіе первыхъ епархій въ русской церкви, кромѣ епархіи кіевской, которая не могла не начаться одновременно съ крещеніемъ кіевлянъ при св. Владимірѣ въ 988 году. Если для крещенія Руси при Аскольдѣ и Дирѣ признано было въ Константинополѣ послать епископа, какъ свидѣтельствуетъ о семъ самъ патріархъ Фотій, то тѣмъ болѣе требовалось сдѣлать это спустя 100 лѣтъ, когда крещеніе принималъ вмѣстѣ со всѣмъ государствомъ такой могущественный князь, какимъ былъ Владиміръ, вступавшій притомъ въ родство съ Византійскимъ императорскимъ домомъ. За учрежденіемъ митрополичьей каѳедры въ Кіевѣ, должна

---

[1]) Степен. книга 1775 г. стр. 140—152. Степенная книга составлена изъ разныхъ лѣтописей по мысли и начертанію моск. митрополита Макарія (1542—1564 г.) въ царствованіе Іоанна IV. Степенною названа потому, что въ ней означены степени или поколѣнія государей (всего 17) до 1559 г.

[2]) Тоже повторено въ Густынской лѣтописи, Синопсисѣ, Палинодіи и въ предисловіи къ печатному Патерику Печерскому.

[3]) Лѣтопись по Ипат. списк. С.-Петерб. 1871 года, стр. 87.

была получить свое начало и іерархія черниговской области или епархіи, такъ какъ Черниговъ, послѣ Кіева, былъ однимъ изъ главныхъ городовъ Руси.

Иной вопросъ, кто былъ 1-мъ епископомъ черниговскимъ. Степенная книга, какъ упомянуто выше, говоритъ, что митрополитъ Леонтій, прибывши въ Кіевъ въ 991 г., посла въ Черниговъ—*Неофита*, въ Владиміръ—*Стефана*, въ Бѣлгородъ—*Никиту*. Но древняя наша лѣтопись упоминаетъ объ этихъ епископахъ не въ концѣ X, а въ концѣ XI вѣка, именно о Неофитѣ черниговскомъ епископѣ и Никитѣ бѣлгородскомъ епископѣ говоритъ въ 1071 г., а о Стефанѣ волынскомъ епископѣ въ 1091 году, раньше же о епископахъ этого имени на тѣхъ каѳедрахъ въ ней не говорится. Въ Румянцевскомъ Хронографѣ и въ Синодикахъ монастырей Любечскаго, черниговскаго Елецкаго и Новгородъ-сѣверскаго хотя первымъ въ ряду черниговскихъ епископовъ стоитъ „Неофитъ“, но за нимъ слѣдуютъ епископы Іоаннъ (1089—1091 г.) и Ѳеоктистъ 1113 г., извѣстные въ эти годы изъ древней лѣтописи, тоже и въ Синодикѣ черниговскаго Спасскаго собора, съ тою только отмѣною, что первымъ черниговскимъ епископомъ стоитъ здѣсь Исаія, а Неофитъ вторымъ. Такимъ образомъ можно думать, что имена первыхъ черниговскихъ епископовъ намъ неизвѣстны. Въ „Описаніи черниговской епархіи“—преосв. Филарета черниговскаго, епископъ Неофитъ 1071 г. названъ Неофитомъ 2-мъ, а Неофитомъ 1-мъ признается епископъ этого имени, бывшій, по сказанію Степенной книги, при митрополитѣ Леонтіѣ; а между Неофитомъ 1-мъ и Неофитомъ 2-мъ поставлены: Мартирій и Ѳеодулъ, взятые изъ Никоновской лѣтописи. Но Неофита 2-го нѣтъ ни въ Степенной книгѣ, ни въ Никоновской лѣтописи, ни въ древнихъ Синодикахъ черниговской епархіи.

Древнѣйшій храмъ Чернигова, Спасскій соборъ.

Учредители епископской каѳедры въ г. Черниговѣ, безъ сомнѣнія, позаботились устроить здѣсь и епископскій храмъ, соотвѣтствующій достоинству города и епархіи, захватывавшей

въ свой кругъ Курскъ и Рязань. Но первый каѳедральный здѣсь храмъ, вѣроятно, былъ срубленъ изъ дерева, и уже сынъ св. Владиміра Мстиславъ, утвердившись на черниговскомъ княженіи, заложилъ въ Черниговѣ обширный каменный храмъ св. Спаса, но не успѣлъ окончить до своей смерти, послѣдовавшей въ 1034 году. Стѣны этого храма были выведены, по выраженію лѣтописи, выше, чѣмъ можетъ достать человѣкъ, стоя на конѣ [1]). Окончаніе Мстиславова храма приписываютъ въ Черниговѣ Святославу Ярославичу, бывшему черниговскимъ княземъ съ 1054 по 1073 годъ, а подъ конецъ жизни (1073—1076 г.) захватившему кіевскій великокняжескій престолъ старшаго брата своего Изяслава. Чтобы примирить свое предположеніе объ окончаніи черниговскаго собора Святославомъ съ тѣмъ фактомъ, что Ярославъ, по кончинѣ Мстислава, сталъ единовластителемъ русской земли и былъ таковымъ до своей смерти въ теченіе 20 лѣтъ, описатели черниговскаго Спасскаго собора строятъ новое предположеніе, будто Ярославъ поручилъ черниговское княжество сыну своему Святославу тотчасъ по смерти Мстислава [2]). Но они опускаютъ изъ виду, что Святославъ, родившійся въ 1027 г. [3]), въ годъ смерти Мстислава имѣлъ только 7 лѣтъ отъ роду и слѣдовательно не могъ распоряжаться постройками, и игнорируютъ лѣтопись, которая ясно говоритъ, что Ярославъ раздѣлилъ русскую землю между своими сыновьями при смерти своей и въ это время далъ Святославу въ удѣлъ Черниговъ [4]). Остается признать, что черниговскій Спасскій соборъ окончаніемъ своимъ обязанъ великому князю кіевскому Ярославу, который въ то же время приступалъ къ постройкѣ Кіево-Софійскаго собора [5]) и не могъ допустить,

---

[1]) Лѣтопись по Ипат. списку, стр. 105.

[2]) Описаніе черниг. епархіи—Филарета, кн. 5. стр. 3. Тоже буквально въ Описаніи черниг. соборовъ—графа Милорадовича.

[3]) Лѣтопись по Ипат. списку, стр. 105.

[4]) Тамъ же, стр. 113.

[5]) Заложеніе Кіево-Соф. собора слѣдуетъ признать въ 1034 г., послѣ побѣды надъ печенѣгами, а не въ 1036 г., такъ какъ подъ симъ годомъ говорится въ лѣтописи не только о заложеніи, но и украшеніи золотомъ и иконами.

чтобы гробъ брата его Мстислава оставался долго въ неоконченномъ соборѣ.

Черниговскій Спасскій соборъ стоитъ на возвышенномъ берегу Десны, въ бывшемъ кремлѣ Чернигова, онъ представляетъ собою весьма внушительное зданіе въ формѣ удлиненнаго прямоугольника въ 15 саж. высоты, съ 3 закругленіями на восточной сторонѣ и съ 6-ю куполами. Съ западной, сѣверной и южной стороны были при немъ одноэтажныя паперти, но отъ нихъ остались только фундаменты съ закругленіями у алтарныхъ стѣнъ. Храмъ внутри раздѣлялся на три корабля и имѣлъ хоры, которыя, примыкая къ западной стѣнѣ, продолжались на крещатыхъ сводахъ по сѣверной и южной сторонамъ до 1-й пары столбовъ, поддерживающихъ главный куполъ. Но, къ крайнему сожалѣнію, обновители собора въ 1792—1798 г. признали за лучшее выломать боковыя части хоръ, оставивъ только западную ихъ часть. На сѣверной и южной сторонахъ уцѣлѣли отъ хоръ между передними столбами только четыре колонны внизу и четыре надъ ними, по парѣ, внизу и вверху на каждой сторонѣ, всего 8 штукъ [1]). Нижнія колонны, какъ говорятъ, были круглыя краснаго мрамора; нынѣ онѣ обложены кирпичемъ съ отшлифовкой штукатурки подъ мраморъ; эта обкладка сдѣлана для предохраненія этихъ колоннъ отъ разрушенія послѣ пожара, бывшаго въ соборѣ въ 1750 году, когда онѣ потрескались отъ сильнаго огня. Верхнія колонны сложены изъ кирпичей и каждый изъ нихъ, подобно верхнимъ колоннамъ Кіево-Софійскаго собора, состоитъ изъ 3-хъ пилястръ съ полуваликомъ посрединѣ каждой пилястры. Въ промежуткахъ между верхними колоннами, которыя правильнѣе назвать столбами, въ нижней ихъ части вставлены парапеты краснаго шифера съ рисунками, подобныя парапетамъ на хорахъ Кіево-Софійскаго собора. На одной изъ переднихъ колоннъ до пожара 1750 г. видны были высѣченныя въ мраморѣ греческія

---

[1]) А не 16-ть, какъ значится въ Описаніи черниг. епархіи—Филарета черниговскаго, и повторено въ позаимствованномъ изъ него „Описаніи черниговск. соборовъ“—графа Милорадовича и Черниговск. Епарх. Извѣстіяхъ 1892 года.

буквы ф і, по толкованію мѣстныхъ археологовъ значащія *510*, а съ прибавленіемъ къ этимъ цифрамъ *6* (тысячнаго числа, якобы опущеннаго для краткости письма) 6500 лѣтъ отъ сотворенія міра или 1002 отъ Рождества Христова. Послѣдней цифрой якобы указывался годъ заложенія этого храма или по крайней мѣрѣ годъ, въ которомъ высѣчены эти колонны. Толкованіе довольно мудреное, а намъ проще кажется, что буквами ф і (510) означенъ здѣсь счетъ колоннъ, высѣченныхъ въ извѣстной мѣстности, или вообще изготовленныхъ кусковъ мрамора.

Стиль всей постройки зданія византійскій. Кирпичъ въ стѣнахъ собора тонкій, квадратный, растворъ извести желтоватый, смѣшанный съ толченымъ кирпичемъ; ряды кирпичной кладки смѣняются рядами булыжнаго камня вложеннаго въ растворъ извести; слой извести между кирпичными рядами около 2 вершковъ. На сѣверо-западномъ углу уцѣлѣла башня или вежа, которою всходили на хоры, подобная существующимъ при Кіево-Софійскомъ соборѣ, при великой церкви Кіево-Печерской Лавры, въ новгородскомъ Софійскомъ соборѣ и при соборахъ древнихъ новгородскихъ монастырей Юрьевскаго и Антоніевскаго. Но верхняя часть этой башни передѣлана въ стилѣ готическомъ, совершенно отличномъ отъ византійскаго. Для симметріи въ прошломъ столѣтіи придѣлана и другая башня на юго-западномъ углу собора въ томъ же стилѣ, о чемъ нельзя не пожалѣть, такъ какъ двѣ такія башни на фасадѣ зданія даютъ собору видъ римско-католическаго храма или кирхи.

Нѣтъ сомнѣнія, что Спасскій соборъ былъ росписанъ фресковою живописью по стѣнамъ; но пока слѣдовъ ея не обнаружено. Иконостасъ собора въ 3 яруса, рѣзной въ стилѣ рококо съ позолотой, устроенъ въ 1798 г. при преосвященномъ архіепископѣ Викторѣ Садковскомъ, а стѣны росписаны въ 1818 г. при преосвященномъ архіепископѣ Михаилѣ Десницкомъ. Нельзя сказать, чтобы иконостасъ, при всей художественности своей, соотвѣтствовалъ архитектурѣ этого храма.

Въ отдѣльномъ кіотѣ помѣщается замѣчательная мозаическая икона Св. Христова Николая въ золоченой рамѣ съ эма-

левыми украшеніями, пожертвованная собору дворянствомъ черниговской губерніи въ ознаменованіе 25-лѣтія славнаго царствованія императора Николая Павловича. Стоимость этой иконы съ кіотомъ исчисляется въ 7,750 рублей.

Въ Спасскомъ соборѣ погребены черниговскіе князья:

1) Въ 1034 г. Мстиславъ Владиміровичъ [1]).

2) Въ 1076 г. Святославъ Ярославичъ.

3) Въ 1078 г. Глѣбъ Святославичъ, убитый на Заволочьи: „положенъ за Спасомъ".

4) Въ 1115 г. Олегъ Святославичъ „у гроба отца своего".

5) Въ 1150 г. св. Игорь Ольговичъ „положенъ у Спаса въ теремѣ" [1]).

6) Въ 1198 г. Ярославъ Всеволодовичъ, сынъ вел. князя кіевскаго Всеволода Ольговича; „положенъ въ церкви св. Спаса, въ епископіи".

7) Въ 1245 г. Михаилъ Всеволодовичъ (сынъ Всеволода Святославича Чермнаго) и бояринъ его Ѳеодоръ, умученные въ Ордѣ. Мощи этихъ мучениковъ находились въ семъ соборѣ до 1572 г., а въ этомъ году, по повелѣнію царя Іоанна IV, взяты въ Москву и находились сначала въ храмѣ ихъ имени на Тайницкихъ воротахъ, потомъ въ Срѣтенскомъ соборѣ, наконецъ положены въ соборѣ Архангельскомъ, гдѣ и нынѣ находятся.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Лѣтопись по Ипат. списку, стр. 105. [2]) Тамъ же, стр. 139. [3]) Тамъ же, стр. 140. [4]) Тамъ же, стр. 203; [5]) Тамъ же, стр. 283; [6]) Тамъ же, стр. 474.

[1]) Подъ теремомъ, въ которомъ положены мощи св. мученика Игоря Ольговича, убитаго мученически 1147 г. въ кіевск. Ѳеодоровскомъ монастырѣ, нужно разумѣть сѣнь или балдахинъ, устроенный внутри собора для положенія сихъ мощей, подобный серебряному терему, который хотѣлъ устроить посреди Вышгородской церкви Владиміръ Мономахъ для мощей св. мучениковъ князей Бориса и Глѣба. (Лѣтопись по Ипат. сп., стр. 202). Потому въ лѣтописи сказано не о погребеніи Игоря Ольговича, а о перенесеніи *мощей* его „отъ Семена, иск Копырева конца", въ Черниговъ братомъ его Святославомъ Ольговичемъ въ 1150 г. Гдѣ эти мощи нынѣ, не извѣстно. Исканіе фундаментовъ терема внѣ стѣнъ собора и вслѣдствіе другія о немъ предположенія напрасны.

Помѣщики и духовенство въ юго-западномъ краѣ въ концѣ прошлаго столѣтія.

(БЫТОВОЙ ОЧЕРКЪ).

Въ историческихъ судьбахъ южной и западной Россіи духовенство играло весьма замѣтную и очень часто благородную роль. Дѣятельность лицъ, принадлежавшихъ къ этой средѣ, не разъ оказывала рѣшительное вліяніе на ходъ событій, и неудивительно, если этимъ лицамъ принадлежатъ многія свѣтлыя страницы въ исторіи. Возьмемъ, напр., такую крупную фигуру, какъ Петръ Могила. Одно преобразованіе на европейскій ладъ кіевской академіи, получившей съ тѣхъ поръ прочную организацію и ставшей центромъ южно-русской образованности, можетъ составить неувядаемую славу. А развѣ менѣе славна его дѣятельность на польскихъ сеймахъ, гдѣ онъ, аристократъ по рожденію, выступалъ на защиту правъ народныхъ? Припоминаются и личности другаго склада, въ родѣ Іоанна Вишенскаго, истаго демократа, этого анахорета—публициста, громовыя посланія котораго звучали рѣзкостью и горячностью глубокоубѣжденнаго человѣка и производили необыкновенную сенсацію своею крайнею смѣлостью. Несомнѣнно, что благородные порывы подобныхъ дѣятелей, возбуждая и воодушевляя все общество къ напряженной дѣятельности, особенно были дороги той средѣ, въ которой и для которой они работали. Они давали ей руководящія идеи, возбуждали энергію, старались поднять эту среду на подобающую высоту.

Были однако среди южно-русскаго духовенства и теченія другаго рода. Возвеличивая подвиги такихъ лицъ, какъ Петръ Могила, исторія записала на своихъ скрижаляхъ также имена Кирилла Терлецкаго, Ипатія Потѣя, которые изъ своекорыстныхъ побужденій измѣнили народнымъ стремленіямъ и втолкнули народную жизнь въ совершенно чуждыя для нея рамки. Принятая и подписанная ими унія съ римско-католическою церковью была источникомъ большого народнаго горя. Да и сами уніаты очутились въ довольно комическомъ положеніи: ни отъ своихъ, какъ слѣдуетъ, не отстали, ни къ католикамъ по надлежащему не пристали. Но формально они все таки были ближе къ католикамъ, и это обстоятельство особенно неблагопріятно отразилось въ быту сельскаго духовенства. Издавна существовавшее патрональное право помѣщиковъ связывало руки духовенству и ставило его въ большую зависимость отъ своихъ патроновъ. Тяжесть этой зависимости сдѣлалась особенно ощутительною въ то время, когда вслѣдъ за присоединеніемъ западно-русскаго края къ Россійской имперіи было поведено дѣло возсоединенія уніатовъ съ православіемъ, или, какъ въ то время говорили, возвращеніе ихъ „на благочестіе“. Духовенство тогда увидѣло себя поставленнымъ между двухъ огней: съ одной стороны, народныя симпатіи и убѣжденія командированныхъ высшею духовною властью лицъ влекли его къ „благочестію“; съ другой, оно слышало угрозы помѣщиковъ запечатать церковь и обратить въ костелъ, или отнять у священника церковныя земли и т. п. Если мотивы перваго рода брали верхъ и священникъ съ прихожанами присоединялся къ православію, то эти угрозы во множествѣ случаевъ приводились въ исполненіе; иногда просто между помѣщикомъ и священникомъ возникали недоразумѣнія, которыя, съ теченіемъ времени, все больше и больше осложнялись разными побочными фактами и наконецъ выростали въ слѣдственное дѣло. Обращаясь къ подобнымъ дѣламъ конца прошлаго столѣтія, извлеченнымъ изъ архива волынской духовной консисторіи, мы и намѣрены сдѣлать нѣсколько замѣчаній о тогдашнихъ отношеніяхъ между священниками и помѣщиками.

I.

Въ то, не столь далекое отъ насъ, время порядокъ опредѣленія на приходъ былъ совсѣмъ не таковъ, какъ теперь. Если теперь кандидатъ священства, кромѣ прошенія къ мѣстному архіерею, отъ воли котораго всецѣло зависитъ его судьба, ничего больше въ рукахъ не имѣетъ, то тогда онъ являлся съ цѣлымъ ворохомъ документовъ, носившихъ большею частью названіе „презентальныхъ бумагъ", или просто „презентъ". Сюда входило представленіе благочиннаго, или духовнаго правленія, заручное прошеніе отъ прихожанъ, посвидѣтельствованное тѣмъ же благочиннымъ, разныя одобрительныя свидѣтельства отъ сосѣдей, или отъ лицъ, у которыхъ кандидатъ состоялъ раньше на службѣ, увольнительныя школьныя свидѣтельства, если они имѣлись, и т. д. Къ числу этихъ бумагъ принадлежала одна, носившая спеціальное названіе „презенты": это именно рекомендація, или просто согласіе со стороны помѣщика. Во времена уніи этотъ документъ имѣлъ громадное, почти рѣшающее значеніе, такъ что безъ него едва ли какое-нибудь ходатайство могло увѣнчаться успѣхомъ. Съ возсоединеніемъ уніатовъ въ 1794—95 годахъ „презента" начинаетъ, повидимому, терять свою прежнюю силу, хотя формально она все таки не изгнана изъ числа необходимыхъ „бумагъ". Поэтому въ брацлавской духовной консисторіи всякаго кандидата обязательно допрашивали, имѣетъ ли презенту отъ мѣстнаго владѣльца; не смотря на часто встрѣчающійся отрицательный отвѣтъ, его однако рукополагали. Въ волынской духовной консисторіи такого вопроса не предлагали, но ходатайству помѣщика за извѣстнаго кандидата мѣстное начальство придавало особенный вѣсъ. Подобное ходатайство всегда удовлетворялось и кандидатъ могъ быть увѣренъ, что не потерпитъ фіаско. Въ ставленническихъ дѣлахъ того времени нерѣдко можно встрѣтить такую резолюцію: „священ. Лаврисевичу по желанію двора и прихожанъ быть навсегда въ любомльскомъ приходѣ" [1]), или „свящ. Анишкевича въ сходъ-

[1]) Арх. вол. дух. кон. № 485.

ство желанія житинскаго владѣльца и прихожанъ на житинскій приходъ перевесть“ [1]). Такимъ образомъ архіерей, какъ видно, считалъ крайне важнымъ ходатайство помѣщика за излюбленнаго кандидата, если каждый разъ съ торжествомъ указывалъ на это обстоятельство.

Бывали и такіе случаи, что какой-нибудь, напр., Горскій назначенъ и уже рукоположенъ на приходъ въ м. Полонное. Но онъ не торопится къ мѣсту своего новаго служенія и не уѣзжаетъ изъ Острога, гдѣ происходила вся процедура возведенія его въ священство. Въ ближайшемъ къ Острогу м. Межиричѣ, расположенномъ отъ города всего въ $^1/_2$ верстѣ, вакантно священническое мѣсто и онъ находитъ для себя болѣе выгоднымъ попасть именно сюда, а не въ Полонное. И вотъ отъ имени громады старшій братчикъ подаетъ архіерею прошеніе въ этомъ смыслѣ. Священникъ, вѣроятно, соображалъ, что его стремленія нѣсколько уклоняются отъ обычной нормы, что поэтому трудно разсчитывать на достиженіе цѣли безъ посторонней поддержки. Онъ, конечно, старается заручиться этого рода поддержкой—и что же? Достаточно было письма къ епархіальной власти даже не самого помѣщика гр. Ферзена, которому тогда принадлежало это мѣстечко, а только его управляющаго, чтобы хлопоты новорукоположеннаго священника не пропали даромъ [2]).

Но всѣ подобные случаи носятъ спорадическій характеръ и не являются выраженіемъ какого-нибудь строго и точно установленнаго принципа. Слѣдовательно быть или не быть извѣстному кандидату на томъ или другомъ приходѣ не зависѣло абсолютно отъ воли помѣщика. Однако, въ силу установившихся традицій, властная рука помѣщика постоянно напоминала о себѣ и не разъ крѣпко давала себя чувствовать. Это послѣднее надо разумѣть не въ переносномъ только, а въ самомъ буквальномъ смыслѣ, что̀ мы въ своемъ мѣстѣ и подтвердимъ соотвѣтствующими фактами. А теперь мы хотѣли бы

---

[1]) Арх. вол. дух. конс. № 540.

[2]) Ibid № 571.

обратить вниманіе на то общеизвѣстное обстоятельство, что польскіе помѣщики отличались необыкновенною своенравностью. Это черта, въ полной мѣрѣ проявлявшаяся въ отношеніяхъ ихъ къ крестьянамъ, угнетающимъ образомъ дѣйствовала и на духовенство. Какія причудливыя формы принимали иногда панскіе капризы, можно видѣть изъ слѣдующихъ фактовъ. Схабѣцкій, владѣлецъ с. Янковецъ, житомирскаго уѣзда, установилъ у себя такой порядокъ, что дьячки должны были нести парикмахерскія обязанности. На случай надобности онъ и требовалъ ихъ къ себѣ. Исполненіе этихъ обязанностей было особенно затруднительно въ воскресные и праздничные дни. Помѣщику и его прислугѣ съ утра надо непремѣнно побриться, а дьячкамъ какъ разъ въ это время необходимо быть въ церкви... Что тутъ дѣлать? Но помѣщикъ не останавливается надъ этимъ вопросомъ, а велитъ насильно брать изъ церкви дьячковъ. Случилось, что дьячокъ не хотѣлъ пойти въ дворъ для исполненія своихъ обязанностей и получилъ за это 50 плетей. Тому же помѣщику вздумалось однажды заказать литургію въ праздникъ Рождества по новому стилю. Священникъ получилъ увѣдомленіе объ этомъ уже послѣ полуночи и заявилъ, что онъ не приготовился и потому не можетъ служить. Тогда помѣщикъ велѣлъ нѣсколькимъ изъ своихъ крѣпостныхъ идти къ дому священника, всю ночь до разсвѣта стучать въ окна и двери и кричать:—„Добродзю, добродзю! чи буде завтра служба?“ Тѣ, не смѣя ослушаться панскаго приказанія, все это разумѣется продѣлали съ пунктуальною точностью [1]).

Вообще паны не могли помириться съ тѣмъ взглядомъ, что личность священника для нихъ неприкосновенна; они смотрѣли на него, почти какъ панъ на подданнаго, и иногда практиковали по отношенію къ нему такія же мѣры взысканія и наказанія, какими усмиряли своихъ крѣпостныхъ. Не ограничиваясь этимъ, строчили еще отъ имени громады жалобу на священника и обвиняли его предъ начальствомъ въ разныхъ проступкахъ. Въ 1796 году крестьяне с. Сарнъ ровен. уѣзда

[1]) Арх. вол. дух. конс. № 499.

подали еп. Варлааму прошеніе съ обвиненіемъ свящ. Тарановскаго въ вымогательствахъ, побояхъ, присвоеніи церковныхъ денегъ. Священникъ при слѣдствіи кое-что, болѣе мелкое, признавалъ, что̀ покрупнѣе—отвергалъ, но большею частью оправдывался тѣмъ, что все это было еще во времена уніи. Когда стали допрашивать свидѣтелей, то оказалось, что во всемъ этомъ дѣйствуетъ тайная пружина помѣщика Прушинскаго, который давно уже хочетъ выжить священника и однажды какъ то заявлялъ благочинному: „я его за 5 денежокъ зъ Сарнъ выкидаю“. Такъ, по крайней мѣрѣ, показали свидѣтели. „Свидѣтелие съ громады на тое признали, что правдиве священникъ отповѣдаетъ, а то помѣщика робота, понеже онъ хотѣлъ его еще въ уній будущаго казнити, й зъ Сарнъ вигнать, яко й чинилъ, же въ темници его держалъ, й разныі обиди ему дѣлалъ, й теперь хощетъ тое самое дѣлать“ [1]). Кромѣ содержанія подъ арестомъ, возможны были и наказанія другаго рода. Помѣщикъ с. Губчи староконст. уѣзда Грохольскій, взводя на священника обвиненіе въ разныхъ мнимыхъ провинностяхъ, совсѣмъ не подтвердившихся потомъ на слѣдствіи, въ родѣ того, напр., будто священникъ „безъ числа прихожанъ здирае за самоменше дѣло“ и т. п., добавляетъ: „въ чемъ я онаго попа и наказовалъ“ [2]). Не извѣстно, какъ здѣсь понимать наказаніе: въ смыслѣ ли евангельскаго наученія, или въ видѣ внушенія розгами; но если помѣщикъ, не стѣсняясь ничѣмъ, заключалъ священника въ „темницу“, то на этотъ разъ не будетъ слишкомъ смѣлой гипотезой предполагать, что при случаѣ могли быть пущены въ ходъ и розги. Послѣ этого мы нисколько не удивимся, если узнаемъ, что иногда панъ, въ пылу запальчивости, обращался къ священнику съ такою, напр., угрозою: „я тебе убью, какъ у Корчовки убылъ панъ попа, и пропадешь, какъ собака!“ [3]).

Стремленія пановъ держать въ ежовыхъ рукавицахъ западно-русское духовенство простирались на все духовное со-

[1]) Арх. вол. дух. кон. № 534.

[2]) Ibid. № 651.

[3]) Ibid. № 621.

словіе. Благодаря этому, дѣло принимало иногда, на теперешній взглядъ, нѣсколько странный оборотъ. Въ нашихъ матеріалахъ есть указаніе, что нѣкоторые паны вербовали изъ дѣтей духовенства кадры своей прислуги. Эта вербовка имѣла какъ будто характеръ періодическій и отличалась нѣкоторыми аттрибутами рекрутскихъ наборовъ. Захваченные такимъ образомъ поповичи должно быть исполняли роль лакеевъ. Вотъ отрывокъ изъ біографіи свящ. Корниловича. Онъ велъ свое „происхожденіе отъ родителей статьи духовенской“: его отецъ былъ уніатскимъ священникомъ въ м. Остроплѣ. Корниловичъ рано осиротѣлъ, но не смотря на это, все таки былъ отданъ въ любарское училище и уже два года обучался въ инфимѣ латинскому языку. „При выборѣ же кн. Любомирскимъ ко услугамъ его изъ священническихъ дѣтей, въ числѣ протчихъ и онъ взятъ былъ насильно“. Впослѣдствіи онъ получилъ свободу отъ этой службы, обучался церковному уставу при дьячкахъ, затѣмъ три года находился въ уніатской рожищской семинаріи и наконецъ епископомъ Стефаномъ Левинскимъ былъ рукоположенъ въ священство [1]). Какъ относились помѣщики къ другимъ лицамъ духовнаго сословія, напр., дьячкамъ, мы отчасти видѣли: они то возлагали на нихъ совсѣмъ не свойственныя имъ обязанности, то угощали плетьми. А между тѣмъ это были большею частью сыновья или братья тѣхъ же священниковъ. Они должны были благодарить судьбу, если въ лицѣ этихъ послѣднихъ имѣли, по праву родства, естественныхъ защитниковъ. Но бывало и такъ, что они ни въ какомъ родствѣ ни съ кѣмъ изъ старшихъ членовъ клира не состояли—и тогда это былъ самый несчастный народъ, какіе то козлы отпущенія, которыми помыкалъ всякій; на нихъ, какъ на бѣднаго Макара, всѣ шишки валились. Священникъ заставляетъ ихъ работать на себя, помѣщикъ предъявляетъ свои дикія требованія, за неисполненіе которыхъ наказываетъ плетьми, а дьячку хоть разорвись. Вслѣдствіе этого случалось, что дьячекъ никакъ не могъ удержаться въ приходѣ [2]).

---

[1]) Арх. вол. дух. кон. № 655.

[2]) Ibid. № 499, 427 и др.

О пономаряхъ нечего и упоминать, такъ какъ они весьма часто были изъ крѣпостныхъ, „грамотѣ не изучены“ и слѣдовательно къ духовному сословію принадлежали лишь номинально [1]).

Не только личность священника и другихъ духовныхъ лицъ не считалась неприкосновенною въ глазахъ помѣщика, но и имущество ихъ не всегда было гарантировано отъ его посягательствъ. У помѣщика, напр., идетъ работа въ полѣ—бороньба, „бороны волочатъ“, а лошади священника въ это время пасутся,—онъ велитъ забрать ихъ и употребить въ работу на своемъ полѣ. А вотъ другой фактъ. Помѣщики собирали тогда особую подать, подъ названіемъ „коминкове“, которую платили и священники. Съ священника слѣдуетъ, положимъ, 6 злотыхъ, но помѣщикъ требуетъ 12,—и тотъ долженъ заплатить [2]).

Сдѣланныя нами бѣглыя замѣчанія о положеніи духовенства въ его отношеніи къ помѣщикамъ заставляютъ насъ придти къ тому выводу, что это положеніе было не изъ завидныхъ. Картина въ общемъ довольно печальная, свидѣтельствующая о томъ, какъ принижено было это сословіе и отдано на волю всевозможныхъ капризовъ. Естественно поэтому рождается вопросъ, гдѣ основаніе такихъ ненормальныхъ отношеній. Чѣмъ руководствовался помѣщикъ, если онъ по своему произволу могъ казнить и миловать священника? Одинъ ли произволъ игралъ въ этомъ случаѣ роль, или сюда примѣшивалось еще что нибудь другое? Не было ли основаній для такого образа дѣйствій въ самомъ строѣ церковно-бытовой жизни?

II.

Для правильнаго пониманія обычныхъ отношеній между духовенствомъ и помѣщиками въ концѣ прошлаго вѣка необходимо имѣть въ виду господствовавшія издавна традиціи. Согласно этимъ традиціямъ, панъ, хотя по вѣрѣ былъ и чуждъ

[1]) Арх. вол. дух. кон. № 655.
[2]) Ibid. № 499.

народу, все же считался первымъ лицомъ въ приходѣ. Это зависѣло отъ того, что онъ нерѣдко бывалъ фундаторомъ церкви; но еслибы даже онъ и не принималъ прямого и непосредственнаго участія въ ея сооруженіи, то вѣдь строили эту церковь крестьяне, которые составляли его собственность. Ему же принадлежали и результаты ихъ трудовъ, а слѣдовательно церковь, воздвигнутая ими, должна была входить въ сферу вѣдѣнія помѣщика. Во вторыхъ помѣщикъ надѣлялъ церковь землею, которая шла въ пользованіе причта; въ третьихъ, онъ иногда дѣлалъ пожертвованія въ церковь и т. д. Все это вмѣстѣ взятое было для него достаточнымъ основаніемъ считать церковные интересы прихода близкими себѣ, вмѣшиваться въ эти дѣла и придавать своему голосу первенствующее значеніе. Этого тѣмъ легче было достигнуть, что предъ нимъ настоящіе члены прихода, какъ его подданные, были совершенно безгласны. Потому-то помѣщикъ не обинуясь могъ обращаться въ церкозную „карбону“, какъ въ свой собственный карманъ, и брать оттуда деньги на свои личныя надобности. Хорошо еще, если онъ оставлялъ „письменный реверсъ“ во взятіи денегъ, тогда это имѣло хотя видъ одолженія, а не самовольнаго распоряженія церковными суммами [1]). Впрочемъ, одинъ помѣщикъ, на обвиненіе въ обираніи церкви, простодушно объяснялся, что онъ, еслибы даже и желалъ, не могъ пользоваться церковными деньгами, потому что ихъ никогда не бываетъ и „карбона“ всегда пуста [2]). Такъ процвѣтали тогда, подъ патронатомъ помѣщиковъ, сельскія церкви! Но если была возможность чѣмъ-нибудь попользоваться, то съ какой же стати стѣснять себя? У помѣщика, напр., балъ, а тутъ не хватило свѣчей: онъ посылаетъ въ церковь и велитъ оттуда „и послѣдніи свѣщы до дому своего брать“ [3]).

Существовалъ давній обычай, перешедшій, какъ наслѣдіе уніи, и въ послѣдующія времена, что за каждымъ богослуже-

---

[1]) Арх. вол. дух. кон. № 499.

[2]) Ibid. № 54.

[3]) Ibid. № 499.

ніемъ имя помѣщика возносилось въ молитвенныхъ призываніяхъ на эктеніяхъ [1]). Этотъ обычай служилъ какъ бы всенароднымъ признаніемъ патрональныхъ правъ помѣщика въ отношеніи къ мѣстной приходской церкви и ея служителямъ. Къ священнику помѣщикъ обращался на „ты“ и при случаѣ дѣлалъ, подобно „духовной персонѣ, моральныя“ увѣщанія. Когда однажды происходили частые раздоры между двумя священниками, то помѣщикъ одному изъ нихъ сдѣлалъ замѣчаніе въ такихъ выраженіяхъ: „чего ты, ксенже Корниловичъ, съ ксенземъ Томковичемъ клуцѣшься?“ [2]) Подобное обращеніе едвали могло благотворнымъ образомъ вліять на развитіе въ духовенствѣ самосознанія, уровень котораго и безъ того былъ не высокъ. Даже при самыхъ благодушныхъ отношеніяхъ между священникомъ и помѣщикомъ, когда послѣдній не отказывалъ первому въ удовлетвореніи разныхъ случайныхъ просьбъ и бросалъ ему изрѣдка мелкія подачки, въ видѣ воза дровъ и т. п.,—и тогда въ этихъ отношеніяхъ было много холопскаго. Въ лучшемъ случаѣ священникъ пользовался нѣкоторыми матеріальными выгодами и только, но нравственная приниженность оставалась во всей силѣ, а когда рождались какія-нибудь недоразумѣнія, она всецѣло сказывалась и являлась тогда во всей своей неприглядной наготѣ.

Попадались иногда между священниками рѣдкія единицы, которыя, быть можетъ, и не сознавая вполнѣ, чувствовали тяготу этой нравственной приниженности, ея ненормальность и, хотя въ грубой формѣ, но все таки подчасъ заявляли стремленіе высвободиться изъ-подъ панской опеки.—„У меня ваши паны ничего не составляютъ, у меня есть власть“, громогласно заявлялъ одинъ священникъ передъ громадой, стоявшей толпой по выходѣ изъ церкви, и чтобы на дѣлѣ оправдать свое заявленіе, пересталъ поминать на богослуженіяхъ имя помѣщика [3]). Такъ же настойчиво и упрямо огрызались священники и въ томъ случаѣ, когда помѣщики возбуждали предъ епархіальною

[1]) Арх. вол. дух. конс. № 453.
[2]) Ibid. № 655.
[3]) Ibid. № 453.

властью разныя обвиненія противъ нихъ. Если, напр., помѣщикъ указывалъ, что священникъ небрежно ведетъ церковное хозяйство, опустошилъ своимъ скотомъ „цвынтарь и на ономъ шпалеръ, съ насажденія разныхъ деревъ сдѣланный", уничтожилъ, то священникъ въ свою очередь предъявлялъ на слѣдствіи встрѣчное обвиненіе противъ помѣщика и заявлялъ, что онъ грабитъ церковь [1]). Особенно много обвиненій противъ помѣщиковъ стало возбуждать духовенство тогда, когда началось возсоединеніе уніатовъ и изданы были извѣстные Высочайшіе указы, въ силу которыхъ всякое противодѣйствіе этому дѣлу квалифицировалось, какъ тяжкое уголовное преступленіе. А одинъ священникъ служилъ даже обѣдню, спеціальное назначеніе которой было молиться о ниспроверженіи и истребленіи уніатовъ и латинянъ. Онъ проклиналъ унію и латинство и за это Богъ тяжко наказалъ, но не священника, какъ бы слѣдовало, а ни въ чемъ неповинную громаду: чрезъ нѣсколько дней выпалъ градъ необычайной величины и совершенно истребилъ посѣвы [2]). Такъ, по крайней мѣрѣ, жаловался помѣщикъ; священникъ оправдывался, что хотя онъ дѣйствительно служилъ, но никакихъ особыхъ молитвъ, противныхъ православной вѣрѣ, не прибавлялъ, а лишь отклонялъ народъ отъ торжественнаго празднованія Божьяго Тѣла, Десятой Пятницы, памяти

[1]) Арх. вол. дух. кон. № 427.

[2]) Ibid. № 543. X. Kałaydowicz 13 Julia, Roku teraznieyszego, miał mszą w cerkwi Zaborolskiey, na pobidę Uniatow y Rzymskiego Obrządku ofiarowaną. Wiklinał w czasie mszy Unią y Rzymski Obrządek, za co Bog ukarał zaraz gromadę, ponieważ 17 Julia grad wielkosci niepraktykowaney wybił wszystkie zboża w Zaborolu y okna wytłukł.—Фактъ весьма характерный въ бытовомъ отношеніи! До сихъ поръ среди украинцевъ, населяющихъ западно-русскія области, сильно убѣжденіе, что священникъ можетъ совершать службы подобнаго рода. Является, напр., крестьянинъ и заказываетъ обѣдню.—О здравіи или за упокой?—спрашиваетъ батюшка.—Ни, то на черну службу!—Иной новичекъ становится втупикъ. Что за оказія, думаетъ, какая такая „черная служба"? А! это, вѣроятно, за упокой, черныя ризы, значитъ, надо надѣвать. Опять начинаются разспросы и тутъ то крестьянинъ рѣшается повѣдать свое горе: у него украли лошадей, или такой-то предполагаемый имъ злой человѣкъ наслалъ болѣзнь на кого-нибудь изъ его семьи—и вотъ онъ твердо вѣритъ, что заказанная обѣдня будетъ способствовать раскрытію преступленія и что надъ его обидчикомъ непремѣнно стрясется бѣда.

Іосафата и запрещалъ въ эти дни колокольный звонъ. Не дозволялъ также звонить „въ отвращеніе бывшаго града", такъ какъ въ кіевской епархіи, гдѣ онъ раньше служилъ, это запрещено указами благочинныхъ.

Какъ ни велико было у духовенства рвеніе стряхнуть лежавшее на его плечахъ бремя панскаго вмѣшательства въ церковныя дѣла, достигнуть этого было невозможно, потому что сама епархіальная власть отчасти поддерживала существовавшія традиціи. Всякая жалоба помѣщика, нерѣдко явно несправедливая, непремѣнно вызывала строжайшее разслѣдованіе. Это, съ одной стороны, было хорошо, такъ какъ у священника являлась возможность оправдаться и выйти чистымъ изъ бѣды; но, съ другой стороны, это было крайне затруднительно. Вѣдь свидѣтелями по дѣлу бывали, почти исключительно, крестьяне, которые стояли въ зависимыхъ отношеніяхъ къ помѣщику. Боясь впасть у него въ немилость, послѣдствія которой были бы для нихъ весьма печальны, они могли давать пристрастныя показанія. Представители власти сознавали это, но другаго способа къ раскрытію истины не находили. Бывшій тогда волынскій губернаторъ Шереметевъ писалъ въ 1795 году епископу житомирскому Варлааму: „Какова бы ни была къ помѣщику людей его привязанность, но показаніе ихъ подъ присягою должно безъ сомнѣнія быть свидѣтельствомъ ихъ безпристрастія" [1]). Дѣйствительно, трудно было иначе доискаться правды, и нужно сказать, что бывали рѣдкіе случаи поразительнаго безпристрастія. Тотъ самый помѣщикъ, который „наказовалъ попа" за разныя мнимыя провинности, ссылался въ своихъ обвиненіяхъ на громаду и выставлялъ себя въ жалобѣ какъ будто защитникомъ ея. Но громада съ замѣчательнымъ единодушіемъ отвергла всѣ обвиненія помѣщика.—„Ктось то несправедливе выдумалъ", простодушно и единогласно показывали всѣ крестьяне, „чтобы нашъ священникъ былъ пьяница. То якась напасть! Мы того не знаемъ, не вѣдаемъ и первый разъ слышимъ о томъ. То знаемъ достатечне, что онъ до корчмы не ходитъ, а коли бу-

[1]) Арх. вол. дух. кон. № 54.

ваетъ у своихъ прихожанъ на оказіи, мы считаемъ это для себя за счастье. Онъ насъ не здирае и еще часомъ спомагае, по божому зъ намы обходится. За требы беретъ—кто что даетъ, какъ чыя сыла. Онъ для насъ прикладный и хиба за тое помѣщикъ на него нападаетъ, что за свою працю вѣрную—за взятіе пчелъ упоминается".

Брацлавская духовная консисторія, гдѣ разсматривалось это дѣло, какъ видно, не меньше нашего была поражена такимъ неожиданнымъ исходомъ дѣла и въ февралѣ 1797 года сдѣлала довольно интересное постановленіе по этому поводу. Она пишетъ, что обо всемъ этомъ слѣдовало бы сообщить въ брацлавское намѣстническое правленіе для привлеченія къ суду помѣщика Грохольскаго за ложный доносъ на священника Багриновскаго; однако потомъ отказывается отъ этой мысли по слѣдующимъ мотивамъ: „Со входящихъ въ сію консисторію дѣлъ усмотрѣно, что многіе помѣщики въ разсужденіи нетерпиливости своей православнаго греко-россійскаго исповѣданія вѣры крайне невинно угнетаютъ разнообразнымы выды, то понеже въ семъ дѣлѣ крестьяне своими показаніями вопреки воли помѣщика подвергнули себя его гнѣву, на случай же взысканія съ Грохольскаго за несправедливый доносъ на Багриновскаго, онъ, яко полную власть имѣющій надъ своими крестьянами, не променетъ всячески мстить, для того снисходя по человѣколюбію и состраданію къ невинно страждущему въ крестьянствѣ люду, оставить сіе дѣло безъ дальнѣйшаго можнѣйшаго бы движенія". Вмѣстѣ съ тѣмъ консисторія предписываетъ внушить священнику, дабы онъ, во избѣжаніе подобныхъ доносовъ, „старался быть латвымъ, учтивымъ и то бы имъ чинимо было безъ и малѣйшаго повреждения чести священства или упущенія должности своей" [1]).

Вотъ какой примирительной политики должна была держаться даже высшая епархіальная власть! Роковыя обстоятельства были настолько неотразимы, что нечего было и думать о радикальномъ измѣненіи установившагося порядка ве-

[1]) Арх. вол. дух. кон. № 651.

щей. Само собою понятно, что низшія церковно-административныя инстанціи смотрѣли на этотъ порядокъ, какъ на нѣчто вполнѣ незыблемое. Здѣсь взглядъ на помѣщика, какъ на исключительно компетентнаго и полноправнаго распорядителя церковныхъ дѣлъ, не омрачался никакими уступками. Одинъ благочинный такъ прямо и называлъ помѣщика въ оффиціальной перепискѣ „rządca cerkiewny“. Правда, помѣщикъ счелъ ниже своего достоинства это наименованіе и остался имъ недоволенъ. „Nie byłem ja rządcą cerkwi, писалъ онъ въ своемъ отвѣтѣ, ale tylko kollatorem; są na to bratczyki, którzy cerkiew w porządku utrzymuią“ [1]). Во всякомъ случаѣ, если благочинный и употребилъ непонравившійся помѣщику терминъ, то суть дѣла нисколько не измѣняется; напротивъ, этимъ еще ярче обрисовывается указанный нами взглядъ, господство котораго довольно рѣзко обнаруживалось и при производствѣ слѣдственныхъ дѣлъ.

Помѣщикъ, взводя разныя обвиненія на священника, на ряду съ дѣйствительными проступками, обыкновенно указываетъ и разныя невинныя мелочи, которыя только въ его глазахъ являются правонарушеніемъ, но съ точки зрѣнія каноническихъ законоположеній никоимъ образомъ наказуемы быть не могутъ. Между тѣмъ на дѣлѣ и эти невинныя мелочи ставились въ счетъ. Консисторія, получивъ доносъ, обыкновенно отсылала его въ духовное правленіе, которое уже отъ себя поручало произвести слѣдствіе или кому-либо изъ „присутствующихъ“, т. е. своихъ членовъ, или благочинному. Вотъ тутъ-то и открывалось, какъ высоко цѣнились прерогативы панскаго верховенства надъ приходской церковью. Слѣдователь всегда принимаетъ доносъ цѣликомъ и вовсе не дѣлаетъ надлежащаго различенія невинныхъ мелочей отъ дѣйствительныхъ проступковъ; вмѣстѣ съ послѣдними онъ и первыя возводитъ въ криминалъ, требуя отъ священника объясненія одинаково какъ по тѣмъ, такъ и по другимъ. Вотъ, напр., вопросъ, предложенный слѣдователемъ обвиняемому священнику: „Для чего безъ вѣдомости

[1]) Арх. вол. дух. кон. № 534.

своего помѣщика и прихожанъ самохотно съ своей стороны ктитора обралъ, съ коимъ цѣлости церковной не смотришь и порядка не чинишь“ [1]). Выборъ церковнаго ктитора (то же, что теперь староста) безъ участія прихожанъ, конечно, дѣло предосудительное, но причемъ тутъ помѣщикъ, который, какъ иновѣрецъ, вовсе не долженъ бы вмѣшиваться въ такія дѣла? Еще подобный же случай. Было уже замѣчено, что одинъ священникъ, возсоединенный изъ уніи, пересталъ поминать своего помѣщика за литургіей, ибо это вовсе не было для него обязательно. Между тѣмъ на слѣдствіи и такое невинное упущеніе засчитывается священнику въ вину, такъ что каждый свидѣтель подробно допрашивается и по этому пункту [2]).

Естественно, что всѣ эти обстоятельства крайне невыгодно отражались на положеніи духовенства. Гибельныя послѣдствія такого порядка вещей въ достаточной степени обнаружились какъ во время возсоединенія уніатовъ, такъ и непосредственно послѣ него.

III.

Хотя возсоединеніе уніатовъ съ православіемъ прикрывалось религіозными мотивами и имѣло, повидимому, исключительною цѣлью возвращеніе народа „къ праотеческой вѣрѣ“, однако нельзя отрицать, что въ основѣ его лежали политическія соображенія. По крайней мѣрѣ, заинтересованныя стороны такъ все это и понимали. Оффиціально объ этомъ не заявлялось, но въ конфиденціальной перепискѣ представителямъ власти не было надобности скрывать свои взгляды на этотъ предметъ и они, не стѣсняясь, высказывали ихъ. Такъ напр., генералъ-губернаторъ Тутолминъ въ письмѣ къ епископу житом. Варлааму, указавъ на нѣкоторыя нетактичныя дѣйствія духовенства, требуетъ, „дабы отнюдь не дѣлали они никакихъ въ семъ дѣлѣ утѣсненій, не токмо пользы не приносящихъ, но вяще

[1]) Арх. вол. дух. кон. № 499.

[2]) Ibid. № 453.

вредъ причиняющихъ, и по предмету обращенія уніатовъ и вообще по политическимъ видамъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выясняетъ, что „дѣло обращенія къ православію предпринято для произведенія въ народѣ желаемой къ намъ приверженности и для соединенія его съ древними россіянами неразрывнымъ вѣры союзомъ" [1]). Что касается поборниковъ уніи, то они считали возсоединеніе уніатовъ особымъ проявленіемъ тиранства во вновь пріобрѣтенномъ краѣ и старались тѣмъ или другимъ способомъ противодѣйствовать ему. Такъ, когда православное духовенство, собравшись на благочинническій съѣздъ, призвало уніатскаго декана Галятовскаго и упрекало его въ томъ, что онъ у возсоединенныхъ прихожанъ совершаетъ разныя требы, то дзеканъ въ свое оправданіе сказалъ: „когда бъ и вы подпали подъ такое тиранство, то и вы бъ то чинили" [2]).

Горько и тяжко было польскому шляхетству лишиться политической самостоятельности, но фактъ совершился, и однимъ изъ его прямыхъ послѣдствій явилось возсоединеніе уніатовъ. Трудно было мириться съ мыслью, что такъ скоро и легко разрушается то, на созданіе чего потрачены были вѣка упорной борьбы и неимовѣрныхъ усилій. Одновременно съ этимъ сглаживались въ значительной степени слѣды политической отдѣльности края. Естественно поэтому, что у пановъ было сильное желаніе такъ или иначе помѣшать успѣшному ходу возсоединенія. Обычнымъ средствомъ были застращиванія и угрозы; но они же были и самой безобидной вещью въ томъ, конечно, случаѣ, если не приводились въ исполненіе. Замѣчательно, что даже такіе знатные, богатые и родовитые паны, какъ князь Сангушко не брезгали прибѣгать къ подобнымъ не очень красивымъ пріемамъ. Когда благочинный изяславскаго округа игуменъ Виссаріонъ обратился къ громадѣ м. Славуты съ увѣщаніемъ о присоединеніи, то она дала подписку такого условнаго характера, что „мы и радыбъ присоедынитца православію, но ради угрозъ владѣльцовъ нашихъ не желаемъ".

---

[1]) Арх. вол. дух. кон. № 463.

[2]) Ibid. № 41.

Угрозы состояли въ томъ, что кн. Іеронимъ Сангушко обѣщалъ отнять у громады приходскую церковь и обратить ее въ католическую каплицу, а княгиня, при проѣздѣ черезъ мѣстечко, громко всѣмъ говорила, что „кто пристанетъ на схизму, будетъ каранъ моцно безъ милости“. Тотъ же князь велѣлъ въ с. Миньковцахъ взять изъ церкви чудотворную икону Богородицы [1]). Лица, завѣдывавшія возсоединеніемъ, въ своихъ донесеніяхъ о ходѣ этого дѣла сплошь и рядомъ заявляютъ, что „прихожане желаютъ присоединиться, но дѣдичи и поссессора до церквей ключей не отдаютъ и не допускаютъ, называя своими, почему оныя и припечатаны“, что вообще „шляхетскихъ селъ никакъ добровольно пригласить къ присоединенію не можно, а потому и успѣвать вовся нѣтъ способа“ [2]). Когда же, не смотря на всѣ ухищренія, церковь все таки присоединялась къ православію, помѣщикъ пользовался всякимъ, самымъ, казалось бы, ничтожнымъ обстоятельствомъ, чтобы возвратить ее въ прежнее состояніе и иногда, хоть временно, достигалъ цѣли. Случилось, напр., священнику, наблюдавшему приходъ въ одномъ селеніи кременецкаго уѣзда, поѣхать въ гости къ сосѣду. Помѣщикъ тотчасъ вошелъ въ сношеніе съ бывшимъ уніатскимъ настоятелемъ этого прихода, отнялъ у „старшаго брата“ (т. е. старосты) ключъ и опять обратилъ церковь въ унію, такъ что въ ней стало совершаться уніатское богослуженіе. Священникъ немедленно донесъ обо всемъ благочинному, и тотъ пріѣхалъ произвести на мѣстѣ разслѣдованіе. Но помѣщикъ отдалъ приказъ экономy и нѣсколькимъ подданнымъ выйти „къ церкви и плебанальному дому съ цѣпами, кіями и другимъ орудіемъ“, дабы не допустить вторичнаго присоединенія церкви къ православію. Однако церковь не долго оставалась въ уніи и въ скоромъ времени, вѣроятно, при помощи земской полиціи, поступила снова въ вѣдѣніе православнаго причта. При этомъ епархіальное начальство предписало благочиннымъ наблюдать, чтобы впредь священники никуда не отлучались

[1]) Арх. вол. дух. кон. № 41.
[2]) Ibid. № 26

изъ своихъ приходовъ [1]). Такимъ образомъ дѣло обошлось сравнительно довольно легко для священника: его интересы почти не пострадали. Подобныхъ случаевъ было особенно много въ дубенской округѣ. Мѣстный благочинный въ одномъ только 1798 году разослалъ болѣе тридцати бумагъ по этимъ дѣламъ въ нижній земскій судъ и разныя другія правительственныя мѣста. Во всѣхъ этихъ случаяхъ паны должны были довольствоваться самымъ кратковременнымъ торжествомъ, такъ какъ церкви скоро вновь перешли въ православіе.

Не вездѣ подобныя дѣла оставались безъ замѣтнаго вліянія на положеніе духовенства. Гораздо чаще бывало такъ, что они затрагивали самые насущные его интересы. Панъ старался по возможности насолить священнику и лишить его тѣхъ матеріальныхъ выгодъ, которыми онъ раньше пользовался. Такъ, въ силу давно установленнаго обычая, крестьяне давали священникамъ „роковщину“, или, какъ по мѣстамъ ее называли, „скопщину“ [2]). Кустинскій священникъ Бродовичъ, 13 лѣтъ состоявшій на приходѣ, все время безпрепятственно пользовался этимъ доходомъ, но по возсоединеніи помѣщикъ запретилъ прихожанамъ дѣлать въ пользу священника сборъ роковщины. Напрасно священникъ пожаловался своему начальству; дѣло отъ того нисколько не улучшилось. Наконецъ, „не имѣя никакой впредъ отрады“, онъ просилъ перевести его въ другое мѣсто, но начальство утѣшило его увѣдомленіемъ, что „о претерпѣваемой имъ обидѣ сообщено гражданскому губернатору“ и тѣмъ дѣло кончилось [3]). На ряду съ роковщиной другимъ главнымъ источникомъ къ пополненію священническаго бюджета служили доходы съ церковной земли. Къ умаленію этого источника и направлены были усилія пановъ. Нѣкоторые

---

[1]) Арх. вол. дух. кон. № 105.

[2]) Роковщина въ разныхъ мѣстахъ имѣла различныя формы: крестьяне давали хлѣбъ либо зерномъ, либо снопами. Въ первомъ случаѣ обыкновенно каждый хозяинъ ежегодно давалъ „полкорца (т. е. два четверика) жита или другой пашни“ (Арх. вол. дух. кон. № 81); во второмъ случаѣ давали „отъ полволоки сноповъ пятнадцать, а отъ четвертыны—сноповъ восемь“. (ibid. № 543).

[3]) Арх. вол. дух. кон. № 445.

въ этомъ случаѣ дѣйствовали косвеннымъ путемъ, прикрываясь разными юридическими основаніями; другіе прямо, безъ обиняковъ, отнимали у священниковъ церковные „грунта“ и присоединяли къ своимъ владѣніямъ. Въ с. Темногайцахъ кременецкаго уѣзда помѣщикъ Сѣраковскій еще во времена уніи построилъ каплицу, снабдилъ ее землею „по шнуру въ каждую руку“ [1]) и приписалъ къ мѣстной церкви. Приходскій священникъ и пользовался этою землею. Во время возсоединенія помѣщикъ оставилъ каплицу за собой, обратилъ ее изъ изъ уніатской въ католическую, а землю, принадлежащую къ ней, отнялъ у священника. Брацлавская духовная консисторія, изображая опрометчивость послѣдняго, въ своемъ постановленіи говоритъ, что „нѣтъ уже и надежды каплицу на благочестіе присоединить, а посему оной проситель и резона не имѣетъ просить о грунтахъ“ [2]). Помѣщикъ Целецкій, также отнявшій часть церковной земли, оправдывался тѣмъ, будто эта земля еще въ 1791 году неправильно захвачена была священникомъ; слѣдовательно, онъ лишь возвратилъ принадлежащее ему по праву [3]). Но странно, почему онъ только въ 1795 году надумался возстановлять свои владѣльческія права, нарушенныя еще четыре года тому назадъ? Почему онъ молчалъ все это время и дозволялъ священнику свободно располагать частью своего имѣнія? Гораздо проще поступилъ владѣлецъ с. Войтовецъ чудновскаго повѣта графъ Илинскій; онъ не нуждался ни въ какихъ уловкахъ, ибо безъ дальнихъ разсужденій отнялъ всю землю у свящ. Назаревича, который, въ продолженіе двадцатилѣтняго пребыванія своего на приходѣ, безпрекословно ею пользовался. Священникъ безъ земли не могъ существовать и потому его перевели въ другое мѣсто, а церковь приписали къ сосѣднему селу [4]).

---

[1]) „Шнуръ“, или 6 дней пахоты, равняется 3—4 десятинамъ, а всего слѣдовательно десятинъ 10—12.

[2]) Арх. вол. дух. кон. № 601.

[3]) Ibid. № 54.

[4]) Ibid. № 454.

Хотя здѣсь духовенство и терпѣло матеріальный ущербъ, но честь и достоинство оставались при немъ и не подвергались униженію со стороны помѣщика. Были случаи, когда помѣщикъ не ограничивался нанесеніемъ имущественнаго вреда духовенству; ему было мало этого и онъ наровилъ еще всячески поиздѣваться надъ нимъ. Онъ пускалъ въ ходъ всю свою изобрѣтательность, чтобы сочинить что-нибудь поостроумнѣе. Таковъ былъ Людвикъ Бардецкій, владѣлецъ с. Авратина чудновской округи. По возсоединеніи онъ сталъ называть священника жидомъ, который отдалъ свою душу дьяволу. Такимъ же эпитетомъ чествовалъ и церковно-служителей. Дворовыхъ своихъ людей онъ не пускалъ къ исповѣди и причастію въ православную приходскую церковь, а отсылалъ въ любарскій базиліанскій монастырь. Онъ отнялъ у священника всѣ пахатныя и сѣнокосныя земли, присоединилъ къ своимъ и велѣлъ пахать крестьянамъ; при этомъ отдалъ имъ строжайшій приказъ—ни подъ какимъ видомъ, даже за плату, не давать священнику и церковно-служителямъ ни снопами, ни зерномъ хлѣба изъ предстоящаго сбора. Запретилъ также вывозить дрова для отопленія. Больше всего доставалось пономарю, какъ низшему члену клира; къ тому же онъ былъ, вѣроятно, изъ крѣпостныхъ. Наканунѣ пасхи помѣщикъ призвалъ его въ дворъ и вволю изругалъ не только его самого, но и его вѣру. Безмолвно выслушавъ все, пономарь просилъ, наконецъ, позволенія уйти, такъ какъ было время звонить къ вечернѣ. Тогда Бардецкій далъ приказъ принести конскіе шоры и самъ надѣлъ ихъ на шею пономаря; надѣта была именно та часть упряжи, которая, какъ показали крестьяне, называется „подогоніе“ [1]). Въ такомъ нарядѣ онъ велѣлъ довести его въ конюшню, поставить въ стойло и потребовалъ отправлять здѣсь благочестивую службу. Какъ ни принуждали пономаря, онъ, согласно наивному заявленію священника, при всемъ своемъ желаніи не могъ удовлетворить панской прихоти, потому что былъ совершенно негра-

[1]) Для незнакомыхъ съ принадлежностями конской сбруи напомнимъ, что польское слово *ogon* значитъ хвостъ; отсюда понятно, что такое „подогоніе“.

мотенъ. Помѣщикъ, вдоволь натѣшившись, отослалъ его пасти конское стадо и тотъ на другой день, т. е. въ свѣтлый праздникъ, вмѣсто исполненія своихъ причетническихъ обязанностей, отправился съ табуномъ лошадей въ поле. Не особенно жаловалъ панъ и дьячка. Придравшись за то, что онъ не заплатилъ денегъ въ „пропинацію или шинькъ", помѣщикъ однажды насильно взялъ его изъ священническаго дома, всячески ругалъ, а наконецъ велѣлъ снять верхнюю одежду и посадить въ колоду. Ночью дьячекъ ушелъ изъ-подъ ареста и, должно быть, припоминая изъ библіи, что такія мѣста, какъ церковь, всегда пользовались правомъ убѣжища, разсчитывалъ скрыться въ притворѣ. Но нарочно посланные за нимъ шесть человѣкъ подданныхъ и тутъ нашли его, схватили, причемъ не обошлось безъ драки, и въ концѣ концовъ привели, въ изорванной рубахѣ, предъ грозныя очи помѣщика. Послѣдній приказалъ „нещадно бить его плетьми", а потомъ посадилъ въ колоду, гдѣ и продержали дьячка болѣе сутокъ. Расправляться такимъ же образомъ съ священникомъ было нѣсколько затруднительно, но все таки и ему панъ угрожалъ побоями, приговаривая: „я бивалъ не только благочестивыхъ поповъ, но и архимандритовъ" [1]).

Скорбь о потерянной политической независимости и ненависть къ новому режиму возбуждала пановъ не только къ издѣвательствамъ, но и къ ужаснѣйшимъ насиліямъ, жертвою которыхъ являлось возсоединенное духовенство. Ничѣмъ инымъ, какъ только этимъ, надо объяснять звѣрское обращеніе помѣщика м. Краснополя житомирскаго уѣзда Гижицкаго съ протоіереемъ Зражевскимъ, который явился сюда для присоединенія прихожанъ. Совершивъ присоединеніе, протоіерей велѣлъ священнику на слѣдующій день служить и вмѣстѣ съ нимъ отправился въ церковь. Какъ только началась литургія, вдругъ въ церковь врывается помѣщ. Гижицкій съ отрядомъ своихъ подданныхъ. Онъ хватаетъ антиминсъ съ престола, сбрасываетъ агнецъ съ жертвенника и велитъ пришедшему съ нимъ уніат-

[1]) Арх. вол. дух. кон. № 31.

скому попу совершать службу, а затѣмъ обращается къ протоіерею, ругаетъ его, поноситъ архіерея и издѣвается надъ православіемъ, называя его жидовскою вѣрою. Протоіерей хотѣлъ было возражать и защищаться, но на него напали, схватили и поволокли на площадь. Здѣсь помѣщикъ съ своими братьями, прибѣжавшими на эту сцену, стали бить и всячески терзать протоіерея; они рвали ему бороду, таскали за волосы, такъ что онъ дошелъ до безчувствія и не помнитъ, что съ нимъ было. Между тѣмъ помѣщикъ, въ увлеченіи дошедшій до крайней степени остервенѣнія, не зналъ, что дальше предпринять. Когда протоіерей очнулся, то услыхалъ, что помѣщикъ выражалъ желаніе или затравить его собаками, или повѣсить; онъ приказывалъ то звать собакъ, то принести веревку. Протоіерей сообразилъ, что смерть стоитъ передъ нимъ лицомъ къ лицу: онъ залился слезами, палъ въ ноги помѣщику и сталъ просить у него помилованія. Тотъ, видно, былъ тронутъ мольбами старца, а можетъ быть, просто отлегло отъ сердца; во всякомъ случаѣ, звѣрское настроеніе его прекратилось и мысли приняли сатирическое направленіе. По требованію помѣщика, подали повозку, въ которой пріѣхалъ протоіерей, и онъ запрегъ протоіерея въ корень, а православнаго священника съ протоіерейскимъ секретаремъ въ пристяжныя. Поглумившись вдоволь онъ велѣлъ выпроводить ихъ за околицу. И вотъ протоіерей въ такомъ видѣ долженъ былъ отправиться во-свояси [1]).

IV.

Была еще одна сфера, на почвѣ которой происходили столкновенія между помѣщиками и священниками. Мы разумѣемъ экономическую сторону дѣла, которая, по видимому, столь далека отъ интересовъ вѣры. При всемъ томъ, церковно-религіозные мотивы примѣшивались и сюда, такъ что въ этихъ столкновеніяхъ мы можемъ замѣтить сплетеніе самыхъ разно-

[1]) Фактъ этотъ, заимствованный изъ арх. вол. дух. кон. № 4 за 1794 годъ, изложенъ о. Варваринскимъ въ „Вол. Еп. Вѣд.“ 1871 г. № 6.

родныхъ элементовъ. Чаще всего обнаруживался помѣщичій контроль по поводу той самой обыденной сдѣлки между священникомъ и прихожанами, которая извѣстна подъ именемъ „платы за требоисправленія". Обыкновенно жалобы на священниковъ за пресловутое вымогательство подавались самими помѣщиками, или если и прихожанами, то подъ прямымъ вліяніемъ и непосредственнымъ руководствомъ помѣщиковъ. Нѣкая, напр., Златолинская жалуется архіерею на священника с. Тесова Кудржинскаго за то, что онъ не хотѣлъ хоронить бабы, пока не дадутъ ему вола. „Дневной грабежъ! возмутительное вымогательство!" воскликнетъ всякій, не ознакомившійся съ дѣломъ. Въ дѣйствительности же оказывается, что баба, имѣвшая одного только вола, завѣщала его передъ смертью на погребеніе. Громада должна была оцѣнить этого вола и продать; изъ вырученныхъ денегъ одинъ рубль употребить на устройство поминальнаго обѣда, а остальныя распредѣлить между братчиками и причтомъ, который, въ дополненіе ко всему, обязывался совершить двѣнадцать заупокойныхъ литургій [1]). По смерти завѣщательницы, ея воля была исполнена и громада оцѣнила вола. Священникъ, во вниманіе къ правамъ помѣщицы, предложилъ роднымъ отправиться къ ней съ воломъ и спросить, не пожелаетъ ли она купить его и заплатить деньги, положенныя громадой по оцѣнкѣ. Помѣщица взяла вола, но вовсе и не думала платить денегъ, а заявила, что она отдастъ его своему подданному, который также имѣетъ только одного вола [2]). Какъ ни почтенно стремленіе помѣщицы увеличить благосостояніе ея подданнаго, но оно внушено не какими-либо высокогуманными, альтруистическими побужденіями, а чисто эгои-

---

[1]) Это изъясненіе дѣла можно признать вполнѣ согласнымъ съ дѣйствительностію. До сихъ поръ еще зачастую дѣлаются подобныя завѣщанія. Какой-нибудь бодрый старикъ завѣщаетъ или деньги, или что нибудь изъ хозяйства, а то большею частью ульи съ пчелами на похороны. Деньги поступаютъ на храненіе въ церковь, а другіе предметы, еще при жизни старика, переходятъ въ вѣдѣніе причта. Иногда, задолго до смерти завѣщателя, пчелы, напр., изведутся, но онъ все таки считается свято исполнившимъ свой долгъ.

[2]) Арх. вол. дух. кон. № 586.

стическимъ разсчетомъ имѣть лишнюю рабочую силу, правоспособную къ отбыванію барщины. Отсюда и возникла жалоба на священника, будто онъ отказался погребать женщину, пока не получитъ за это вола. Подобнымъ же образомъ надо объяснять и обвиненія въ томъ, будто священникъ „безъ числа съ прихожанъ здирае за самоменше дѣло“ [1]), или „że zdzierstwo nieznosnie czyni od gromady“ [2]), тѣмъ болѣе что эти обвиненія нерѣдко не только не подтверждались, но на слѣдствіи открывалось нѣчто совсѣмъ противоположное, какъ это уже было указано раньше. Между тѣмъ мѣстные обычаи служили иногда весьма благодарной почвой для возникновенія такихъ обвиненій. Если, напр., прихожанинъ устраивалъ по извѣстному поводу обѣдъ и звалъ священника, то это уже считалось достаточной платой для него за совершеніе требы. Въ обвинительныхъ пунктахъ гориногродской громады встрѣчаемъ, между прочимъ, такой пунктъ: „Obiad gdy ktury z ludzi sprawuie na tym gdy iest batiuszka prucz jedzenia kaze sobie dać złot jeden, a u nas tego zwyczaju nie było“ [3]).

Изъ многочисленныхъ разсказовъ и воспоминаній достаточно извѣстно, какими жесткими, мучительными сѣтями крѣпостное право опутывало всю жизнь, всѣ отправленія быта крестьянина, какимъ тяжелымъ гнетомъ ложилось оно даже на такую интимную область, какъ заключеніе брачныхъ союзовъ. Помѣщикъ не спрашивалъ у своихъ крѣпостныхъ объ ихъ сердечныхъ влеченіяхъ, а женилъ и выдавалъ замужъ по своему произволу, какъ ему вздумается; безъ его разрѣшенія приходской священникъ не могъ никого обвѣнчать, и по сю пору въ церковныхъ архивахъ, какъ грустное воспоминаніе о быломъ, хранятся массы помѣщичьихъ записочекъ, заключающихъ въ себѣ его согласіе на каждый въ отдѣльности бракъ между его подданными. Если-бы священникъ захотѣлъ нарушить эту пре-

---

[1]) Арх. вол. дух. конс. № 651.

[2]) Ibid. № 543.

[3]) Арх. вол. дух. кон. № 657. Какъ орѳографію, такъ и образъ выраженія этой тирады оставляемъ на отвѣтственности составителя пунктовъ, который, какъ видно, былъ недостаточно силенъ въ польской грамотѣ.

рогативу панской власти, то помѣщикъ принималъ свои мѣры. Однажды священникъ с. Янковецъ житомирскаго уѣзда Кузьмицкій хотѣлъ было совершить бракъ противъ воли помѣщика. Послѣдній, узнавъ объ этомъ, послалъ нѣсколько человѣкъ своихъ подданныхъ къ церкви,—и тѣ должны были стоять у входа съ кіями и во чтобы то ни стало не допустить заключенія брака; они имѣли полномочіе взять невѣсту даже отъ аналоя изъ церкви [1]). Тѣмъ болѣе противодѣйствія встрѣчали намѣренія и планы духовенства въ томъ случаѣ, когда подданная извѣстнаго помѣщика выходила замужъ въ другое село, или за человѣка вольнаго. Здѣсь не только нарушались права помѣщика, но наносился прямой ущербъ его экономическимъ интересамъ: онъ лишался рабочей силы, лишался своей собственности. Но такъ какъ подобныя закононарушенія происходили секретно, то предупредить ихъ не было возможности, а оставалось только заявить по начальству жалобу на дѣйствія священника. Такія жалобы, дѣйствительно, и встрѣчаются. Помѣщикъ с. Саличевъ новоградволынскаго уѣзда донесъ мѣстному епископу Варлааму, что свящ. Игнатовичъ самовольно обвѣнчалъ его дѣвку, которая къ тому же не православнаго, а католическаго вѣроисповѣданія, „а супругъ ея и не принадлежащій до никакого обряда“. Священникъ откровенно сознался, что онъ дѣйствительно обвѣнчалъ отставного поручика Шилинда, по профессіи лѣсничаго, вѣроисповѣдоніе котораго ему неизвѣстно. Сдѣлалъ же это потому, что женихъ настойчиво просилъ его, увѣряя, что за это ничего не будетъ. Уличенный, кромѣ того, еще и въ другихъ подобныхъ же проступкахъ, священникъ былъ приговоренъ консисторіею къ слѣдующему наказанію: его оштрафовали положеніемъ ежедневно, въ продолженіе недѣли, по 25 земныхъ поклоновъ и мѣсячной монастырской епитиміей, но по манифесту 20 апрѣля 1801 года, изданному имп. Александромъ I вскорѣ по вступленіи на престолъ, онъ былъ освобожденъ отъ наказанія [2]).

---

[1]) Арх. вол. дух. кон. № 499.

[2]) Ibid. № 600

Къ этой же категоріи относится и довольно любопытное дѣло о женитьбѣ поповича с. Билашева дубенскаго уѣзда Спольскаго на крестьянской дѣвушкѣ, его односельчанкѣ, подданной Дунина-Карвицкаго. Чтобы подобный бракъ состоялся, женихъ долженъ былъ дать выкупъ помѣщику, заплатить, какъ тогда говорили, „куницу“, или „куничныя деньги“. Въ настоящемъ случаѣ помѣщикъ требовалъ пятнадцать червонцевъ, тогда какъ поповичъ могъ предложить всего четыре. Однажды онъ встрѣтился со священникомъ м. Ворковичъ Пискуновымъ; зашла рѣчь о женитьбѣ, и поповичъ повѣдалъ ему свое горе. Но Пискуновъ повелъ успокоительный разговоръ, обѣщалъ помочь и, сославшись на то, будто онъ имѣетъ указъ духовнаго начальства, предписывающій вѣнчать такіе браки, выразилъ твердое желаніе благословить и этотъ бракъ. Въ условленный день, подъ вечеръ, онъ прибылъ въ с. Билашевъ. Вмѣстѣ съ отцомъ жениха Пискуновъ отправился къ родителямъ невѣсты; здѣсь, какъ кажется, все было улажено и браковѣнчаніе предположено совершить на слѣдующій день. Дѣло было поставлено такъ, чтобы показать видъ, будто все произошло помимо воли и даже совершенно безъ вѣдома родителей невѣсты. Отецъ ея долженъ былъ на это время совсѣмъ уѣхать изъ села на мельницу, понятно, съ тою цѣлью, чтобы впослѣдствіи была возможность выгородить его отъ отвѣтственности и неизбѣжныхъ придирокъ со стороны помѣщика. На другой день, призвавъ невѣсту въ домъ священника, Пискуновъ сказалъ:—„слыште, я имѣю дозволеніе отъ власти духовной бракъ благословить тебѣ, Мелашко, съ поповичемъ. Когда желаешь, ходить въ церковь; сповидь получите, по исповѣди обвѣнчаю васъ“.—Не могу я того учинить, отвѣчала дѣвка, хотя такъ кажете, понеже панъ мой владѣлецъ не дозволяетъ быть мнѣ въ супружествѣ съ поповичемъ.—„Знай, опять началъ убѣждать Пискуновъ, тебя панъ отдасть за калѣку, или за кого схощетъ. Теперь маешь часъ иты за того, кого любышь. Ходить въ церковь, призовите люде“! И такимъ образомъ поповичъ былъ обвѣнчанъ. Помѣщикъ заявилъ, конечно, жалобу, дѣло тянулось долго, но кончилось ничѣмъ; самъ помѣщикъ, съ теченіемъ

времени, отказался отъ всякихъ претензій, выразилъ только нежеланіе имѣть этого поповича священникомъ въ своихъ владѣніяхъ. Дѣйствительно, архіерей отказалъ поповичу въ его просьбѣ по этому предмету [1]).

Принятый тогда порядокъ отбыванія воинской повинности сопряженъ былъ съ матеріальнымъ ущербомъ для помѣщиковъ. Отдавая въ рекруты молодаго парня, помѣщикъ навсегда долженъ былъ отказаться отъ всякихъ правъ на него, т. е. на его личность и трудъ. Естественно поэтому общераспространенное стремленіе помѣщиковъ воспользоваться сдачей въ рекруты, какъ мѣрой наказанія, или сбывать лишнихъ, вообще негодныхъ членовъ общества. Къ числу такихъ лицъ помѣщикъ относилъ и церковниковъ, тѣмъ болѣе, что ихъ иногда бывало по нѣсколько человѣкъ при церкви; ихъ-то онъ и захватывалъ, подчасъ даже силою, для сдачи въ рекруты. Изъза этого происходили бѣгства церковниковъ изъ одной епархіи въ другую, а также столкновенія между помѣщиками и священниками. Тотъ самый помѣщикъ Каминьскій, который грозилъ убить „попа, какъ собаку“, напалъ ночью съ войтомъ и десятниками „гвалтовно“ на его домъ, выбилъ окошко, поотбивалъ въ жиломъ домѣ замки, а въ „коморѣ“ разбилъ дверь, шарилъ по всѣмъ угламъ, искалъ церковника, чтобы схватить его въ солдаты, а наконецъ грозилъ сжечь всю усадьбу церковную. По заявленію священника, земскій судъ назначилъ слѣдствіе при двухъ духовныхъ депутатахъ и, допустивъ много неправильностей, сдѣлалъ самого же потерпѣвшаго во всемъ виновнымъ; только разъясненіе священникомъ всѣхъ незаконныхъ дѣйствій суда дало ему возможность оправдаться предъ своимъ начальствомъ [2]). Подобнымъ же образомъ помѣщичьи приказчики съ восемью дворовыми людьми напали, во время литургіи, на церковь въ с. Порохнѣ староконстантиновскаго уѣзда, произвели большое смятеніе и съ крикомъ вытащили за волосы одного молодаго парня. Это было во время рекрутскаго на-

[1]) Арх. вол. дух. кон. № 654.

[2]) Ibid. № 621.

бора, но къ сожалѣнію, слѣдствіе по этому дѣлу не производилось и потому подробности его неизвѣстны [1]).

Въ ряду даней, собиравшихся помѣщиками съ крѣпостныхъ, была одна, носившая названіе „очкове“, или „десятина“, и подлежали ей только владѣльцы пасѣкъ. Состояла она въ томъ, что десятый улей, по выбору помѣщика, поступалъ въ его пользу и тутъ же уничтожался на медъ. Духовенство, которое почти всегда, въ числѣ другихъ угодій, получало и хуторъ для помѣщенія своей пасѣки, обыкновенно освобождалось отъ этой дани. Южно-русскій пасѣчникъ—крестьянинъ, такъ любовно относящійся къ своей работницѣ—пчелѣ, не могъ равнодушно видѣть ея безпощадного истребленія, и вслѣдствіе этого ему трудно было избавиться отъ искушенія пристроить своихъ пчелъ такъ, чтобы укрыть ихъ отъ зоркихъ очей помѣщика. Такимъ надежнымъ, по его мнѣнію, убѣжищемъ являлась пасѣка священника. Но взоръ помѣщика, тѣмъ или другимъ путемъ, проникалъ и сюда—и тогда уже всѣ безъ разбора ульи поступали въ его пользу. Вмѣстѣ съ тѣмъ помѣщикъ заявлялъ на священника жалобу за укрывательство чужихъ пчелъ. Такъ было въ с. Бражинцахъ лабунскаго уѣзда, гдѣ священникъ Корниловичъ держалъ у себя три улья пчелъ, принадлежавшихъ мѣстнымъ крестьянамъ. Хотя онъ и объяснялъ дѣло тѣмъ, что въ этихъ ульяхъ находились подаренные имъ по разнымъ поводамъ рои, которые имѣли оставаться въ его пасѣкѣ только до осени, но это нимало не помогло: пчелы давно уже были уничтожены [2]).

На защиту интересовъ крестьянъ съ этой же стороны вздумалъ было выступить и свящ. с. Пашукъ заславскаго уѣзда Голиновскій. Село это составляло владѣніе Городищскаго кармелитанскаго монастыря, на мѣстѣ котораго помѣщается въ настоящее время женскій православный монастырь. Однажды экономъ вмѣстѣ съ двумя дворовыми пасѣчниками отправился ревизовать крестьянскія пасѣки съ тѣмъ, чтобы получить съ

---

[1]) Арх. вол. дух. кон. № 620

[2]) Ibid. № 655.

нихъ слѣдуемую десятину. Зашелъ онъ между другими въ усадьбу Михалюка, гдѣ былъ священникъ съ шестью крестьянами. Когда онъ считалъ ульи, хозяинъ сталъ доказывать, что онъ не долженъ бы давать десятины, такъ какъ его пасѣка находится не въ лѣсу, а на его же усадьбѣ. Экономъ не обратилъ вниманія на это заявленіе и требовалъ слѣдуемой дани; но тутъ возвысилъ голосъ священникъ и съ апломбомъ заявилъ, что никто, кромѣ самаго пасѣчника, не долженъ засматривать въ ульи и считать ихъ.—„Minęły czasy abyscie sami sobie wybierali. Dosyc iuz waszego panowania! Do mnie teraz pasieki należą nie do skarbu“. Обращаясь затѣмъ собственно къ эконому, онъ сталъ его прогонять и ругать.—Won skurwy synu, szelmo, kanalio, piiaku, złodzieiu, czarowniku, bestyo, rakaszu! Nie będziesz tutay roskoszował, wysadziłem ja jednego, wysadze y ciebie, poydzesz precz“. Вслѣдъ затѣмъ произошла драка, въ результатѣ которой оказалась жалоба на священника, подкрѣпленная довольно интереснымъ письмомъ на латинскомъ языкѣ, которое было послано архіерею о. кармелитами. Но впослѣдствіи священникъ удовлетворилъ истцовъ и на запросъ начальства отвѣтилъ, что онъ живетъ съ ними въ мирѣ [1]).

До какой мелочности вообще доходили обвиненія помѣщиковъ можно видѣть изъ одной жалобы, въ которой, въ числѣ другихъ претензій къ священнику, указывалось на то, что онъ держитъ „постороннюю водку и частуетъ ею крестьянъ“ [2]).

Да и чего только не натерпѣлось въ ту эпоху духовенство! Онъ такъ невысоко стояло въ культурномъ, правовомъ, соціальномъ, экономическомъ и въ разныхъ другихъ отношеніяхъ, что ничего не стоило совершенно безнаказанно оскорбить его. Вотъ, напр., что было съ священникомъ с. Голубного ровенскаго уѣзда Новоселецкимъ. Поручикъ рижскаго полка Евреевъ самовольно занялъ въ его домѣ квартиру. Священникъ

[1]) Арх. вол. дух. кон. № 443.

[2]) Ibid. № 499.

воспротивился этому и сослался на Высочайшіе указы, которыми священическіе дома освобождены отъ постоя. Но это нисколько не смутило военнаго героя. Онъ тотчасъ велѣлъ взять священника „подъ калауръ“, связать его и затѣмъ привязать „въ корчемныхъ жидовскихъ сѣняхъ до столпа“. Привязанный священникъ часа два простоялъ такимъ образомъ. Кто знакомъ съ внѣшнимъ видомъ еврейскихъ корчемъ въ юго-западномъ краѣ, тотъ легко можетъ представить себѣ, что это за картина была, когда служитель религіи, точно преступникъ, стоялъ у позорнаго столба, для потѣхи праздныхъ зѣвакъ. Священникъ пробовалъ было заявить жалобу на такое самоуправство, и благочинный въ октябрѣ 1796 года дѣйствительно донесъ объ этомъ фактѣ волынской духовной консисторіи. Но только чрезъ 10 лѣтъ, т. е. въ 1806 году, здѣсь обратили вниманіе на это дѣло и постановили, что такъ какъ свящ. Новоселецкій „доселѣ никакого дальшаго иску не имѣлъ за причиненную ему обиду“, то дѣло прекратить и сдать въ архивъ въ числѣ рѣшенныхъ дѣлъ [1]).

Все это было возможно только благодаря тому, что духовенство, какъ въ тискахъ было сжато всевозможными опеками; въ духовную среду ни откуда не вносилось элементовъ возвышающихъ, облагороживающихъ ее. Но даже и при этихъ условіяхъ является безпримѣрнымъ безобразный поступокъ клинецкаго экономa Моравскаго съ двумя священниками, да еще и благочинными. По откровенному объясненію самихъ потерпѣвшихъ, дѣло произошло такимъ образомъ. Моравскій обѣщалъ благочинному Луцкевичу дать „корецъ гречки и работницу въ услуженіе“. Взявъ съ собою благоч. Высоцкаго, Луцкевичъ и отправился къ Моравскому за обѣщанными подарками. Началось угощеніе и всѣ выпили преизрядно, чего не скрываютъ и о.о. благочинные. Они прямо заявляютъ, что выпили до излишества, но имѣя въ виду снять съ себя часть отвѣтственности, добавляютъ, что сдѣлали это „первѣе по его (т. е. Моравскаго) ласкательному убѣжденію, а затѣмъ и принужденію“. Въ раз-

[1]) Арх. вол. дух. кон. № 570.

говорѣ зашла рѣчь объ иконѣ свят. Николая, находящейся въ придворной каплицѣ. Моравскій увѣрялъ, что она „чудовная", но Высоцкій усумнился въ этомъ.—„Еслибы она была чудовная, то бы не раскололась",—такъ аргументировалъ онъ свое сомнѣніе. Надо замѣтить, что Высоцкій еще раньше проявлялъ радикализмъ въ этомъ направленіи. Когда-то онъ проѣзжалъ близъ с. Гуничъ овручскаго уѣзда и здѣсь, вблизи „каплички", лежала при дорогѣ статуя католическаго святаго (вѣроятно Яна). Эту-то статую, которая будто бы была разбита „донцами", онъ вмѣстѣ съ ѣхавшимъ съ нимъ мальчикомъ, проходившимъ науку у дьячка, вымазалъ деггемъ. При всемъ томъ весьма возможно, что и Луцкевичъ вставилъ въ разговоръ объ иконѣ нѣсколько своихъ словъ. Такъ или иначе, но въ концѣ концовъ оба эти священника оказались жестоко высѣченными. Сперва Моравскій принялся за Луцкевича и сѣкъ его плетьми „до своего удовольствія", а потомъ тоже самое продѣлалъ и съ Высоцкимъ. Послѣдній чувствовалъ себя крѣпко оскорбленнымъ и выразилъ твердое намѣреніе жаловаться, но Луцкевичъ удержалъ его отъ этого. Онъ находилъ, что въ этомъ случаѣ даже стыдно подавать жалобу, и разсчитывая сохранить все въ секретѣ, рѣшилъ претерпѣть „Христа ради". Но секретъ случайно обнаружился, и епископъ Варлаамъ потребовалъ обоихъ священниковъ къ отвѣту. Онъ объявилъ Луцкевичу строжайшій выговоръ и взялъ подписку, „дабы впредь получше памятовалъ святость іерейскаго сана и особо возложеннаго на его званія, а потому и велъ бы себя осторожнѣе и благоговѣйнѣе". Вмѣстѣ съ тѣмъ за безчестіе и побои онъ велѣлъ подать жалобу на Моравскаго. Относительно же другаго священника Варлаамъ написалъ слѣдующую резолюцію: „нанесенное Римскія церкви святынѣ съ вѣдома и допущенія іерея Высоцкаго поруганіе можетъ причинить величайшія мнѣ и консисторіи безпокойства. За таковъ поступокъ наказать его поклонами, коими однако онъ не отдѣлается, естли паче чаянія взойдетъ на его отъ католиковъ представленіе [1])".

---

[1]) Арх. вол. дух. кон. № 562.

Несомнѣнно, что во всей этой печальной, а въ то же время и комической, исторіи виноваты сами священники, допустившіе себя до состоянія невмѣняемости и потому совершенно напрасно сочинившіе, для собственнаго успокоенія, софизмъ будто они терпятъ Христа ради. Но во всякомъ случаѣ это фактъ довольно замѣчательный. Значитъ, со стороны, напр., Бардецкаго было не пустое хвастовство, когда онъ говорилъ, что „бивалъ не только поповъ, но и архимандритовъ!“ А слѣдовательно, рука помѣщиковъ дѣйствительно была тяжела для духовенства не только въ переносномъ, но въ самомъ прямомъ и буквальномъ смыслѣ.

В. Храневичъ.

Отрывки изъ записокъ Автонома Акимовича Солтановскаго.[1)]

Возвращаюсь къ прежнему. Я упомянулъ, что спутникомъ моимъ изъ Кіева въ Ровно былъ какой то частный учитель К—скій. Оказалось, что онъ не случайно ѣхалъ со мною, а имѣлъ порученіе при помощи знакомства со мною сблизиться съ учениками гимназіи и вліять на нихъ въ духѣ возрожденія Польши. Въ это время кромѣ капеляна-старичка, всѣ учителя, гимназіи были русскіе, за исключеніемъ трехъ учителей языковъ протестантовъ. Покамѣсть я жилъ въ домѣ Луковскаго съ учителемъ Соханскимъ, К—скій былъ у меня не былѣе двухъ разъ въ теченіи года; но когда я перешелъ въ качествѣ надзирателя въ казенное помѣщеніе въ общихъ квартирахъ, К—скій сдѣлался ежедневнымъ моимъ гостемъ. Это меня стѣсняло, хотя онъ никогда не оставался болѣе получаса. Сначала я ничего не подозрѣвалъ. Но потомъ сталъ замѣчать, что К—скій входитъ ко мнѣ только для вида, а предварительно шмыгаетъ по учебнымъ комнатамъ, и во время гуляній на гимназическомъ дворѣ бесѣдуетъ съ учениками высшихъ классовъ. На вопросъ мой: откуда у него знакомство съ учениками? Онъ отвѣчалъ, что онъ часто видится съ ихъ родителями, которые посредствомъ него передаютъ дѣтямъ своимъ поклонъ, посылки и порученія. Вслѣдъ за тѣмъ я сталъ находить у учениковъ польскія историческія книги и узналъ, что имъ подноситъ ихъ К—скій. Отобравши эти книги, я отослалъ ихъ К—скому съ просьбою

[1)] См. „Кіевск. Старина“ 1892 г. № 8.

не смѣть болѣе являтся ни ко мнѣ, ни въ общія квартиры. Въ отвѣтъ на это я получилъ вызовъ на дуэль. Пришлось обо всемъ сообщить директору Траутфеттеру. Полиція сдѣлала К—скому внушеніе, и онъ, по совѣту поляка городничаго Петре, куда то уѣхалъ, и я съ нимъ болѣе не встрѣчался.

При началѣ крымской войны, да и вообще въ прежнее время, въ обращеніи было масса золотой и серебряной монеты. Полуимперіалъ стоилъ 5 р. 15 к. на серебро. Когда же начиналась война полуимперіалъ упалъ до 5 рублей. Евреи мѣняли охотно безъ лажа за кредитные билеты. Казначейство наполнилось золотомъ. Чиновникамъ все жалованье отпускалось золотомъ. Въ гимназическомъ сундукѣ въ казначействѣ хранилось болѣе 8000 золотомъ. Вдругъ золото стало подниматься въ цѣнѣ. На границѣ поймали нѣсколько евреевъ, перевозившихъ боченки золота въ Австрію. Попался, какъ говорили, винницкій казначей, промѣнявшій евреямъ все золото изъ казначейства на фальшивыя кредитки. Появилось множество фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ. Особенно много было польскихъ рублевыхъ билетовъ, обращавшихся въ волынской губерніи. Директоръ Р—нко вмѣстѣ съ инспекторомъ Т—вымъ и учителемъ Петромъ К—ко отправились въ казначейство и забрали все хранившееся въ гимназическомъ сундукѣ золото, оставивъ вмѣсто него кредитки, особенно польскія. Кое что перепало Т—ву и К—ку; но вся сумма перешла къ Р—ку, который успѣлъ продать евреямъ золото по 5 рб. 75 кп. и заработалъ на немъ нѣсколько тысячъ рублей. При полученіи жалованья учителя стали просить золота, спрашивали: куда изъ сундука дѣвалось золото? Р—нко грозно объявилъ, что это надлежитъ вѣдать начальству, что подобные вопросы указываютъ на неуваженіе къ начальству, что неуваженіе можетъ пахнуть бѣлою лентою черезъ плечо, особенно въ настоящее военное время. Пошли пожертвованія на войну со стороны дворянства. Р—ко. При выдачѣ жалованья учителямъ, объявилъ, что всѣ теперь жертвуютъ, что тотъ измѣнникъ отечеству и врагъ Государю, кто не жертвуетъ, и сталъ удерживать изъ мѣсячнаго жалованья каждаго по пяти рублей.

Отставной солдатъ, директорскій сторожъ, жена котораго занималась стиркою бѣлья у учителей, получилъ въ сосѣднемъ съ квартирою директора гимназическомъ домѣ учительское помѣщеніе. Жена его стирала бѣлье на все семейство Р—ки и его прислугу. Сторожъ пользовался казенными дровами. Отъ неумѣренной топки печей у сторожа загорѣлось въ трубѣ. Въ томъ же домѣ помѣщался учитель словесности Солтановскій съ семействомъ.

Онъ былъ на урокахъ, когда загорѣлось. Дали знать въ гимназію. Прибѣжавшіе нѣсколько сотъ учениковъ успѣли потушить пожаръ; но у Солтановскаго оказалось много порчи въ посудѣ и мебели, которыя выбрасывались черезъ окна на улицу. Въ общихъ квартирахъ и классахъ между тѣмъ топили со страшной экономіей. Въ нихъ было холодно и сыро. На урокахъ и ученики и учителя кутались въ шинели и имѣли на ногахъ калоши. Р—ко продолжалъ порядокъ, заведенный еще Траутфеттеромъ,—отапливать зданіе гимназіи соломой. Вскорѣ послѣ перваго пожара ночью сгорѣли сараи, принадлежащіе гимназіи, и находившіеся между домомъ, въ которомъ жилъ директорскій сторожъ, и двухъэтажнымъ каменнымъ зданіемъ подъ гонтой, называемымъ оранжереей, въ которомъ помѣщалось нѣсколько учительскихъ квартиръ, приходское училище и на второмъ этажѣ гимназическая библіотека. Пожаръ произошелъ отъ того, что сторожъ съ женой поздно вечеромъ собирали повѣшенное на чердакѣ для просушки бѣлье Р—ко. Ходили безъ сомнѣнія со свѣчею, тамъ же ее зажигали, и такимъ образомъ запустили въ разный валявшійся тамъ хламъ огонь. Въ сараѣ ничего не было, кромѣ нѣсколькихъ старыхъ гимназическихъ скамеекъ и директорской дорожной кареты. Карету спасли, зданіе сгорѣло до тла. Загорѣлось помѣщеніе, въ которомъ жилъ Солтановскій; ученики успѣли вынести изъ его квартиры все его имущество и сложили въ переулкѣ во рву безъ всякаго присмотра, такъ какъ испуганная жена Солтановскаго съ грудным ребенкомъ бѣжала къ сослуживцамъ, а Солтановскій, какъ библіотекарь, посланъ былъ Р—ко въ библіотеку съ приказаніемъ спасать книги по первому требованію

Р—ка. Зданіе оранжереи нѣсколько разъ загоралось и было спасено самоотверженностью ученика VI класса Леванды, который съ топоромъ въ рукахъ приказалъ себя держать товарищамъ за ноги, а самъ, вися въ воздухѣ, изъ слуховаго окна рубилъ балку, лежавшую на карнизѣ окна и уже пылавшую. Отъ нея огонь сталъ сообщаться крышѣ. Огненные языки отъ близь лежащаго сарая достигали балки и Леванды; на немъ обгорѣло платье; но ему удалось обрубить горѣвшую балку и скинуть ее внизъ на землю. Этимъ зданіе было спасено отъ огня, особенно послѣ того, какъ Леванда, бросился на крышу и вездѣ по краю обрубилъ тлѣвшую гонту и сбросилъ ее внизъ. Р—ко послалъ на словахъ приказаніе Солтановскому выносить библіотеку въ смежный клубный садъ. Такъ какъ въ библіотеку тѣснились евреи и всякіе темные люди, искавшіе наживы, то Солтановскій поставилъ изъ учениковъ стражу при дверяхъ и на лѣстницѣ съ приказаніемъ прогонять постороннихъ. Другіе же ученики въ простыняхъ, изъ общихъ квартиръ таскали книги въ садъ, гдѣ тоже поставлена была изъ учениковъ стража. Солтановскій объявилъ ученикамъ, что онъ отвѣчаетъ за всякую пропавшую книгу и просилъ ихъ поберечь и книги и его самого. Книги уже выносили, когда лакей Р—ки по лѣстницѣ поднялся къ окну библіотеки и вышибши окно, закричалъ: скорѣе, скорѣе виносите! Баринъ приказалъ. Уже загорается крыша. Пожаръ былъ раннею весною въ темную холодную безлунную ночь. Солтановскій, по выносѣ книгъ, отправился въ садъ сторожить ихъ, такъ какъ иззябшіе ученики стали расходиться. Р—ко никого не послалъ ему въ помощь. Ученики явились по зову Солтановскаго и по его распоряженію принесли простыни. Къ утру сталъ накрапывать холодный дождь. Солтановскій въ одномъ легкомъ пальто, въ которомъ успѣлъ выскочить изъ своей квартиры во время пожара, оставался въ темнотѣ одинъ при кучѣ книгъ и промокъ до нитки. Онъ не зналъ, что дѣлается съ его имуществомъ. Оказалось, что еврей портной, занимавшійся мелкою починкою въ общихъ квартирахъ, видя всю мебель и рухлядь Солтановскаго сваленными въ переулкѣ во рву, по собственному доброму побужденію, взялся охранять ихъ.

Когда опасность миновала — всѣ разбрелись и Р — ко первымъ отправился спать, не сдѣлавши ни какихъ распоряженій на счетъ библіотеки, которая была вынесена по его приказанію, и не любопытствуя даже узнать, гдѣ сложены книги, и кто ихъ охраняетъ. Едва въ девять часовъ Солтановскому, окоченѣвшему отъ холода, удалось поймать гимназическаго сторожа, проходившаго къ женѣ черезъ клубный садъ на завтракъ. Посланный Солтановскимъ сторожъ привелъ опять учениковъ съ простынями, и книги внесены были и свалены на полу въ кучу. Такъ какъ это былъ день воскресный и дежурство Солтановскаго въ общихъ квартирахъ, то онъ при помощи учениковъ, внесши и свои вещи изъ переулка въ квартиру, не передѣваясь отправился дежурить въ общія квартиры. Часа въ два явились директоръ и инспекторъ. На заявленіе Солтановскаго, что онъ нуждается въ отдыхѣ, что нельзя ли его на эти сутки замѣнить другимъ, что ему нужно разобраться съ своими вещами, которыя чуть ли не всѣ переломаны, испорчены дождемъ и грязью или расхищены, директоръ Р—ко отвѣчалъ, что это къ службѣ не относится, что Солтановскій за дежурство въ общихъ квартирахъ черезъ сутки получаетъ 200 руб. вознагражденія, дежуритъ не даромъ, кажется, замѣнить его не кѣмъ. А между тѣмъ легко было командировать на сутки одного изъ гимназическихъ надзирателей, ничего не дѣлавшихъ по случаю воскреснаго дня. На замѣчаніе Солтановскаго о той поспѣшности и суматохѣ, которою сопровождалась въ ночное время выноска книгъ, Р—ко грозно объявилъ: за пропажу вы сами и отвѣтите своимъ жалованьемъ. Вамъ никто не велѣлъ выносить книгъ. Нужно было ждать моего приказанія. Да вѣдь вы прислали это приказаніе черезъ Ивана К—ка, а затѣмъ лакей вашъ, взобравшись по лѣстницѣ и вышибивъ окно, вашимъ именемъ приказалъ поскорѣе спасать книги, такъ какъ загорается зданіе. К—ку Ивану, отвѣчалъ Р—ко, я не дѣлалъ никакихъ порученій и кажется даже не видѣлъ его на пожарѣ, а лакея вамъ не слѣдовало слушать, вы должны были ждать письменнаго распоряженія. Ваша рухлядь гроша не стоитъ. Можете быть покойны, ее описывать не станутъ. Отвѣтите сво-

имъ жалованьемъ! И такъ за безвозмездное завѣдыванье библіотекой, за потерю почти всей рухляди, за благоразумныя распоряженія при выносѣ книгъ изъ загорѣвшагося зданія, за понесенныя въ эту ужасную ночь труды полученъ былъ одинъ только высокомѣрный выговоръ съ угрозой денежнаго взысканія. Р—ко вслѣдъ за пожаромъ вошелъ къ попечителю съ ходатайствомъ о выдачѣ ему пособія въ 500 рублей, такъ какъ все его имущество, оставшееся, будто бы, не распакованнымъ сгорѣло въ сараѣ. Ему выдано было 450 рублей, затѣмъ онъ донесъ, что учитель словесности Солтановскій, завѣдующій библіотекой, вопреки его Р—ка приказанію, вынесъ всѣ книги въ клубный садъ изъ зданія, которому не угрожала опасность. Книги всю ночь валялись въ саду безъ досмотра, и вѣроятно добрая половина ихъ была расхищена во время ночной суматохи. Черезъ двое сутокъ послѣ пожара Солтановскій одинъ, безъ посторонней помощи принялся за разборъ и установку книгъ на полкахъ по отдѣламъ и каталогамъ. Эта работа длилась два съ половиною мѣсяца. Нужно было работать въ сырой, холодной, нетопленной комнатѣ; ползать по полу, лазить по лѣстницамъ; работать до полуночи, потому что утро занято было уроками. Работа совершалась черезъ каждыя сутки, проводимыя Солтановскимъ на дежурствѣ въ общихъ квартирахъ. Ученики гимназіи оказались на столько благородными и добросовѣстными, что всѣ книги найдены были въ цѣлости, за исключеніемъ трехъ ничтожныхъ брошюръ, стоимостью въ 60 к., вѣроятно затоптанныхъ ночью въ грязь. Р—ко вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Москву на жительство, гдѣ по слухамъ вскорѣ опредѣленъ былъ цензоромъ, произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, и за отличіе пожалованъ прямо орденомъ Станислава I степени. Т—въ, заступившій мѣсто Р—ко, донесъ о состояніи библіотеки. Послѣдовало распоряженіе исключить три брошюры въ 60 коп. изъ капиталовъ, не взыскивая стоимость ихъ съ библіотекаря Солтановскаго. За свои потери и труды Солтановскій не удостоился даже простой благодарности. Между тѣмъ напряженная работа безъ отдыха, холодъ и сырость въ библіотекѣ и сознаніе сдѣланной

Солтановскому обиды, были причиною жестокой лихорадки, уложившей его на три недѣли въ кровать. Такъ какъ по болѣзни онъ не могъ самъ исполнять обязанностей дежурнаго надзирателя въ общихъ квартирахъ, то часть его очередей принялъ на себя его сослуживецъ, надзиратель и учитель Зражевскій, которому послѣ пришлось уплатить днями дежурствъ, а часть исполнены были гимназическимъ надзирателемъ, которому Т—въ выдалъ по рублю сер. за дежурство изъ жалованья Солтановскаго.

Т—въ кончилъ всего шесть классовъ гимназіи, и Л—въ объявилъ ему, что представленіе его въ директоры можетъ потерпѣть фіаско въ министерствѣ. Будь Т—въ изъ военныхъ, да еще съ раною, тогда можно было бы уладить дѣло, а теперь почти невозможно. Но Л—въ посовѣтовалъ Т—ву посредствомъ Любомирскихъ похлопотать у польскихъ магнатовъ, что бы они просили В—ва написать министру сверхъ представленія письмо, что Т—въ своею педагогическою полезною дѣятельностью заслужилъ всеобщую любовь родителей, воспитывающихъ своихъ дѣтей въ Ровенской гимназіи, что назначеніе его директоромъ они почли бы за особенную къ нимъ милость правительства, и были бы увѣрены, что дѣти ихъ воспитываются подъ надежнымъ руководствомъ и надзоромъ. Любомирскіе переговорили съ панами и получили ихъ согласіе. Писать долженъ былъ князь Сангушко, извѣстный милліонеръ, владѣлецъ Славутскаго имѣнія и многочисленныхъ заводовъ и фабрикъ. Сангушко просилъ представить ему отъ имени всѣхъ магнатовъ сочиненное на французскомъ языкѣ письмо, для подписи. Т—въ сочинилъ письмо по русски; на французскій языкъ перевелъ его учитель французскаго языка Лемпъ. Это письмо, подписанное Сангушко, Т—въ отправилъ В—ву и мѣсяца черезъ $1^1/_2$ былъ назначенъ директоромъ Ровенской гимназіи.

Не смотря на все полонофильство Т—ва, мелкопомѣстные помѣщики, арендаторы, оффиціалисты и чиновники, воспитывавшіе дѣтей въ Ровенской гимназіи, крайне были смущены и недовольны назначеніемъ его директоромъ гимназіи. Они знали его, какъ взяточника и вымогателя, лишеннаго высшаго обра-

зованія. Они возмущены были продѣлкой магнатовъ и Сангушки. Магнаты никогда не воспитывали своихъ дѣтей въ правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Они, послѣ домашняго воспитанія, отправляли дѣтей оканчивать образованіе въ Краковскій университетъ, въ Парижъ, Италію или Швейцарію. Во время вакацій Т—въ поѣхалъ въ Кіевъ благодарить князя В—ва и Л—ва и повезъ съ собою своего друга, учителя Петра К—ко. Послѣ вакацій получено распоряженіе о назначеніи К—ка инспекторомъ гимназіи, не смотря на то, что онъ пользовался всеобщею ненавистью и товарищей и учениковъ, былъ плохимъ учителемъ и безсовѣстно бралъ взятки. Невгодовъ и Епифановичъ, служившіе давно уже и притомъ съ похвалой, были сильно оскорблены этимъ назначеніемъ. Всѣмъ оно пришлось не по душѣ, такъ что съ первыхъ же дней начальство гимназическое, директоръ и инспекторъ, оказались въ самомъ ненормальномъ и враждебномъ отношеніи къ заведенію, которымъ они должны были руководить.

Т—въ и К—ко раздѣлили между собою управленіе Ровенской гимназіей. Т—въ принялъ на себя хозяйственную часть; Петръ Дмитріевичъ К—ко педагогическую и дисциплинарную. У учителей на урокахъ ни тотъ, ни другой никогда не бывали. Хозяйственную свою дѣятельность Т—въ началъ съ ремонтировки своего помѣщенія, зданія гимназіи и перемѣны подрядчика въ общихъ квартирахъ—Келбша. Келбшъ, отставной капитанъ, полякъ, продовольствовалъ общія квартиры въ теченіи многихъ лѣтъ, чуть ли не съ основанія ихъ. Продовольствовалъ онъ добросовѣстно, всегда поставляя свѣжую провизію. Но гимназическія власти въ лицѣ директора и инспектора становились все требовательнѣе и вымогали отъ него болѣе, чѣмъ онъ могъ давать. Послѣ перваго мѣсяца продовольствія директорскаго дома при новыхъ условіяхъ Келбшъ объявилъ себя банкротомъ и отказался продовольствовать общія квартиры. Т—въ принялъ вмѣсто Келбша подрядчикомъ какого то еврея изъ Дубно. Этотъ еврей и зимою и лѣтомъ говядину возилъ на простыхъ возахъ, ничѣмъ неприкрытую, пыльную, грязную и вонючую изъ Дубно, верстъ за сто отъ Ровно. Эта говядина сваливалась го-

рою въ ледникъ или анбаръ и служила для продовольствія квартиръ въ теченіи цѣлой недѣли до новаго транспорта. Директору и инспектору, разумѣется, доставлялась другая свѣжая провизія. Ученики ничего не хотѣли ѣсть, съ трудомъ нѣкоторыхъ удавалось принудить сидѣть за столомъ. Т—въ и жена его выходили, пробовали, находили все отличнымъ, и объявляли буфетчику, что это все капризы и фантазіи надзирателей, что они еще взбунтуютъ учениковъ. Дѣти довольствовались чаемъ, какой нибудь кашей, и разными печеніями, покупаемыми у разносчиковъ, торчавшихъ вѣчно на гимназическомъ дворѣ. За право торговли печеніями на гимназическомъ дворѣ пекари платили Т—ву опредѣленную пенсію. Доносы десятками сыпались въ округъ. Явился наконецъ для разслѣдованія инспекторъ казенныхъ училищъ изящный М—скій. Я увѣренъ, что у Т—ва онъ не взялъ взятки. Но видя связи Т—ва съ польскою аристократіею, тогда всесильною, и не желая ссориться съ Л—вымъ, онъ ничего не открылъ. Все оказалось, какъ должно, а доносъ фальшивымъ. М—скій обѣдалъ и провелъ вечеръ у Любомирскихъ въ обществѣ знати. Тамъ ему и внушили, что все это пустяки, что Т—въ отличный директоръ. Для очистки совѣсти М—скій явился въ столовую, попробовалъ кушанья, нашелъ ихъ отличными, и дѣйствительно онѣ были отлично приготовлены изъ свѣжей провизіи. Потомъ вдругъ обратился къ надзирателю и учителю Солтановскому и громко, чтобы всѣ дѣти слышали, улыбаясь Т—ву, спросилъ; „скажите, правду, это всегда такъ кормятъ, или это только ради моего пріѣзда“? Солтановскій отвѣчалъ: „я причастенъ къ лицамъ наблюдающимъ, при томъ я одинъ могу ошибаться. Спросите учениковъ, ихъ показаніе будетъ вѣрнѣе“. М—скій сдѣлалъ гримасу и отошелъ, не спросивъ учениковъ. Вѣроятно, Т—въ представилъ М—скому Солтановскаго, какъ поджигателя, возбуждающаго учениковъ протестовать противъ продовольствія. Мнѣ, впрочемъ, послѣ разсказали, будто бы дѣло это и князья Любомирскіе и Т—въ перенесли на политическую почву. Келбшъ былъ полякъ, служилъ въ молодости въ польскомъ войскѣ, отличался патріотизмомъ; живя на одномъ

дворѣ съ учениками, имѣлъ на нихъ нехорошее вліяніе. За это Т—въ его устранилъ. Но устраненіе его вызвало неудовольствіе въ ученикахъ, которые стали придираться къ новому подрядчику безъ всякихъ основаній. Солтановскій, конечно, не сочувствуетъ ничему польскому, но изъ угожденія ученикамъ, желая пріобрѣсти у нихъ популярность, присоединился къ ихъ протестамъ и даже самъ сталъ науськивать учениковъ на подрядчика. Конечно, этому М—скій не вѣрилъ; но это дало ему воможность извернуться въ щекотливомъ дѣлѣ. Солтановскаго оставили на мѣстѣ, можетъ быть, опасаясь, чтобы онъ снова не поднялъ этого дѣла. По выѣздѣ М—скаго опять пошли прежніе порядки. Дѣти были возбуждены, и потеряли вѣру въ начальство, послѣ изслѣдованій М—скаго продовольствіе ничуть не улучшилось. Въ ожиданіи проѣзда Государя Т—въ поролъ горячку, чтобы разрѣшено было поболѣе денегъ, на побѣлку зданія, на окраску половъ скоровысыхающею краскою. Изъ зданія гимназіи, гдѣ на второмъ этажѣ помѣщалось одно отдѣленіе общихъ квартиръ, учениковъ переселили въ домъ Рыльке. Тамъ они спали на землѣ покотомъ, на соломѣ, ничѣмъ не прикрытой, въ теченіи двухъ недѣль. Кровати ученическія наново окрасили, и ко дню пріѣзда въ городъ Государя покрыли новымъ бѣльемъ и вновь купленными однообразными бѣлыми фланелевыми одѣялами. Буфетъ, кромѣ мѣстнаго серебра, наполнился серебромъ изъ дома Любомирскаго и отъ Чарторыйскихъ. Около буфета и день и ночь караулили по очереди по два служителя подъ наблюденіемъ буфетчика.

Во время пріѣзда Государя городничимъ былъ Ч—скій, побочный сынъ графа Ч—ва. Онъ допился до того, что не могъ уже ничего пить, кромѣ простой сивухи. Гостей же заливалъ исключительно шампанскимъ. Въ гостяхъ онъ безпрырывно требовалъ букашку затопить, т. е. рюмку сивухи. Его за то и прозвали букашкой. Онъ въ присутствіи дамъ позволялъ себѣ самые свободные шутки и анекдоты. Онъ былъ человѣкъ свѣтскій, отлично образованный, весьма честный, съ благороднымъ образомъ мыслей, но опустился до нельзя. Онъ называлъ себя несмѣняемымъ до смерти городничимъ, предоставлялъ полиціи дѣ-

лать, что угодно, самъ ни во что не вмѣшивался; но къ мерзостямъ былъ строгъ; его боялись. Въ городѣ при немъ воровство совсѣмъ вывелось изъ моды. Жена его жила на особой половинѣ квартиры, съ мужемъ почти не видѣлась и ни съ кѣмъ въ городѣ не познакомилась. Это была статная, полная, еще красивая и моложавая дама. Говорили, что она знатнаго происхожденія и хорошо воспитана. Ее можно было только встрѣтить на прогулкѣ въ фаэтонѣ или каретѣ. Ч—скій получалъ отъ неизвѣстнаго лица крупныя суммы ежегодно и истрачивалъ ихъ на угощеніе шампанскимъ и на роскошный столъ.

Онъ караулилъ пріѣздъ Государя въ винномъ магазинѣ Ціолковскаго, потчуясь поминутно сивухой. Ему сообщенъ былъ порядокъ, въ которомъ должны были слѣдовать экипажи царскаго поѣзда. Пронесся фельдъ-егеръ. Ч—скій не обратилъ вниманія. До пріѣзда Государя еще оставался цѣлый часъ, и впереди должно было проѣхать нѣсколько свитскихъ экипажей. Вдругъ въ городѣ послышалось: ура! Не вѣря ушамъ, Ч—скій вскочилъ на лошадь и встрѣтилъ царскую карету уже на мосту среди города. Онъ поскакалъ впередъ къ дому Любомирскаго, гдѣ было отведено Государю квартира. Любомирскій только еще облачался для встрѣчи Государя съ хлѣбомъ и солью. Военный караулъ еще не явился. Государь и государыня, вошедши изъ экипажа, обошли пустую свою квартиру и черезъ балконъ отправились гулять по саду. Это было, кажется, 1 сентября 1857 года. По возвращеніи они увидѣли у дверей князя Любомирскаго съ хлѣбомъ и солью. „Что вамъ угодно? Кто вы? Хозяинъ дома, князь Любомирскій? Извините, теперь я здѣсь хозяинъ“! сказалъ Государь; но хлѣбъ поднесенный, хотя и не въ пору, принялъ и поблагодарилъ. Между тѣмъ сталъ прибывать багажъ, собралась вся свита, размѣстившаяся въ городѣ. Послѣдній царскій фургонъ застрялъ на обломавшемся мосту въ городѣ. Офицеръ, сопровождавшій его, напустился на Ч—скаго, крича, что его за эту небрежность разжалуютъ въ солдаты, что это могло случится съ царской каретой и проч. Ч—скій отвѣчалъ ему: „довольно болтать вздоръ! Меня не разжалуютъ — я безсмѣнный городничій Ч—скій! Не вѣрите—спросите Адлерберга,

онъ меня знаетъ. Лучше пойдемъ и разопьемъ бутылку шампанскаго". Подхватилъ подъ руку офицера и потащилъ къ Ціолковскому. Государь хотѣлъ въѣхать незамѣтно, безъ всякихъ овацій. Съ этой цѣлью поспѣшилъ и на послѣдней станціи измѣнилъ порядокъ слѣдованья экипажей и поѣхалъ съ Государыней впереди поѣзда. Государь возвращался изъ заграницы съ большою свитой. Его между прочими сопровождали министръ двора графъ Адлербергъ и сынъ его генералъ, Государыню сопровождали двѣ фрейлины. Онѣ помѣстились въ квартирѣ директора Т—ва, а министръ двора въ домѣ учителя Епифановича. Т—въ страшно струсилъ, узнавъ, что Государь намѣренъ посѣтить гимназію. Дворъ весь ужиналъ у Государя. Разошлись въ 12 часовъ. Т—въ явился къ Адлербергу узнать, гдѣ Государю угодно видѣть гимназистовъ. Адлербергъ уже спалъ, но Т—ву приказано было явиться въ 12 часовъ по полуночи. Адлербергъ въ три часа отправился во дворецъ и приказалъ Т—ву ждать себя на крыльцѣ. Затѣмъ объявилъ, что Государь перемѣнилъ свою волю. Въ гимназіи не будетъ. Государь къ ночи спѣшитъ въ Житоміръ. Учениковъ приказалъ привести на дворъ своего помѣщенія. Въ четыре часа ученики были приведены и построены передъ дворцомъ. Стало разсвѣтать. Экипажи придвинулись къ выходу. Государь прошелъ по маленькой домовой оранжереѣ и, остановившись у окна, смотрѣлъ на учениковъ. Въ пять часовъ онъ съ Государыней сѣлъ въ карету. Ученики и народъ грянули—ура! Этимъ все кончилось. Ученики въ однихъ мундирахъ порядкомъ продрогли. Адлербергъ сдѣлалъ Т—ву замѣчаніе за то, что дѣтямъ не позволилъ накинуть шинелей.

Когда въ день пріѣзда разошелся весь дворъ по квартирамъ, къ Государынѣ явились двѣ дамы съ прошеніемъ. Государь принялъ ихъ прошеніе передалъ Государынѣ и выпроводилъ дамъ. Дамы, потревожившіе Государыню были: сестра подсудка, бойкая женщина, и молоденькая вдова маіора. Мужъ ея не выслужилъ пенсіи. Она просила у Государыни единовременнаго пособія. Ей прислано было 100 рублей серебромъ.

Долженъ сдѣлать отступленіе, такъ какъ проѣздъ Государя ознаменовался необыкновенною его гуманностью и самымъ ми-

лостивымъ обращеніемъ. Государь овладѣлъ сердцами всѣхъ. Онъ возбуждалъ общую симпатію. Всѣ безбоязненно стремились увидѣть Его; всѣ по собственному внутреннему побужденію Его привѣтствовали восторженно. Въ присутствіи Его не чувствовалось страха. За нѣсколько мѣсяцевъ до пріѣзда Государя въ Кіевѣ случилась скандальная исторія. Командиръ полка нѣмецъ полковникъ, Б—нъ, который ожидалъ скораго производства въ генералы, шелъ по троттуару съ женою и ея комнатной собаченкой. Повстрѣчался имъ студентъ съ тросточкой въ рукахъ. Собаченка кинулась на студента и разорвала ему брюки. Студентъ ударилъ ее тросточкой. Собаченка взвигнула. Б—нъ наговорилъ студенту дерзостей. Товарищи студента явились къ попечителю съ жалобой на Б—на требуя чтобы онъ извинился, на что онъ однако несогласился. Черезъ нѣсколько дней при разъѣздѣ изъ театра, когда Б—нъ вышелъ на подъѣздъ, толпа студентовъ мгновенно его окружила; повалила на землю и избила палками. Пока опомнилась полиція и жандармы, студенты успѣли всѣ скрыться. Никто не былъ арестованъ. Избитаго Б—на на рукахъ перенесли въ сани и отвезли на квартиру. В — въ назначилъ строгое слѣдствіе. Арестовали обиженнаго студента и депутатовъ, требовавшихъ отъ Б—на извиненія. По подозрѣнію еще арестовали нѣсколько человѣкъ. Наконецъ В—въ предалъ арестованныхъ военному суду. Два приговорены были въ солдаты, а нѣсколько человѣкъ въ арестантскія роты. Государь приказалъ вмѣнить имъ въ наказаніе сидѣніе подъ арестомъ и всѣхъ простилъ, сдѣлавъ выговоръ вообще студентамъ за дѣйствіе скопомъ. Студенты чуть не носили Государя на рукахъ въ его переѣздахъ по Кіеву. Но все это не помѣшало польскимъ студентамъ продолжать затѣянное ими патріотическое подготовленіе къ будущей революціи, которая была уже не за горами.

Какъ то случился проѣздъ черезъ Ровно въ Варшаву министра народнаго просвѣщенія Норова. Онъ ѣхалъ открывать тамъ университетъ. Его, кромѣ директора департамента, сопровождали еще два генерала и новый инспекторъ казенныхъ училищъ кіевскаго округа. Министръ высокій, брюзгливый, не-

привѣтливый старикъ, безъ одной ноги, на костылѣ. Онъ до такой степени безпричинно брюзжалъ, что дѣти не рѣшились занести ему жалобу на Т—ва и К—ка. Онъ экзаменовалъ только одинъ часъ седьмой классъ изъ словесности, французскаго языка, и исторіи русской и всеобщей. Сдѣлавъ учителю нѣкоторыя замѣчанія онъ прибавилъ обращаясь къ окружному инспектору: „Очень жаль, что округъ назначаетъ учителями словесности молодыхъ людей, молодымъ молодое недозрѣлое и нравится!“ „Буду имѣть честь слова в. в. п-ва передать попечителю округа“, отвѣчалъ тотъ. Пообѣдавши у Т—ва и приказавши заказать фотографическія снимки съ зданія гимназіи и стараго палаца, Норовъ укатилъ далѣе. Инспекторъ остался для производства повѣрки успѣховъ по всѣмъ предметамъ. Побывавъ на урокахъ русскаго языка и словесности, вечеромъ онъ пригласилъ однако на чай учителя словесности къ К—ку, пригласилъ и учителя чистописанія. Съ первымъ все толковалъ, что-то о значеніи знаковъ препинанія; о томъ что нельзя слѣпо слѣдовать авторитетамъ. Нуженъ свой собственный взглядъ. Хотя тоже большая самонадѣянность иногда ни къ чему не ведетъ. Нужно примѣняться иногда къ взглядамъ начальства и проч. и проч. Учителю чистонисанія инспекторъ дѣлалъ внушенія по случаю плохихъ успѣховъ учениковъ въ этомъ предметѣ.

Послѣ смерти министра Норова и водворенія въ министерствѣ Головнина, послѣдовало распоряженіе, чтобы совѣты гимназій представили свои замѣчанія на проектъ новаго устава. Образована была въ совѣтѣ коммиссія изъ учителей: Солтановскаго—словесности, Суворова—математики, Невгодова—законовѣдѣнія, Андрущенка—математики и Трофимова—исторіи. Эта коммиссія работала по ночамъ. Между прочимъ, она обратила вниманіе на сухое и неумѣлое преподаваніе въ гимназіи Закона Божія мѣстными протоіереями, которые, исполняютъ свою обязанность, какъ придаточную, совершенно небрежно, а нѣкоторые, какъ протоіерей К—скій, заявляютъ себя грубымъ обращеніемъ съ православными учениками. Имѣя это въ виду, коммиссія проектировала допустить къ преподаванію Закона Бо-

жія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и лицъ свѣтскихъ, имѣющихъ собственныя познанія и ученую богословскую степень, а также отличающихся нравственными качествами и педагогическими способностями. При этомъ коммиссія сослалась на уставы царствованія имп. Екатерины II, допускавшіе къ преподаванію Закона Божія лицъ свѣтскихъ. Другою крупною новостью было упраздненіе общихъ ученическихъ квартиръ. Ученикамъ позволялось жить у родителей, родственниковъ и частныхъ лицъ, которымъ дозволено будетъ мѣстнымъ начальствомъ содержать ученическія квартиры.

Какъ то скоро послѣ всѣхъ этихъ происшествій пожаловалъ на ревизію гимназіи самъ попечитель округа Ребиндеръ. Это былъ сухощавый, высокаго роста мужчина. Онъ прежде служилъ на Кавказѣ. Говорили, что онъ страшно страдаетъ печенью, и вслѣдствіе этого непомѣрно раздражителенъ, что у него всѣ привычки восточнаго деспота, что онъ просто удаляетъ отъ должности, если ему не понравится физіономія служащаго. Мы ожидали грозы, ожидали, что онъ раскассируетъ весь составъ педагогическаго совѣта. Но крѣпко ошиблись. Онъ побывалъ у всѣхъ учителей на урокахъ. Былъ со всѣми вѣжливъ; хорошо и ласково обходился съ дѣтьми, и, собравши на прощаніе всѣхъ учителей, сказалъ имъ: „Я знаю, что труды ваши очень тяжелы, что вы просто несете крестъ въ этой мѣстности, гдѣ интеллигенція противъ правительства, слѣдовательно, и противъ васъ. Вознагражденіе за ваши труды недостаточное. Но пособить этому невозможно. Впрочемъ, я разрѣшилъ директору по очереди представлять къ денежнымъ наградамъ, не свыше 400 руб. въ годъ. Мужайтесь и продолжайте исполнять ваше высокое дѣло съ энергіей. Внутреннее сознаніе исполненнаго долга будетъ для васъ лучшею наградою. Прощайте!“

Прежде учителямъ не выдавалось никакихъ наградъ. Т—въ послѣ отъѣзда попечителя увѣрялъ, что Ребиндеръ былъ такъ милостивъ вслѣдствіе его отличной рекомендаціи всѣхъ служащихъ. Т—въ сдѣлался весьма любезенъ со всѣми. Только К—ка, который началъ дѣйствовать противъ него, онъ не

могъ терпѣть. Вскорѣ мы узнали, что Ребиндеръ по болѣзни выѣхалъ совсѣмъ изъ Кіева, а на его мѣсто назначенъ баронъ Николаи, впослѣдствіи занимавшій, впрочемъ недолго, постъ министра народнаго просвѣщенія. Николаи не долго заставилъ себя ждать. Онъ прибылъ на ревизію въ Ровно послѣ обѣда. Сейчасъ собралъ 3 высшихъ класса гимназіи и задалъ темы для сочиненій по русской словесности. Сочиненія писались подъ его личнымъ наблюденіемъ. При свѣчахъ ученики одинъ за другимъ по его вызову читали ему ихъ громко на весь классъ. Выслушавъ учениковъ V класса онъ похвалилъ ихъ и поблагодарилъ учителя. Шестымъ классомъ онъ остался чрезвычайно доволенъ и нѣсколько разъ пожалъ руку Солтановскому. Седьмой классъ привелъ его въ восторгъ, онъ расцѣловалъ нѣсколько учениковъ, расцѣловалъ и учителя Солтановскаго, прибавивъ: „Я этого вамъ не забуду". Ученикамъ объявилъ, что если кто изъ нихъ при поступленіи въ университетъ будетъ въ чемъ нуждаться, пусть прямо, не стѣсняясь, обратится къ нему.

Послѣ этой ревизіи, Т—въ не смѣлъ не представить къ наградѣ учителя Солтановскаго. Представлять слѣдовало двоихъ; но онъ представилъ трехъ. Самъ пригласилъ Солтановскаго прочитать подписанное и заномерованное представленіе и сказалъ: „Не думайте, что я не цѣню вашей службы!" Однако Солтановскій остался безъ награды. Въ будущемъ году повторилась таже исторія. Попечителемъ округа былъ уже извѣстный операторъ и педагогъ Ник. Иван. Пироговъ. Солтановскій, не говоря никому ни слова, послалъ Пирогову письмо, прося указать ему тѣ его недостатки, по которымъ въ округѣ исключается его имя изъ награднаго списка, дабы онъ могъ исправить эти недостатки. Черезъ 10 дней Т—въ прибѣжалъ въ гимназію съ телеграммой Пирогова и вызвалъ Солтановскаго изъ класса. „Вы писали попечителю?"—„Да, писалъ!"—„Не могли подождать до будущаго года! Такъ нельзя безпокоить начальство! Счастье ваше, что все сошло благополучно. Пожалуйте послѣ уроковъ ко мнѣ и получите 200 руб. наградныхъ".

(Продолженіе слѣдуетъ).

Памяти А. В. Марковича.

Двадцать пять лѣтъ назадъ, въ 1867 г., умеръ Аѳанасій Васильевичъ Марковичъ, одинъ изъ тогдашнихъ малорусскихъ—выражаясь по теперешнему—фольклористовъ [1]). Умеръ онъ въ Черниговѣ и въ тамошней газетѣ о его смерти напечатано было слѣдующее „извѣстіе“: „Въ ночь съ 31 августа на 1 сентября скончался послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни надзиратель VI акцизнаго округа А. В. Марковичъ. Покойный принадлежалъ къ числу тѣхъ честныхъ и безкорыстныхъ дѣятелей, которые и въ обществѣ, и на служебномъ поприщѣ пользуются общимъ сочувствіемъ. Смерть его—конецъ тѣхъ тяжкихъ страданій, которыми сопровождались послѣдніе дни его жизни“.

А—сій В—чъ М—чъ былъ незаурядный знатокъ духовной стороны народной жизни и особенно прилежно изучалъ народную музыку. Но по живому, нервному характеру А—сія В—ча ему трудно было приняться за какую нибудь систематическую работу и потому никакихъ почти работъ послѣ него неосталось.

Молодой поры жизни А. В. мы вовсе не знаемъ, познакомившись съ нимъ лишь въ 1861 г. Знаемъ только, что онъ участвовалъ въ Кирилло-Меѳодіевскомъ братствѣ и за это участіе долженъ былъ пожить нѣкоторое время въ Орлѣ [2]). Тамъ,

[1]) Отъ англійскаго термина folk-lore (буквально-народовѣдѣніе).

[2]) См. о жизни А—сія В—ча въ Орлѣ у Петрова—Очерки исторіи украинск. литературы XIX стол.,—стр. 374.

въ Орлѣ, А. В. и женился на дѣвицѣ Вилинской, ставшей впослѣдствіи извѣстной писательницей подъ псевдонимомъ Марка-Вовчка. Жена А — сія В — ча великороссіянка по рождению и въ Малороссіи передъ тѣмъ никогда, какъ говорятъ, не жила; и тѣмъ не менѣе въ 1857 году ею былъ изданъ рядъ разсказовъ изъ народной малорусской жизни, обративших на себя общее вниманіе какъ вѣрностью изображенія послѣдней, такъ и задушевностью изложенія. Близкіе пріятели А—сія В—ча допытывались у него (когда онъ поселился въ Черниговѣ, въ 1861 г.)—гдѣ, когда и какъ супруга его такъ хорошо изучила малорусскую народную жизнь?—А. В. не любилъ этихъ вопросовъ и всегда отвѣчалъ коротко, что, молъ, талантъ... И такими своими отвѣтами еще болѣе увеличивалъ сомнѣніе пріятелей...

Въ 1861 г. А. В. пріѣхалъ въ Черниговъ на службу по крестьянскому дѣлу, получивъ должность члена отъ правительства мировыхъ съѣздовъ, которымъ Положеніе 19 февраля 1861 г. имѣло въ виду поручить нѣчто въ родѣ прокурорскаго надзора за дѣятельностью съѣздовъ мировыхъ посредниковъ. Никакихъ опредѣленныхъ обязанностей этимъ чиновникамъ законъ не указывалъ, но центральная губернская власть указывала, что эти правительственные члены съѣздовъ должны, по возможности, вліять на безпристрастное разрѣшеніе острыхъ вопросовъ, доходившихъ, чрезъ мировыхъ посредниковъ, до съѣздовъ. Такимъ образомъ должность эта требовала прежде всего такта и спокойнаго отношенія къ дѣлу. Но А. В. такимъ чиновникомъ стать не могъ; онъ вѣчно кипятился и свою миссію исполнить положительно былъ не въ силахъ. Помнимъ хорошо, какъ горячился онъ по вопросу о введеніи „Великороссійскаго положенія“ въ сѣверовосточныхъ уѣздахъ черни-

говской губерніи, особенно въ глуховскомъ уѣздѣ, гдѣ тогдашній предводитель дворянства В. И. Туманскій совсѣмъ былъ обратнаго взгляда на этотъ вопросъ. Разумѣется, никакого результата мораль А—сія В—ча тутъ имѣть не могла и ему приходилось, что называется, лишь бить руками объ полы.— А тутъ стали вводить (въ нач. 1862 г.) акцизную реформу. Акцизнымъ начальникомъ въ черниговской губ. былъ назначенъ Ф. П. Рашевскій, который и началъ, очень умѣло, подбирать въ новое учрежденіе чиновниковъ. Соблазняясь большимъ (по тогдашнему) жалованьемъ, много тогда ушло въ акцизъ способныхъ людей, могшихъ принести гораздо большую пользу на другихъ поприщахъ. Ушелъ тогда въ акцизъ и А—сій В—чъ, нуждаясь въ деньгахъ, которыя нужно было ему часто посылать семьѣ (женѣ и сыну), жившей въ это время заграницей, кажется, въ Парижѣ и все собиравшейся оттуда вернуться къ своему pater familias. Перейдя на службу въ акцизъ, М—чъ поселился въ Новгородъ-Сѣверскѣ, откуда не рѣдко слалъ намъ писанія о своемъ печальномъ житьѣ-бытьѣ. Приводимъ здѣсь одно такое письмо, писанное въ сентябрѣ 1862 г., въ которомъ хорошо видится и самъ А—сій В—чъ и его умѣнье владѣть малорусской рѣчью.

„Не даромъ сердце мое може десять разъ згадувало васъ самимъ милымъ спòминкомъ; а коли бравъ и жаль, що я одбився отъ васъ самохитью,—можно бъ зъ вами и доси товаришуваты. То зновъ ничого не думалося, а такъ ваше обличья передъ моею душею свитилось зиркою. И скольки разъ ладнався до васъ озватись, та все щось перебье, то дило, то бездилья. Не знаю, якъ буде дали, може й погано, а до якого часу — ничого не вигорило дуже лихого. Заверталося, правда, чорзна навищо, та моя щирость розигнула карлючку. Спасиби Богу, и на сторони никому ще не впикся и кривды отъ кого другого на себе ще не бачивъ . . . . . .

Живу я у Лакиды въ двори. Якъ, мовляли, живу я? Мало добра, якъ и всюди. Самъ живу, безъ семьи, да уже и не пріидуть: грошей у ихъ и въ мене нема; зима заходить.. А тутъ ище халепа: моя пани такъ гришми вбога, що ажъ

ничогисинько не мае, ни на довги, ни на выиздъ, ни на життя. Якійсь Лобко выдавъ — вона читала у Сив. Пчели, на Парижи,—2-гу часть Народнихъ Оповиданій. Вона не тильки ни одъ кого грошей, а спросу, а вистки не мае. Коли до рукъ випаде, поспитайте, хто це промишляе хлибомъ чужимъ? Поспитайте, братику! Чомъ не порятувать! Я й самъ поспитаю, та не надія добитьця чого небудь. Да взнавши ще й порадьте. Справивъ бувъ на ти гроши, що за третину году взявъ жалуваня наперидъ, родича привести семью [1]). Той гроши потративъ и не поихавъ. Такій мій таланъ. Теперъ усего беру 80 чи 90 руб. Дожидавши (семью) узявъ квартиру добру. Добрый чоловикъ заплативъ хозяину 50 цилк. за мене, та мебели трохи заставивъ своеи. Отъ и отдавай що мисяцю, то й на 40 цилк. хиба чи застанется зъ розъиздомъ. И съ чого жъ мени уворвать, щобъ порятовать дружину зъ дитиною? Нехай бы Михайло [2]) спогадавъ за ихъ. Може бъ ми одробили, якъ чорна хмара перейде наша.

Чи не набралося присливья трохи, щобъ гостинчика мини прислать.—Я коло пословиць мордуюсь и вже мовъ бы й начисто иде. Якъ скинчу, за музику писень визьмуся.

Мене,—бачите я якій,—аби зачепили—брязнули. Я якъ розмеленый струментъ або визъ глабчастый, дробинястый: загуркаю и затуркаю другого. Я якъ чума, що до неи и приступати не треба!"

Пишетъ здѣсь А—ій В—чъ о своихъ занятіяхъ пословицами и музыкою пѣсенъ; но ничего изъ этихъ занятій не вышло. Личный характеръ его, а еще болѣе плохо сложившіяся обстоятельства частной жизни мѣшали его работамъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что свое собраніе пословицъ А. В. передалъ М. Т. Симонову (Номису), включившему ихъ въ извѣстный свой сборникъ, а пѣсенную музыку А. В. блестяще показалъ любителямъ при постановкѣ въ Черниговѣ двухъ оперетокъ,

[1]) Не помнимъ — о какомъ родичѣ говорится. Знаемъ, что у А. В. былъ братъ, служившій, кажется, лѣсничимъ.

[2]) Михаилъ Матв. Лазаревскій, умершій въ одинъ годъ съ А. В—чемъ.

исполненныхъ любителями: „Наталки-Полтавки“, въ 1862 году (см. „Основу“ 1862 г., мартъ) и „Чаръ“ (К. Тополи) въ 1866 г. Знатоки говорили, что исполненіе музыкальной части въ этихъ опереткахъ представлялось верхомъ совершенства. Но нужно же было и видѣть А — сія В — ча на репетиціяхъ этихъ оперетокъ... До усталости бился онъ, бранился, кричалъ пока та или другая партія не была наконецъ разучена... Особенно много труда положилъ А. В. при постановкѣ оперетки „Чары“, никогда передъ тѣмъ не игранной. Въ этой опереткѣ главную партію пѣла замѣчательная пѣвица Мел. Авд. Загорская (рожд. Ходотъ), которую А. В. встрѣтилъ въ одномъ глухомъ хуторѣ.—Дружескія отношенія М. А. Загорской скрасили послѣдніе годы жизни А — сія В — ча, такъ и не дождавшагося своей семьи....

Музыка поставленныхъ А — сіемъ В — чемъ оперетокъ, сколько мы знаемъ, не сохранилась: партитура писалась на скоро, на листочкахъ, которые потомъ безслѣдно растерялись.

Для полноты свѣдѣній, упомянемъ, что одна работка А—сія В—ча таки была напечатана; это былъ мастерски записанный имъ, въ 1854 г., отъ старухи-крестьянки разсказъ о родинахъ и крестинахъ, помѣщенный въ переложеніи на русскій языкъ въ Запискахъ Черниг. Статист. Комитета (II, 341—347).

Умеръ А. В. въ черниговской больницѣ, въ полной бѣдности. Похоронили его пріятели вмѣстѣ съ семьей тогдашняго черниговскаго губернатора кн. С. П. Голицына. Большая могила насыпана была надъ прахомъ А—сія В—ча (около Ильинской церкви, близъ Троицкаго монастыря) и высокій дубовый крестъ былъ поставленъ на ней. Но теперь, говорятъ, креста давно уже нѣтъ и могилы найти нельзя...

А. Л.

24 августа.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ исторіи землевладѣнія въ лѣвобережной Малороссіи. *(Сахно-Устимовичи и Апостолы).* Родоначальникомъ теперешнихъ Сахно-Устимовичей былъ Устинъ Сахненко (т. е. сынъ Софонія)—«житель и товаришъ сотни Уласовской», какъ онъ значится въ актѣ 1691 г., по которому Яковъ Скоробогатько, житель м. Городища (теперь Градижскъ), продалъ хуторъ свой, на Кагамлыкѣ лежащій, зятю своему Устину Сахненку. Въ 1704 г. Сахненко былъ уже власовскимъ сотникомъ, какъ видно изъ универсала Мазепы, даннаго въ этомъ году Сахненку на освобожденіе его отъ пчелинаго налога. «Пчоляная десятина» установлена была, повидимому, Мазепою, такъ какъ болѣе раннихъ свѣдѣній объ этомъ налогѣ мы не встрѣчали.—Приднѣпровскіе жители миргородскаго полка имѣли свои земли и на правомъ берегу Днѣпра, гдѣ, на привольи, занимались и пчеловодствомъ. Имѣлъ тамъ свои пасѣки и Устинъ Сахненко, на которыя съумѣлъ выпросить у гетмана освободительный универсалъ: «зъ певныхъ респектовъ, окриваючи мы, гетманъ, ласкою нашою п. Устина Сахненка, сотника власовского, увольняемъ его пасѣки, на томъ боку съ пчелами будучими, отъ даваня роковой обыклой десятины, подъ такою еднакъ кондиціею, дабы онъ при своихъ пасѣкахъ чужихъ пчолъ не утаевалъ и не заборонялъ до оддаваня десятинной повинности; а если бы мѣло на его тое перевестися, чтобы утаевалъ чужии пчолы, то не толко одъ тоей пасѣки, лечъ и отъ уряду сотницкого, будетъ отдаленъ»,—грозилъ Мазепинъ универсалъ. Вмѣстѣ съ гетманомъ, милостивъ къ Сахненку былъ и мѣстный миргородскій полковникъ, которымъ въ это время былъ будущій гетманъ Данило Апостолъ. У послѣдняго Сахненко выпросилъ, въ 1705 г., «листъ» на безхозяйный «кутъ Каювченковскій». Въ «листѣ» этомъ читаемъ: «Всѣмъ... а особливе старшинствуючимъ въ Уласовцѣ, Городищѣ и

Крыловѣ... ознаймуемъ, ижъ прекладалъ намъ п. Устимъ Сахненко, теперешній сотникъ уласовскій, же кутъ Каювченковскій, лежачий отъ дороги, що иде зъ Уласовки до Крылова, ажъ по рѣчку Цибульникъ, не мѣетъ своего власного господара и произволтого наслѣдника, и просилъ насъ, абы, за вѣдомомъ нашимъ, обнявши кутъ оный, владѣлъ имъ такъ, якъ бы власнымъ купленымъ кгрунтомъ. Яко теды пустовскіе, а иле лежачіи добра, *некому иному въ полку нашомъ* належитъ вѣдати *и диспоновати* (распоряжаться) *тылко намъ, яко господареви, по милости Божой и рейментарской*, того миргородского полку, такъ уважаючи давныѣ значныѣ въ войску запор. прислуги п. Устима Сахненка..., кутъ оный Канювскій (sic), яко пустовщину, позволяемъ ему обнати и такъ власне держати и владѣти въ часы потомныѣ, якъ бы мѣлъ за гроши...» Приведенный «листъ» Апостола обращаетъ на себя вниманіе высказаннымъ здѣсь взглядомъ полковника на его власть относительно раздачи земельныхъ угодій въ предѣлахъ полка. «По милости Божьей и гетманской» Апостолъ считаетъ себя полноправнымъ распорядителемъ вольныхъ земель («пустовщинъ»). Такіе размѣры власти могли присвоивать себѣ далеко не всѣ полковники; при Мазепѣ «лежачіи добра» могли раздавать лишь тѣ изъ полковниковъ, которые долгою своею службою «войску» пріобрѣтали особый у гетмана почетъ; такими полковниками были—Данило Апостолъ, Яковъ Лизогубъ, Михайло Миклашевскій, Дмитрій Горленко... Пробывъ на сотничествѣ около десяти лѣтъ, Сахненко настолько разбогатѣлъ, что сынъ его Василій могъ жениться на близкой родственницѣ Данила Апостола, въ то время уже гетмана. Женился Василій Устиновичъ Сахненко на дочери гетманскаго племянника—Якова Васильевича Апостола. Мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о семьѣ Павла Апостола и не знаемъ—какіе еще были у него сыновья кромѣ будущаго гетмана. Изъ бумагъ Сахно-Устимовичей видимъ, что, кромѣ Данила, Павелъ Апостолъ имѣлъ еще и сына Василія. Сынъ послѣдняго—Яковъ былъ женатъ, повидимому, на единственной дочери миргородскаго полковаго есаула Василія Лагоды. Лагода былъ державцею хорольскаго села Аврамовки, которое получилъ отъ своего полковника Апостола, какъ видно изъ его «листа» 1699 г., которымъ Данило Апостолъ, повидимому, ускромнялъ какое то волненіе аврамовскихъ посполитыхъ: «.... ознаймуемъ, ижъ яко передъ симъ, зъ ласки войсковой и *нашой*, села Аврамовки люди посполитые послушенство отдавали п. Василію Лагодѣ, асаулови нашому полковому, такъ и теперъ на томъ есть воля наша,

абы цѣле и непремѣнно въ томъ селѣ тягліе знайдуючіеся люде ему, п. асаулови, во всемъ належите, безъ жадной спречности, отдавали послушенство, а естли бы хто мѣлъ быти упорнымъ и противнымъ сей волѣ нашой зъ тихъ помянутихъ людей тяглыхъ села Аврамовки, таковий знатному, неотступному подлѣгати будетъ караню, цѣле деклярuемъ». Черезъ три года послѣ этого Аврамовка находилась уже во владѣніи зятя Лагоды—Якова Апостола, къ которому перешла, повидимому, послѣ смерти тестя и, нужно полагать, съ согласія полковника, того же Данила Апостола. Въ «листѣ» послѣдняго, написанномъ въ 1702 г., читаемъ: «Вамъ войтовѣ и всѣмъ посполитимъ людямъ с. Аврамовки приказуемъ и неиначей мѣти хочемъ, абысте якъ въ работизнахъ, такъ и въ инихъ обыклыхъ повинностяхъ были послушниками п. Якову Василіевичи братаничеви нашему неиначей, але власне такъ, якъ и предъ симъ отдавалисте всякое послушенство небожчику (покойному) п. Василію Лагодѣ, тестевѣ его, которое абысте и вышереченному братаничеви нашему, а небожчиковому зятеви, теперъ отдавали...»

Мазепина измѣна и послѣдовавшая за нею «руина» вызвала во многихъ мѣстахъ по Малороссіи,—значительныя крестьянскія волненія. Заволновались въ это время и аврамовцы, какъ видно изъ слѣдующаго «листа» Данила Апостола (29 іюля, 1709 г.)—«п. Яковъ Апостолъ, знатн. тов. полку нашого, прекладалъ намъ о томъ, же вы, подъ его державою зостаючи, послушенства отдавати не хочете... прето яко таковое самоволство сурово вамъ ганимо, такъ пилно и грозно чрезъ сей листъ нашъ всѣмъ приказуемъ, абы вы, подъ неотмѣнною державою его п. Якова Апостола зостаючи, належитое поданнимъ обикновеніемъ во всемъ ему, безъ жадной спреки, послушенство отдавалисте... повторе и подесяте грозно вамъ всѣмъ приказуемъ...»

Кромѣ маетности, Д. Апостолъ надѣлилъ племянника и урядомъ, поставилъ его полковымъ есауломъ. Но Яковъ Апостолъ не долго пожилъ: въ 1717 г. видимъ уже вдову его съ «осиротѣлою дитиною»—ходатайствующею предъ дядею умершаго мужа—объ оставленіи за нею Аврамовки въ прежнемъ послушаніи. Вопросъ о наслѣдованіи войсковыми маетностями былъ вопросъ очень трудный въ старой Малороссіи. Права наслѣдованія въ такихъ маетностяхъ собственно не было, такъ какъ онѣ давались войсковымъ чиновникамъ только въ личное владѣніе, за службу и на время службы. Но отсутствіе точнаго закона и разныя личныя отношенія властной стар-

шины къ семьямъ умиравшихъ державцевъ—давали возможность не только дѣтямъ умершихъ, но и ихъ вдовамъ удерживать за собою такія маетности... При такомъ положеніи дѣлъ вдовѣ Якова Апостола нетрудно было выпросить у близкаго родственника мужнину маетность для «осиротѣлой дитины», которая, будучи дочерью, даже и въ будущемъ не могла обѣщать какихъ либо «прислугъ войску запорожскому».—Распоряженіе полковника о передачѣ аврамовскихъ крестьянъ въ послушаніе вдовѣ умершаго ихъ державцы выражено слѣдующимъ «листомъ»: «Вамъ, пану сотниковѣ хорольскому, атаманови городовому зъ товариствомъ и войтови тамошнему зо всѣмъ посполствомъ, особливе однакъ атаманови села Аврамовки и войтови тамошнему зо всѣми жителями тамошними..., ознаймуемъ, ижъ будучи передъ нами овдовѣлая жена покойного братанича нашего пана Якова Апостола зъ дитиною, по нему небожчику позосталою, просила нашего себѣ призрѣнія, дабы мощно было ей слободне на тихъ всѣхъ угодьяхъ, которыми покойный мужъ ея владѣлъ, прожити и тымъ всѣмъ, що небожчикъ заживалъ, безъ жаднаго препятствія, користовати; прето мы тому прошенью ея панеи Яковоной давши мѣстце и респектуючи на услуги мужа ея, барзѣй тежъ на осиротѣлую дитину уважаючи, яко оную зъ позосталою дитиною подъ нашу беремо протекцію, такъ и вамъ всѣмъ старшинѣ, зо всѣми тоей сотнѣ жителями, о семъ обявляючи, пилно мѣти хочемъ и приказуемъ, абы тоей овдовѣлой милаго братанича нашего женѣ нѣхто зъ васъ жадного нѣ въ чомъ утиску и обиженя, а въ заживаню добръ, по небожчику позосталихъ, перепоны чинити не важился. Аврамовскіе тежъ жители, якъ за живота, предчасы, покойному пану Якову около работизнъ его господарскихъ, отдавали послугу, такъ и по смерти неотмѣнно женѣ его тоежъ послушенство во всемъ, безъ жадного сопротивленья, по прежнему, жебы отдавали пилно и грозно приказуемъ и неиначей мѣти хочемъ» (24 августа 1717 г.). Кромѣ того, на этомъ же листѣ сдѣлана слѣдующая интересная приписка, какъ видно, выпрошенная вдовою уже послѣ написанія документа,—«такъ же и тые люде городовые хорольскіе, якіе слухали покойного пана Якова, безъ всякого отмаганя и отговорокъ теперъ женѣ его належную послугу, въ чомъ потреба укажетъ, до волѣ нашои, конечне, жебы отдавали, грозно приказуемъ». Можно догадываться, что эти «хорольскіе городовые люди» были чѣмъ нибудь въ родѣ «куренчиковъ»,—(если бы шла рѣчь о подсосѣдкахъ, то было бы добавлено—«жіючихъ въ хатахъ небожчика»),—которые «слухали» Апостола потому только, что онъ

былъ однимъ изъ полковыхъ урядниковъ; тѣмъ не менѣе и этимъ людямъ «грозно приказывалось» — попрежнему «отдавать послугу» вдовѣ умершаго урядника... А потомъ эти «городовые люди», конечно, были записаны, въ ревизскіе книги, за наслѣдниками Якова Апостола и стали ихъ крестьянами, какъ и всѣ прочіе...

Въ 1731 г. дочь Якова Апостола, Марья, была уже женою сына Устина Сахненка, Василія, къ достаткамъ котораго присоединила имѣнія какъ своего отца, такъ и дѣда Лагоды. Мужъ Маріи Яковлевны писался въ актахъ Устименкомъ, а потомки его, соединивъ въ своемъ прозвищѣ Сахненковъ съ Устименками, стали писаться Сахно-Устимовичами, сохранивъ такую форму своего прозвища и по настоящее время.

А. Л.

Оффиціальные документы по дѣлу Виктора Садковскаго.

1) Письмо дѣйствительнаго статскаго совѣтника Барона Билера къ русскому посланнику при варшавскомъ королевскомъ дворѣ Булгакову изъ Бреста-Литовскаго отъ $^{12}/_{24}$ сентября 1792 года.

«Ваше Высокопревосходительство! Важнѣйшее извѣстіе, какое я могу вамъ, милостивый государь, имѣть честь доставить, есть полное удовлетвореніе, которое главная конфедерація двухъ народовъ опредѣлила переяславскому епископу, архимандриту слуцкому, который, какъ мнѣ сказывали, нашелъ убѣжище въ посольскомъ дворѣ вашего высокопревосходительства,—послѣ чего несправедливѣйшее гоненіе перестало ожесточаться противъ него.

Главная конфедерація двухъ народовъ прислала ко мнѣ при семъ приложенное съ надписью къ сему добродѣтельному прелату письмо, которое ваше высокопревосходительство сдѣлайте одолженіе доставьте ему. Оно содержитъ въ себѣ все то, что есть любезнѣйшаго для души несправедливо гонимой, т. е. объявленіе его невинности, произнесенное всѣмъ народомъ.

Что же касается до вступленія его въ епископскую должность, заглажденія претерпѣннаго имъ неправосудія и вознагражденія какихъ либо потерей въ его имѣніи и доходахъ, то конфедерованная респу-

блика старалась и будетъ стараться о всѣхъ сихъ розничныхъ предметахъ. Она предварительно поручила господамъ коронному и литовскому гетманамъ дать епископу пристойное количество стражей для препровожденія его въ прежнюю епархію. Онъ имѣетъ быть переведенъ туда на иждивеніи республики и получитъ обратно свою должность и имѣнія. Ежели тѣ, которые со времени его отрѣшенія управляли его имѣніемъ, не возвратятъ ему всего того, что слѣдуетъ ему по праву, то онъ можетъ прямо отнестись къ главной конфедераціи, которая сдѣлаетъ ему скорое правосудіе.

Господину кастеляну Оч(ж?)аровскому, который завтра отправится въ Варшаву, поручено отъ господъ гетмановъ дать провожатыхъ, коль скоро сіе будетъ потребовано. Повелѣніе къ скарбовой комиссіи будетъ также дано сегодня.

Наконецъ, я имѣю честь сообщить вашему высокопревосходительству копію съ записки, которую главная конфедерація мнѣ прислаладля увѣдомленія меня о удовлетвореніи сдѣланномъ переяславскому епископу».

2) Записка генеральныхъ маршаловъ конфедераціи двухъ народовъ дѣйствительному статскому совѣтнику барону Биллеру изъ Бреста-Литовскаго отъ 22 сентября 1792 года.

«Ниже подписавшіеся маршалы конфедераціи двухъ народовъ имѣютъ честь объявить его превосходительству барону Биллеру, что при первомъ открытіи ихъ главныхъ собраній, на коихъ можно было разсуждать о дѣлѣ господина епископа переяславского, конфедерація двухъ соединенныхъ народовъ, розбирая сіе дѣло по кардинальскимъ законамъ его отечества, совершенно нарушеннымъ взятіемъ подъ стражу помянутаго епископа безъ суда и доносу, равно какъ и наглою обидою, причиненною сему достойному прелату, прочтя въ то же время съ почтеніемъ воспоминаніе о семъ дѣлѣ въ объявленіи Ея Императорскаго Величества, почла долгомъ сдѣлать ему явное удовлетвореніе публичнымъ обнародованіемъ несправедливаго поступка и совершеннаго возстановленія его юридикціи и правъ на имѣнія, которыя состоятъ въ его владѣніи, при оказаніи ему явныхъ знаковъ почести. Почему мы просимъ господина барона, чтобы онъ благоволилъ взять на себя трудъ препроводить къ своему двору сіе опредѣленіе, увѣряя его въ то же время, что правосудіе и почтеніе къ

его августѣйшей Монархинѣ будетъ всегда словомъ нашего соединенія».

Подписали: «Станиславъ Феликсъ Потоцкій, маршалъ коронной конфедераціи.

Александръ князь Сапѣга, великій канцлеръ литовскій, маршалъ литовской конфедераціи».

3) Письмо отъ господъ маршаловъ генеральной конфедераціи къ Виктору, епископу переяславскому, изъ Бреста-Литовскаго отъ 22 сентября 1792 года.

«Превелебнѣйшій епископъ переяславскій, архимандритъ слуцкій! Правосудіе само собою призываетъ должность народной власти. Конфедерація двухъ народовъ, не ожидая отзыва съ вашей стороны, милостивый государь, и будучи увѣрена о несправедливомъ поступкѣ съ вами, равно какъ и въ безукоризненности вашихъ дѣяній, соглашается на ваше возвращеніе къ своей юридикціи и своимъ вольнымъ опредѣленіемъ постановляетъ, чтобъ вамъ немедленно были возвращены ваши права и имѣнія, утвержденныя на неоспоримыхъ основаніяхъ и чтобы ваши доходы, кѣмъ либо удержанные, были возвращены сполна. Имѣя удовольствіе васъ, милостивый государь, увѣдомить о семъ рѣшеніи, сходственномъ съ основаніями законовъ и свободы нашего народа, равно какъ и съ самою справедливостію, мы объявляемъ вамъ, что поелику вы находите насъ расположенными возстановить вашу честь, то равномѣрно увидите насъ готовыми доставить вамъ скорое правосудіе касательно потерей, причиненныхъ вашему имѣнію, по первой просьбѣ, которую вы намъ учините и по увѣдомленію виновныхъ, сіе учинившихъ. Учинено въ Брестѣ-Литовскомъ 22 сентября 1792 года».

Подписали: Станиславъ Феликсъ Потоцкій, генералъ артиллеріи, коронный маршалъ коронной конфедераціи.

Александръ князь Сапѣга, великій канцлеръ и маршалъ конфедераціи великаго княжества литовскаго.

4) Резолюція, возвращающая преосвященному Садковскому, епископу переяславскому, архимандриту слуцкому, юридикцію его и вотчины.

«Генеральная конфедерація вольныхъ соединенныхъ обоихъ народовъ.

Поелику декларація Ея Величества Императрицы отъ 18 мая 1792 года съ трогательнымъ сочувствіемъ упоминаетъ о содержаніи

подъ арестомъ преосвященнаго Садковскаго, епископа переяславскаго, слуцкаго архимандрита, то, по принятіи сего дѣла въ наше разсмотрѣніе, высоко почитая всякій отзывъ великой Монархини къ нашей націи и оказанное Ея Величествомъ въ сіе найпаче время благотворительное вспомоществованіе для возстановленія національной свободы, мы возвращаемъ упомянутому преосвященному Садковскому, уже освобожденному, его юридикцію и всѣ вотчины, которыми онъ владѣлъ въ областяхъ республики, предоставляя ему право поискивать доходовъ своихъ, кѣмъ бы то ни было по сіе время задержанныхъ, законнымъ порядкомъ въ подлежащихъ судахъ. Для возвращенія же его въ свои вотчины поручаемъ гетманамъ обоихъ народовъ дать конвой, какого требуетъ личная безопасность его особы. Дана на засѣданіи въ Брестѣ-Литовскомъ 15 сентября 1792 года».

Подписали: Станиславъ Феликсъ Потоцкій, генералъ артиллеріи, маршалъ коронной конфедераціи.

Александръ князь Сапѣга, великій канцлеръ и маршалъ конфедераціи великаго княжества литовскаго.

Бенедиктъ Гулевичъ, писарь земскій коронной конфедераціи.

27 сентября 1792 г. сія резолюція подана и записана въ акты сконфедерованной земли Варшавской, въ чемъ свидѣтельствую. Регентъ земскій варшавскій Викторинъ Германъ.

Копіи прописанныхъ актовъ русскій посланникъ Булгаковъ сообщилъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, а преосвященный Викторъ при своемъ рапортѣ отъ 11 октября 1792 года въ Святѣйшій Синодъ.

5) На основаніи синодальнаго указа, послѣдовавшаго отъ 10 декабря того же года на имя кіевскаго митрополита Самуила, преосвященный Викторъ вступилъ въ управленіе своею епархіею. Но предъ возвращеніемъ въ свою слуцкую резиденцію, онъ счелъ нужнымъ послать къ паствѣ своей слѣдующую грамоту, въ которой кратко описывается его тюремное заключеніе:

«Божіею милостію смиренный Викторъ Садковскій, православный епископъ переяславскій и бориспольскій, коадъюторъ митрополіи кіевскія и слуцкого Свято-Троицкаго благочестиваго монастыря архимандритъ.

Мы, пастырь, всечестнымъ отцамъ архимандриту, игуменамъ съ братіею, честнымъ отцамъ протоіереямъ съ присутствующими въ духовныхъ правленіяхъ, и всѣмъ восточныя греко-неунитскія церкве паствы нашея духовнымъ и мірскимъ возлюбленнымъ намъ о Христѣ

чадомъ благодати Господа нашего Іисуса Христа, любве Бога и Отца и причастія Святаго Духа пастырски желая, предлагаемъ.

По неиспытаннымъ Божіимъ судьбамъ, по коимъ Онъ, играя на кругѣ земномъ и утѣху свою имѣя съ сынами человѣческими, иногда допущаетъ сатанѣ и избраннѣйшихъ своихъ рабовъ сѣяти, аки пшеницу, взнесени были предъ симъ въ здѣшнемъ государствѣ на насъ вовсе напрасная (какъ нынѣ уже и цѣлому свѣту извѣстно) клевета о нѣякомсь, имѣвшемъ якобы произойти отъ насъ, а по наущенію нашему и отъ единовѣрныхъ паствы нашея духовныхъ и мірскихъ грековосточныхъ неунитскихъ исповѣдниковъ противу своего отечества бунтѣ, къ чему де и нѣякіясь орудія будто въ заготовленіи и въ сохраненіи были. Что о такомъ всѣмъ государственнымъ и Божіимъ законамъ противномъ злѣ и сущему отечества врагу свойственномъ предпріятіи мы никогда ниже помышляли, въ томъ домашній нашъ судія, совѣсть епископская не имѣетъ зазрѣнія во всякое время сослаться не только на Испытующаго сердца и утробы Всевышняго, но и на всѣхъ васъ, безъ изъятія съ тѣмъ истиннѣйшимъ доказательствомъ, что отъ насъ, гдѣ только въ Украинѣ и въ Литвѣ довелось паствы нашея мѣста посѣщать, вездѣ какъ духовнымъ, такъ и мірскимъ людямъ внѣдряемы были довольно убѣдительныя наставленія, межъ прочаго, хранить святѣйшую къ своему отечеству вѣрность съ должнымъ властямъ и помѣщикамъ своимъ повиновеніемъ, яко отъ сего все ваше благоденствіе непосредственно зависитъ.

А по сему сколь помянутая клевета не умножалась, даже съ разсѣяніемъ уже страшныхъ и сильно намъ съ размѣрными такому злу слѣдствіями грозившихъ вѣстей, не могла однакъ духа нашего, всегда непорочностію ободряемаго, и малѣйше поколебать. Почему, бывъ въ состояніи отъ грядущаго зла себя бѣгствомъ спасати, въ оное не вдались; но напротиву того, во всей толикой молвы время небоязненно отправляли мы, по долгу нашему, публичныя въ резиденціи нашей, въ городѣ Слуцкѣ, церковныя богослуженія. По сему какъ тогожъ города, такъ и окрестныхъ его мѣстъ съ разнаго чина, достоинства и религіи обивателями обращались мы не устами только говоря: *благо же благо же*, а сердцемъ: *пожрохомъ его*, но дружески и чистосердечно. Почему на остатокъ и что за высочайше жалованнымъ намъ отъ его королевскаго величества, всемилостивѣйшаго нашего Государя, привиллегіемъ и по учиненной нами на вѣрное подданство, какъ его королевскому величеству, такъ и высокимъ Рѣчи Посполитой станомъ торжественной въ городѣ Тульчинѣ присягѣ,

паства намъ здѣсь вручена, силою чего, по примѣру каждаго вѣрноподданнаго обивателя, выходить или выѣзжать, куда пожелаемъ, свободу мы имѣли, всѣ тѣ яко пустыя разглашенія отражая, отлучились было мы изъ города Слуцка въ мѣстечко Грозовъ, за три мили отъ онаго отстоящее, въ тамошній нашей слуцкой Троицкой архимандріи приписный монастырь въ несовершенномъ нашемъ здравіи на краткое время для отдохновенія.

Но на другой того день т. е. 1789 года апрѣля 18 числа, при возвращеніи нашемъ паки въ Слуцкъ, схвачены мы съ бывшими при насъ военною вооруженною командою на пути, и первѣе посажены въ Несвѣжскомъ замкѣ, потомъ отвезены въ Варшаву, наконецъ изъ Варшавы въ Ченстоховскую крѣпость; вездѣ содержаны мы были подъ крѣпчайшею стражею: въ Несвѣжѣ двѣ недѣли, въ Варшавѣ три лѣта и мѣсяцъ, а въ Ченстоховѣ пять недѣль.

Но по благости тогожъ Всевышняго Провидца, вѣдущаго неповинныя и, искусивъ ихъ, могущаго и избавляти отъ напасти, настоящаго года іюля 19 числа изъ того угнѣтавшаго и удручавшаго насъ аресту ставши уволены, отъ пресвѣтлой конфедераціи генеральной обоихъ народовъ сентября 14 числа получили мы резолюцію и листъ съ признаніемъ нашей невинности, касательно выше выраженной клеветы, и съ возвращеніемъ насъ къ нашимъ имѣніямъ и юрисдикціи.

На какомъ основаніи мы, вступивъ въ отправленіе нашихъ епархіальныхъ дѣлъ и положивъ за Божіею помощію намѣреніе вскорѣ выѣхать изъ Варшавы въ городъ Слуцкъ къ прежней нашей резиденціи, о томъ всѣмъ паствы нашея возлюбленнымъ о Христѣ сынамъ извѣщаемъ, пастырски повелѣвая монастырскимъ настоятелямъ въ монастыряхъ, а протоіереямъ и всѣмъ вѣдомства ихъ священникамъ въ приходскихъ церквахъ, по божественной въ воскресные или праздничные дни литургіи, чтеніемъ сіе обнародовать. Чего ради и копіи резолюціи и листа пресвѣтлой конфедераціи генеральной съ переводомъ на россійскій языкъ у сего прилагаются. Дано въ Варшавѣ 1792 года ноября 30 дня за подписомъ нашимъ и при печати нашей».

(М. П.)

Смиренный Викторъ, епископъ переяславскій и бориспольскій, коадъюторъ кіевской митрополіи, архимандритъ слуцкаго благочестиваго Свято-Троицкаго монастыря».

Копія грамоты сей 2 генваря 1793 года препровождена кіевскому митрополиту Самуилу изъ г. Слуцка намѣстникомъ тамошняго

Троицкаго монастыря игуменомъ Кипріаномъ, а копіи прочихъ вышеприписанныхъ документовъ препровождены тому же митрополиту при письмѣ преосвященнаго Виктора отъ 6 октября 792 года изъ Варшавы и при указѣ Святѣйшаго Синода отъ 10 декабря того же года за № 1680. Копіи эти хранятся въ архивѣ кіевской духовной консисторіи между дѣлами за 1792 годъ.

Протоіерей **П. Орловскій.**

Контроль Губ. Канц. надъ расходами кіевскаго магистрата по исправленію нѣкоторыхъ „городскихъ надобностей“. Высоч. указомъ 15 іюля 1759 г. въ г. Кіевѣ отмѣнены были денежные сборы, производимые магистратомъ, съ привозныхъ съѣстныхъ припасовъ, сборы за вѣсы, мѣры, бойни, за мѣста и за мосты, каковые сборы, по сложности послѣднихъ трехъ лѣтъ, составляли 559 р. 66 к. Въ замѣнъ этихъ отрѣшенныхъ сборовъ, указомъ Пр. Сената отъ 17-го февр. 1756 г. опредѣлено было отпустить изъ Кіев. Губ. Канц. ежегодно кіевскому магистрату изъ таможенныхъ сборовъ по 479 р. 66 к. [1]). на строеніе палисадника, содержаніе на Подолѣ мостовыхъ улицъ, карауленъ и пр. Для контроля производимыхъ изъ этой суммы расходовъ выдавалась изъ К. Губ. Канц. магистрату особая книга, а для фактической повѣрки и свидѣтельствованія разнаго рода «строеній и исправленій» командировался ежегодно особый офицеръ, который

---

[1]) . . . . . кіев. магистрату изъ числа собираемыхъ въ тотъ магистратъ издревле, по жалованнымъ грамотамъ, съ привозныхъ хлѣбныхъ и съѣстныхъ припасовъ, за вѣсы, мѣры, за бойни, за мѣста и мосты, магистратскимъ коштомъ строенные, по сложности трехъ лѣтъ изъ 559 р. 66 к., за выключеніемъ 80 р., что оной магистратъ повсягодно платитъ въ К. Софійскій каѳедральный монастырь, достальныя деньги 479 р. 66 к. (которыми, какъ оной магистратъ представляетъ, строитъ нижній г. Кіевъ наз. Подолъ, т. е. палисадникъ, караульни и мосты, содержитъ почту, ставитъ подводы и другіе расходы чинитъ) на вышеписанное содержаніе надлежитъ отпускать изъ новоучрежденныхъ таможенъ изъ внутреннихъ 13-ти коп. пошлинъ съ того времени, какъ оной магистратъ, по силѣ состоявшагося имен. о уничтоженіи въ Малой Россіи индукты и эвенты іюля 15 д. 1754 г. указу, тѣ въ Кіевѣ сборы сбирать оставилъ . . . . А чтобъ тѣ деньги держалъ точно на то содержаніе, въ томъ смотрѣніе имѣть Кіев. Губ. Канц., которой для записки повсягодно тѣхъ денегъ давать прих. и расх. книги, а по прошествіи года по тѣмъ книгамъ оныя деньги свидѣтельствовать“.

Упоминаемые здѣсь 80 р., прежде отпускавшіеся магистратомъ въ Софійскій м—рь, теперь выдавались этому м—рю изъ Кіев. Губ. Канц.

и представлялъ обстоятельный рапортъ объ этомъ свидѣтельствованіи въ Губ. Канц.

Кажется, что этотъ контроль надъ расходованіемъ вышеупомянутой суммы и былъ первымъ формально узаконеннымъ вмѣшательствомъ губернской администраціи въ «экономію» города, въ магистратское хозяйничанье.

Съ 1766 года отпускалось уже магистрату изъ тѣхъ же таможенныхъ сборовъ по 1209 р. 12 к. [1]), для полученія которыхъ за весь годъ и отправлялся изъ магистрата въ Губ. Канц. кто либо изъ довѣренныхъ урядниковъ.

Въ рукахъ у меня находились расходныя книги на 1780-й годъ и рапорты объ освидѣтельствованіи произведенныхъ на Подолѣ магистратомъ строеній и исправленій за 1762, 1780 и 81-й годы.

Въ 1762 году свидѣтельство палисада, карауленъ, мостовъ и пр. производилъ инженеръ капитанъ Бибиковъ, рапортъ котораго знакомитъ въ извѣстной мѣрѣ съ тогдашнимъ состояніемъ городскихъ улицъ, городскаго палисада, карауленъ и рогатокъ. Изъ него видно, что главная Подольская улица начинавшаяся отъ «Крещатскихъ воротъ», далеко не вся была вымощена, «отъ рынку мимо Братскаго м—ря влѣво къ Воскресенскимъ воротамъ и отъ рынку-жъ мимо Петропавловскаго м—ря къ Ерданской рогаткѣ мосты ветхи, съ Воскресенской улицы къ Днѣпру по набережной Николаевской ул. мостъ починки требуетъ, а по прочимъ улицамъ, кромѣ вышеписанныхъ, ни по которой мостовъ не имѣется». Палисадъ оказался во многихъ мѣстахъ ветхимъ, гнилымъ, изъ четырехъ карауленъ только одна была въ совершенной исправности. Изъ вѣдомости, представленной въ маѣ м-цѣ 1781 г. секундъ-маіоромъ Андреемъ *Токаревымъ*, объ осмотрѣ

---

[1]) Видно это изъ имѣвшагося у меня предложенія ген. губ. Воейкова отъ 30-го іюля 1769 г.: „... К. Губ. Канц. имѣетъ приказать подлежащіе, въ силу присланнаго ко мнѣ изъ Пр. Сената 766 г. іюля отъ 31-го д. указа, вмѣсто отрѣшенныхъ по указамъ 754 и 755 годовъ, собираемыхъ кіев. магистратомъ на разные городовые нужные издержки, тожъ и на строеніе повелѣннаго для гражданъ запаснаго магазейна, на нынѣшній 769 годъ денегъ 1209 р. 12 к. во оный магистратъ изъ имѣющейся въ К. Губ. Канц. таможеннаго сбору суммы, какъ по тому указу повелѣно, отпустить и отдать тѣ деньги присланному для пріема оныхъ того жъ маг-та лавнику Ивану Дмитровичу, записавъ въ расходъ, съ роспискою". На тотъ же указъ 31-го іюля 1766 г., какъ видно, обыкновенно ссылался магистратъ, командируя для пріема денегъ своихъ уполномоченныхъ (такой рапортъ у меня имѣлся 1781 года, когда за пріемомъ денегъ и зашнурныхъ книгъ командировалъ б. лавникъ Иванъ Косачинскій)".

нмъ улицъ, карауленъ и палисадниковъ «съ показаніемъ, что противу прошлаго 780 г. вѣдомости починкою исправлено и что нынѣ исправить слѣдуетъ», видно, что въ этомъ году «главныхъ мостовыхъ улицъ» на Подолѣ было семь:

1) Рождественская отъ Крещатской рогатки шла чрезъ весь городъ мимо Покровской церкви, чрезъ извощицкую площадь мимо Братскаго монастыря до Воскресенской башни, откуда продолженіемъ ея была Введенская ул.

2) Отъ Рождественской церкви шла улица мимо епископскаго Переяславскаго подворья.

3) Набережная Никольская до р. Днѣпра.

4) Борисо-глѣбская отъ житняго ряду до торговыхъ бань.

5) Спасская отъ гостиннаго двора до Днѣпра.

6) «Идущая поузъ академическія школы до бровара монастыря Братскаго».

7) Духовская отъ старыхъ бурсъ до Днѣпра.

Карауленъ по вѣдомости показано четыре:

1) Рожественская, 2) Воскресенская, 3) Кожемяцкая, 4) Ерданская.

Всѣ эти улицы показаны въ вѣдомости въ общемъ исправными. О дорогѣ на старый городъ сказано такъ: «дорога отъ Доброго Николая къ Андрею Первозванному, что въ старой Кіевъ, въ прошломъ 780 годѣ между горъ распространена, фошинникомъ утверждена, пескомъ усыпана, имѣющіеся ключи заглушены, но нынѣ, хотя то починкою было исправлено, къ лутчему жъ утвержденію отъ показанного магистрата промоины и выбоины мѣстами фошинникомъ наслать, землю поровнявъ и сверху пескомъ усыпать, да въ нѣкоторыхъ мѣстахъ для распространенія дороги наплывающую землю отъ горъ очистить, да и ключъ въ одномъ мѣстѣ заглушить».

Изъ одной справки Губ. Канц. видно, что такое освидѣтельствованіе на Подолѣ производили: въ 1767, 68 и 69 годахъ подполк. Андрей *Панинъ*, въ 1770 и 71-мъ секундъ маіоръ *Осиповъ*, въ 1772-мъ сек. маіоръ Михайло *Степановъ*, въ 1773 г. неизвѣстно, въ 1774 порутчикъ *Новогородцовъ*, въ 1775 не свидѣтельствованы, въ 1776 г. пор. Новогородцовъ, въ 1777 сек. маіоръ *Суровцовъ*, въ 1778 и 79-мъ сек. маіоръ Епанчинъ, въ 1780-мъ инженеръ порутчикъ *Крутовъ*.

А. А.

Пререканіе кіевской городской думы съ администраціей по поводу одной изъ статей городскихъ доходовъ въ 1785—87 г.

Кіевская градская дума въ первый же годъ своего существованія по новому городовому положенію вошла въ пререканіе съ администраціей по весьма важному вопросу о томъ: куда должны поступать собираемые въ пользу города на Васильковской таможнѣ доходы,—въ градскую ли думу или въ приказъ общественнаго призрѣнія? Дѣло это возникло въ 1785 г., но и черезъ два года оно нисколько не подвинулось въ своемъ рѣшеніи. Сущность же его, какъ можно судить по одному сохранившемуся документу, состояла въ слѣдующемъ.

Въ сентябрѣ м-цѣ 1785 г. кіевскій губернаторъ Ширковъ предложилъ магистрату, уже доживавшему свои послѣдніе дни и тогда же преобразованному по новому городовому положенію въ градскую думу,—построить вновь на указанныхъ имъ мѣстахъ колодцы, а старые надлежащимъ образомъ исправить. При этомъ самъ же губернаторъ указалъ на источникъ, изъ котораго могутъ быть почерпнуты средства для этихъ расходовъ, предписавъ обратиться въ казенную палату и истребовать отъ нея «потребное число изъ суммы, на таможняхъ въ пользу городовъ собираемой». Согласно съ этимъ предложеніемъ, дума 4-го ноября того же 1785 г. просила казенную палату сообщить ей «о количествѣ собранныхъ, за силу Е. И. В. 1782 г. въ 22 д. сентября состоявшагося указа, въ Васильковской таможнѣ въ пользу сего города денегъ» и доставить ихъ въ думу. Казенная палата отвѣчала, что де «какъ собираемыя въ Васильковской таможнѣ въ пользу городовъ пошлинныя и другія деньги поступаютъ приходомъ въ здѣшній приказъ общественнаго призрѣнія, и каз. палата до оныхъ никакова касательства не имѣетъ, то и отнеслась бы дума къ Е. П. г. губернатору». Когда же дума обратилась къ губернатору съ просьбой сдѣлать распоряженіе о причисленіи названныхъ денегъ къ городскимъ доходамъ, тогда губернаторъ въ мартѣ 1786 г., сославшись на 5 и 6 п. упомянутаго выше указа отъ 22 го сентября 1782 г. и на 146 ст. город. положенія [1]), увѣдомилъ думу, что деньги эти «въ вѣдомство думы не слѣдуютъ», такъ какъ де онѣ, поступая въ приказъ общ. пр., «употребляются на распространеніе въ семъ городѣ полезного и отдаются остатки въ проценты». Губернаторъ

[1]) Хотя по этой 146 ст., писалъ губернаторъ, и повелѣно: „въ которомъ городѣ есть портовая или пограничная таможня, тамъ, по указу отъ 22 сент. 782 г. опредѣляются городу въ доходъ собираемыя съ привозныхъ товаровъ съ каждаго

очевидно, отрицалъ право городской думы распоряжаться этими деньгами, полагая, что право это принадлежитъ приказу общ. пр. Городская дума, вновь обсудивъ этотъ вопросъ въ общемъ собраніи и признавъ, что именно указанныя губернаторомъ статьи ясно предоставляютъ упоминаемыя деньги въ доходъ *города*, «дабы непричисленіе ихъ къ градскимъ доходамъ не имѣло быть признано нерадѣніемъ градской думы и упущеніемъ ея должности», просила губернатора представить этотъ вопросъ на разрѣшеніе намѣстнику гр. Румянцову или же разрѣшить ей самой обратиться къ нему по этому дѣлу. Губернаторъ долго ничего на это не отвѣчалъ. Между тѣмъ въ апрѣлѣ м-цѣ 1787 г., согласно послѣдовавшему высоч. рескрипту объ учрежденіи оспопрививательнаго института, городская дума должна была, по указанію губернатора, пріобрѣсть для этой цѣли домъ вице-губернатора Александра Федоровича Башилова, и репортомъ отъ 5-го августа представила губернатору, опять сославшись на 4 и 6 п. им. указа 22 сентября 1782 г., что за этотъ домъ «слѣдуетъ уплатить съ тѣхъ въ пользу города въ таможнѣ собираемыхъ денегъ» и при этомъ, «усугубляя прежнюю свою просьбу», просила губернатора предписать, кому слѣдуетъ, «какъ собранные до сего, въ силу вышеписанныхъ всевысоч. узаконеній, въ Васильковской таможнѣ деньги къ причисленію къ городскимъ доходамъ въ сію думу доставить, такъ и впредь, сколько оныхъ собраться можетъ, доставляемо было бъ».

Губернаторъ, указывая главнымъ образомъ на то, что собираемыя въ пользу городовъ на таможняхъ сборы имѣютъ опредѣленное назначеніе, на содержаніе такихъ учрежденій въ городѣ, которыми завѣдываетъ приказъ общ. пр., заявлялъ, что эти сборы «въ число вступаемыхъ собственно городскихъ доходовъ отданы быть не могутъ, но принадлежать приказу общ. пр.», а потому «и не имѣла дума резона полагать на заплату г. ст. сов. Башилову за домъ изъ собираемыхъ въ таможнѣ доходовъ», сославшись затѣмъ на высоч. повелѣніе объ устройствѣ больницы для заразительныхъ болѣзней на счетъ «здѣшнихъ городскихъ доходовъ», губернаторъ говоритъ, что доходы эти «нынѣ за упраздненіемъ монастырскихъ шинковъ и присвоеніемъ

пошлиннаго рубля по двѣ копѣйки, а съ отвозныхъ по копѣйкѣ", но такъ какъ де эти доходы собираются въ пограничной таможнѣ не въ городѣ, а внѣ его, въ Васильковѣ, то потому они и не должны поступать въ город. думу. Но въ 6 п., какъ писала и дума, ясно сказано, что гдѣ таможни находятся не въ городахъ, но внѣ ихъ, тамъ этотъ доходъ поступаетъ въ пользу губернскаго города той губерніи.

въ пользу города всей вообще винной продажи, по всѣмъ его частямъ, знатно умножиться должны и ко многому полезному для здѣшняго общества пособствовать могутъ, такъ и на заведеніе прививанія оспы слѣдуетъ нужныя деньги заимствовать изъ городскихъ же доходовъ».

Только послѣ этого отвѣта губернатора, городская дума обратилась 11-го сентября 1787 г. съ репортомъ къ гр. Румянцову, мотивируя это обращеніе тѣмъ же опасеніемъ, «дабы недоставленіе до сего означенныхъ денегъ въ вѣдѣніе городской думѣ не могло причтено быть ея нерадѣнію или пропущенію должности, закономъ ей предписанной».

Репортъ этотъ подписали градской глава Евфимъ Митюкъ и гласные: Григорій Радзицкій, Александръ Лебединскій, Матвѣй Мединцовъ и Василій Стефановичъ.

А. А.

Къ исторіи Кубанскаго войска. 30 іюня 1892 года исполнилось 100 лѣтъ съ того времени, когда Екатерина II пожаловала черноморскимъ казакамъ войсковыя земли на правой сторонѣ р. Кубани.

Въ грамотѣ отъ 1 іюля 1792 г. между прочимъ было сказано, что таврическому губернатору поручено: «истребовать для причисленія къ войску тѣхъ старшинъ и казаковъ, которые дѣйствительно прежде служили въ военномъ званіи и въ Запорожьѣ и, по разрушеніи Сѣчи, поселясь въ разныхъ мѣстахъ, удерживаются противъ ихъ воли».

Въ концѣ грамоты выражена увѣренность въ томъ, что войско «употребитъ усильнѣйшее стараніе о скорѣйшемъ переселеніи своемъ на эту землю изъ области между Днѣстромъ и Бугомъ», которая въ 1787 г. была назначена для переселенія запорожцамъ.

Въ своихъ запискахъ А. Туренко говоритъ, что 3 іюля 1787 г. Екатерина II, проѣзжая въ Тавриду, позволила старшинамъ запорожскаго войска: Сидору Бѣлому, Антону Головатому и другимъ поселить казаковъ между рѣками Днѣстромъ и Бугомъ. Полагаемъ, однако, что столѣтіе черноморскаго или кубанскаго войска слѣдуетъ считать съ 30 іюня 1792 года, когда была дана грамота на занятіе земли по р. Кубани, какъ сказано въ исторіи войска [1]). Замѣтимъ, что войсковой атаманъ, генералъ-маіоръ З. Чепѣга и полковой судья А. Го-

---

[1]) См. „Черноморскіе казаки". С. П. 1858 г. стр. 185.

ловатый, такъ много потрудившіеся для войска, скончались въ январѣ 1797 г., какъ поясняетъ Туренко [1]).

Въ этой замѣткѣ мы пользуемся перепиской екатеринославскаго намѣстническаго правленія съ алексопольскимъ [2]) городничимъ, княземъ Манвеловымъ: «о высылкѣ служащихъ въ черноморскомъ войскѣ старшинъ и казаковъ, начатой въ 1790 году. Правитель намѣстничества сообщилъ, что атаманъ черноморскихъ казаковъ, бригадиръ З. Чепѣга, проситъ выслать въ войско старшинъ и казаковъ, отпущенныхъ въ домовые отпуски въ екатеринославскую губернію. По этому правленіе предписало, 26 февраля 1790 г., исправникамъ и городничимъ выслать этихъ казаковъ въ мартѣ мѣсяцѣ съ тѣмъ, чтобы имъ не дѣлать при этомъ никакихъ обидъ и притѣсненій, и донести о томъ правленію, подъ опасеніемъ штрафа за неисполненіе. При указѣ не былъ приложенъ списокъ старшинъ и казаковъ.

Спустя два дня, правленіе сообщило алексопольской управѣ благочинія, что князь Г. А. Потемкинъ-Таврическій прислалъ правителю намѣстничества, при ордерѣ отъ 13 февраля 1790 г., копію Высочайшаго повелѣнія о наименованіи его «великимъ гетманомъ» казачьихъ войскъ и приложило копію этого повелѣнія для свѣдѣнія. Несомнѣнно, что князь Г. А. Потемкинъ очень интересовался титуломъ гетмана. Это видно изъ того, что онъ старался обнародовать этотъ указъ. На это также указываетъ письмо повѣреннаго князя, М. Гарновскаго, отъ 21 марта 1790 г. къ В. С. Попову [3]), управлявшему канцеляріей Потемкина. Извѣстно, что въ то время пользовался расположеніемъ Екатерины II графъ П. А. Зубовъ, о которомъ Гарновскій долженъ былъ извѣщать Попова.

Далѣе правленіе сообщило 2 іюля 1790 г., алексопольскому городничему, что бригадиръ З. Чепѣга требуетъ: «выслать къ нему полкового старшину, арміи поручика Заноревскаго, предварительно отобравъ на мѣстѣ отъ него всѣ письменныя наставленія и другія бумаги, какія у него явятся; ему же, Заноревскому, объявить, чтобы онъ слѣдовалъ въ копъ, а въ случаѣ сопротивленія отправить туда подъ присмотромъ».

Вѣроятно, атаманъ Чепѣга узналъ о томъ, что командированный имъ въ екатеринославское намѣстничество для вызова запорож-

---

[1]) См. „Ист. зап. о войскѣ черном." А. Туренка. Кіевск. Стар. 1887 г.

[2]) Алексополемъ названо было тогда м. Нехворощь полтавск. губерніи.

[3]) См. „Русскую Старину" 1876 г. „Записки Гарновскаго".

цевъ на службу, старшина Заноревскій записываетъ въ козаки не принадлежащихъ къ нимъ людей и «другія тому подобныя несправедливости дѣлаетъ, а тѣмъ наводитъ черноморскому обществу и ему, Чепѣгѣ, порокъ и нареканіе», какъ сказано въ сообщеніи. Очевидно, Заноревскій слишкомъ увлекся и потому вызвалъ неудовольствіе своего начальника. На это городничій, кн. Манвеловъ, донесъ, 21 іюля 1790 г., что въ г. Александрѣ поручика Заноревскаго «не сыскалось». 28 іюля того же года правленіе сообщило александрійской управѣ благочинія, что князь Потемкинъ прислалъ рапортъ атамана Чепѣги, въ которомъ послѣдній донесъ ему, что «возвратившіеся изъ домовыхъ отпусковъ старшины и козаки жалуются на отягощенія и разоренія въ селеніяхъ, семействамъ ихъ чинимыя». Вслѣдствіе этого князь Потемкинъ предписалъ исключить семейства козаковъ, служащихъ въ черноморскомъ войскѣ, изъ подушнаго оклада и позволить имъ переселиться на землю, назначенную имъ между Днѣстромъ и Бугомъ. Тогда же намѣстническое правленіе разослало указы въ суды и управы благочинія «о непремѣнномъ онаго Его Свѣтлости повелѣнія исполненіи» и предписало доставить ему именныя вѣдомости обо всѣхъ поступившихъ въ черноморскіе козаки людяхъ и ихъ семействахъ. Потомъ казенная палата, 7 сентября 1790 г., послала въ александрійскую управу благочинія подтвержденіе о доставленіи вѣдомости жителей г. Александріи, поступившихъ въ черноморскіе казаки. Затѣмъ правленіе, 30 сентября 1792 г., прислало въ александрійскій уѣздный судъ двѣ копіи грамотъ,—данныхъ черноморскому войску 30 іюня и 1 іюля, и поручило копіи съ нихъ разослать въ присутственныя мѣста. Изъ этого распоряженія видно, что грамоты были присланы правителю намѣстничества при именномъ указѣ 15 іюля 1792 г., и что войсковое начальство увѣдомило его, что козаки, живущіе на земляхъ между Бугомъ и Днѣстромъ, будутъ въ томъ же году переселяться на Фанагорійскій островъ. Поэтому правитель предписалъ исправнику херсонскаго уѣзда принимать слѣдовавшія туда команды того войска на Бугѣ, въ Соколахъ, и проводить ихъ въ Берславъ до границы таврической области. 7 іюня 1794 г., исправникъ Андрей Шошинъ сообщилъ въ александрійскую управу благочинія, что намѣстническое правленіе поручило ему изслѣдовать о черноморскомъ козакѣ Никитѣ Остроухѣ и его отцѣ, Иванѣ, «кто изъ нихъ съ бывшихъ запорожцевъ и изъ не бывшихъ въ ономъ, съ какого званія въ черноморцы поступили». Никита Остроухъ предъ-

явилъ Шошину свидѣтельство отъ жителей г. Алексополя [1]) Ѳедора Перескока, Василія Кудры и другихъ о томъ, что отецъ его Иванъ служилъ въ звонковскомъ куренѣ запорожскаго войска двадцать лѣтъ. Но исправникъ потребовалъ, чтобы управа выслала восемь свидѣтелей на 11 іюня къ нему, въ с. Плавещину, для снятія съ нихъ показаній подъ присягою. На это уже городническое правленіе отвѣтило исправнику, что отправляетъ четырехъ свидѣтелей: Ѳедора Лымаря и другихъ; старшина Данильченко и Перескокъ находились въ отлучкѣ, а Василія Кудру и Савву Ярошенка «по крайней ихъ старости и дряхлости выслать никакъ не можно». Поэтому правленіе увѣдомляетъ, что остальныхъ свидѣтелей, если показаній первыхъ будетъ недостаточно, можно допросить на мѣстѣ. Переписка окончилась указомъ намѣстническаго правленія отъ 23 августа того же года, посланнымъ исправляющему должность городничаго, уѣздному судьѣ, секундъ-маіору Миркалову о томъ, что начальникъ черноморскаго учебнаго флота, вице-адмиралъ І. М. де-Рибасъ, требуетъ собрать «черноморскаго войска козаковъ, кои остались здѣсь отъ переселенія войска на Тамань, для употребленія на лодки при ввѣренномъ ему флотѣ». Вслѣдствіе распоряженія генералъ-аншефа графа А. В. Суворова-Рымникскаго, де-Рибасъ отправилъ для этого полкового эсаула Черненка, а потому правленіе предписало исправникамъ и городничему оказывать ему помощь, но при этомъ поручило наблюдать «дабы не служившіе первое на дѣйствительной службѣ въ бывшемъ запорожскомъ, а потомъ и черноморскомъ, имъ Черненкомъ отнюдь взяты не были и тѣмъ бы не послѣдовало между казенными поселянами и помѣщичьими подданными поводу къ побѣгу». Правленіе предписало также исправнику, по прибытіи эсаула Черненка, потребовать отъ него именной списокъ о принадлежащихъ къ гребной флотиліи козакахъ и, по удостовѣреніи въ томъ, отпустить этихъ козаковъ, давъ имъ на проходъ билеты. Затѣмъ о тѣхъ, которые окажутся не служившими въ запорожскомъ войскѣ, не отдавая ихъ, донести правленію съ объясненіемъ: кто свидѣтельствуетъ о нихъ изъ мѣстныхъ жителей. Въ этомъ случаѣ правленіе боялось, чтобы Черненко не повторилъ того, что допустилъ Заноревскій.

Сообщаемыя свѣдѣнія безъ сомнѣнія доказываютъ, что полководцами Екатерины II запорожцы признавались вполнѣ способными

[1]) Алексополемъ въ 1794 г. называлось м. Царичанка кобыляжскаго уѣзда, полтавской губерніи.

для сухопутной и морской войны. Поэтому нельзя согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ писателей, которые выставляютъ запорожское войско, не пригоднымъ для военныхъ дѣйствій.

Прилагаемъ копію указа намѣстническаго правленія. Указъ Е. И. В. С. В. Изъ екатеринославскаго намѣстническаго правленія алексопольской управѣ благочинія.

По указу Е. И. В. екатеринославское намѣстническое правленіе, по сообщенію господина дѣйствительнаго статскаго совѣтника правителя екатеринославскаго намѣстничества и кавалера, въ коемъ написано, что его свѣтлость высокопоклонный господинъ генералъ-фельдмаршалъ екатеринославскій, таврическій и херсонскій генералъ-губернаторъ и разныхъ орденовъ кавалеръ, князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій въ ордерѣ къ нему, послѣдовавшемъ отъ 13 числа сего февраля подъ № 717, далъ знать, что Е. И. В. благоугодно было всемилостивѣйше повелѣть его свѣтлости именоваться великимъ гетманомъ Императорскихъ козацкихъ екатеринославскихъ и черноморскихъ войскъ,—препроводить изволилъ для надлежащаго въ губерніи, имъ правимой, предложенія экземпляры Высочайшаго Е. И. В. о томъ повелѣнія, съ коихъ экземпляровъ, прилагая при томъ сообщеніи восемнадцать, требуетъ: разослать оные въ надлежащія присутственныя мѣста екатеринославской губерніи для свѣдѣнія о изложенномъ Е. И. В. повелѣніи. Приказали: объ оном для свѣдѣнія въ палаты и приказъ общественнаго призрѣнія сообщить, совѣстному суду предложить, а въ прочія присутственныя мѣста послать указы съ приложеніемъ по одному экземпляру въ палаты и верхнія мѣста подлинные, а въ уѣздныя—копіи. Февраля 28 дня 1790 года № 4160.

Подлинный подписалъ: Александръ Тибекинъ.

П. Китицынъ.

Анекдотъ о Мечиславѣ Потоцкомъ. М. Чайковскій въ той части своихъ записокъ, которая посвящена пребыванію его заграницей, передаетъ интересный разсказъ объ одномъ изъ польскихъ магнатовъ гр. Мечиславѣ Потоцкомъ; впрочемъ, разсказъ этотъ едвали не принадлежитъ числу ходячихъ анекдотовъ, пріурочиваемыхъ то къ тому, то къ другому лицу. Вотъ этотъ разсказъ:

Мечиславъ Потоцкій, какъ и всѣ Потоцкіе, былъ удивительный оригиналъ: крайняя скупость совмѣщалась въ немъ съ величайшей

расточительностью. Въ его имѣніи Тульчинѣ, какъ и вездѣ въ Россіи въ то время, была монополія на продажу водки. Козаки пана Потоцкаго держали караулы, чтобы не пропускать водки въ мѣстечко. Скупой и недовѣрчивый п. Мечиславъ заподозрилъ ихъ добросовѣстность и однажды сообщилъ женѣ, извѣстной красавицѣ Дельфинѣ Потоцкой, о своемъ намѣреніи переодѣться крестьяниномъ и попытаться провезти въ мѣстечко водку съ цѣлью испытать вѣрность стражниковъ. Этотъ разговоръ услыхала случайно находившаяся въ сосѣдней комнатѣ горничная, возлюбленный которой находился въ числѣ стражниковъ. Дѣвушка предупредила своего жениха о замыслѣ пана. Козакъ сообщилъ о немъ товарищамъ и они сообща составили планъ дѣйствій. Подъ вечеръ на дорогѣ показался одноконный возъ, съ сидящимъ на немъ крестьяниномъ, въ которомъ козаки узнали пана. Они тотчасъ остановили возъ и приступили къ обыску. Крестьянинъ клянется, что у него нѣтъ никакой контрабанды и, наконецъ, предлагаетъ полтинникъ за пропускъ безъ осмотра. Козаки выругали соблазнителя и попотчивали его нагайками, а когда нашли на возу водку, принялись бить его безъ милосердія. Графъ не выдержалъ и сталъ кричать: «я вашъ панъ!», но козаки продолжали колотить его, приговаривая: «мало того, что крадешь панскія деньги, и подкупаешь панскихъ слугъ, да еще и выдаешь себя за пана!» Избитаго привезли они пана въ контору, гдѣ его узнали и отвезли въ палацъ. Пришлось звать доктора. Графиня при видѣ такого печальнаго исхода предпріятія своего мужа не могла удержаться отъ улыбки. Графъ выздоровѣлъ, но не могъ забыть улыбки жены, заподозрилъ ее въ соучастіи съ козаками и разошелся съ нею.

Библіографія.

М. Грушевскій. Очеркъ исторіи Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV столѣтія. Кіевъ. 1891.

Мало по малу мысль о необходимости разработки русской исторіи по областямъ приводится въ исполненіе. Русская историческая литература въ настоящее время обогатилась новымъ трудомъ по областной исторіи, заглавіе котораго мы выписали. Писать исторію Кіевской земли значитъ писать исторію всей Руси вслѣдствіе того значенія, какое имѣлъ Кіевъ въ древне-русской жизни. Отсюда вытекаетъ трудность задачи. Историку приходится слѣдить за политической жизнью всѣхъ древне-русскихъ областей, если онъ желаетъ вполнѣ уяснить ходъ историческихъ явленій. Кромѣ того, самая постановка темы несомнѣнно затрудняла изслѣдователя. Дѣленіе исторіи на періоды, конечно, и необходимо и естественно. Но несомнѣнно также и то, что тамъ, гдѣ возможно избѣжать этого, гдѣ, какъ въ данномъ случаѣ, хронологическій объемъ задачи не особенно великъ, тамъ подобное дробленіе не только не является необходимымъ, но даже, по нашему крайнему разумѣнію, можетъ считаться нежелательнымъ въ интересахъ науки. Развѣ то, что явилось въ политической жизни полянскаго племени и всей Руси послѣ смерти Ярослава, есть нѣчто рѣзко особенное, могущее служить рѣзкою гранью? Конечно, нѣтъ. Принято шаблонно начинать удѣльно-вѣчевой періодъ со смерти Ярослава, а изложеніе исторіи этого періода — такъ называемымъ завѣщаніемъ Ярослава. Но дѣло въ томъ, что «вѣчеваго» періода этотъ князь не создалъ, да и не могъ создать, а удѣльный порядокъ начался гораздо раньше него. Для уясненія происхожденія удѣльно-вѣчеваго порядка необходимо связать между собою явленія до и послѣ смерти Ярослава. Итакъ историку достав-

ляла, какъ намъ кажется, не малыя затрудненія самая постановка темы. Третье обстоятельство, которое должно было значительно отягчать изслѣдователя—это богатство литературы, посвященной разработкѣ детальныхъ вопросовъ древней русской исторіи.

Не смотря на указанныя затрудненія, которыя пришлось преодолѣвать автору «Очерка исторіи Кіевской земли», послѣдняя представляетъ во многихъ отношеніяхъ полезный вкладъ въ нашу историческую литературу. Г. Грушевскій съумѣлъ представить исторію Полянской земли въ ясномъ разлѣдованномъ видѣ, насколько, конечно, позволяли ему количество и характеръ источниковъ. Изложеніе автора легкое, живое и образное. Дѣлаемыя имъ характеристики историческихъ дѣятелей даютъ живые образы далекаго прошедшаго, хотя мы и не можемъ согласиться съ нѣкоторыми изъ нихъ. Къ числу весьма удачныхъ мѣстъ въ работѣ г. Грушевскаго нужно несомнѣнно отнести объясненіе происхожденія удѣльно-вѣчеваго порядка, хотя оно и не вполнѣ исчерпываетъ вопросъ; характеристику исторіи вѣча и Кіева въ удѣльный періодъ; характеристику отдѣльныхъ періодовъ въ развитіи удѣльно-вѣчеваго порядка; особенно же хорошо очерчена политика Андрея Боголюбскаго. Нельзя отрицать того, что работы предшественниковъ послужили автору для уясненія себѣ многихъ явленій древне-русской жизни, но въ приведенныхъ мѣстахъ внесено г. Грушевскимъ много своего оригинальнаго, явившагося результатомъ и самостоятельной разработкой первоисточниковъ.

Трудъ г. Грушевскаго распадается на 6 главъ: 1) Географическій очеркъ, 2) Кіевская земля до смерти Мстислава, 3) Борьба за Кіевскій столъ (1132—1169), 4) упадокъ Кіевскаго стола, 5) общественное устройство и бытъ Кіевской земли въ до—монгольскій періодъ и 6) Кіевская земля отъ монгольскаго нашествія до конца XIV в.—Авторъ воспользовался всѣмъ, что когда либо было сдѣлано въ русской наукѣ по исторической географіи, и историческій очеркъ Кіевской земли отличается полнотою и тщательностью разработки. Правда, въ немъ немного самостоятельнаго. Во многихъ мѣстахъ авторъ почти не приводитъ данныхъ лѣтописи цѣликомъ и не анализируетъ ихъ, а лишь указываетъ на существующія мнѣнія. Иногда передавъ ихъ, авторъ говоритъ, что онъ несогласенъ съ ними, но въ бо́льшей части случаевъ или мало обосновываетъ или совсѣмъ не обосновываетъ своего несогласія. Сказанное приходится отнести не только къ географо-топографической части работы г. Грушевскаго, но и къ другимъ ея отдѣламъ. Къ числу удачныхъ соображеній нужно отнести

опредѣленіе мѣстонахожденія города Товарова, какъ и замѣчанія автора относительно города Торческа. Что касается доводовъ г. Грушевскаго о городѣ Юрьевѣ, то въ этомъ мѣстѣ именно яснѣе всего выступаетъ сказанное нами выше: г. Грушевскій не анализируетъ самъ лѣтописныхъ извѣстій, а что касается найденной на берегу р. Роси георгіевской панагіи, то, вѣроятно съ этимъ согласится и самъ авторъ, она могла быть занесена при всякихъ переполохахъ куда-нибудь и еще подальше. Говоря о доисторической колонизаціи славянскихъ племенъ, авторъ воспользовался и данными археологіи. Мы думаемъ, эти данныя блестяще подтверждаютъ давно уже установившееся въ наукѣ мнѣніе о Прикарпатьи, какъ первоначальномъ мѣстопребываніи славянскаго племени. Эти данныя довольно ясно указываютъ также путь движенія отдѣльныхъ русско славянскихъ племенъ. Поэтому нѣтъ никакой возможности предполагать, будто древлянское населеніе къ югу отъ рѣки Припети было разрѣжено дреговицкими колонистами. Наоборотъ, дреговицкія поселенія представляютъ здѣсь остатки отъ племени дреговичей, постепенно, при движеніи съ юго-запада на сѣверо-востокъ, вытѣсненнаго древлянами. Этимъ объясняется также нахожденіе дреговицкаго, древлянскаго и сѣверянскаго погребальныхъ типовъ совмѣстно въ углу между р. Припетью и Днѣпромъ. Тутъ именно археологія рисуетъ намъ процессъ колонизаціи: сѣверяне, двигаясь впереди, сзади были тѣснимы дреговичами. Между р. Припетью и Днѣпромъ сѣверянское племя должно было задержаться на нѣкоторое время, какъ передъ сильною естественною границею; когда племя дреговичей потѣснило сѣверянъ, то послѣдніе перешли за Днѣпръ, причемъ часть могла остаться и на старомъ мѣстѣ. Затѣмъ древляне, вытѣснивъ дреговичей съ южнаго побережья р. Припети, при чемъ часть послѣднихъ осталась на южномъ берегу, перешли въ своемъ движеніи и р. Припеть и въ видѣ отдѣльныхъ поселковъ могли явиться въ углу между рр. Припетью и Днѣпромъ. Такова вполнѣ ясная и простая картина колонизаціи русско-славянскихъ племенъ. Намъ кажется также, что можно было бы совершенно не касаться вопроса о происхожденіи термина «Поляне», тѣмъ болѣе, что прозванія эти должны были явиться еще на ихъ прародинѣ въ Прикарпатьи. По поводу географической части работы г. Грушевскаго приходится сказать тоже, что можно сказать и относительно работъ другихъ историковъ, вполнѣ основательно начинающихъ исторію той или иной области съ ея географическаго очерка. Цѣль, которой въ этомъ случаѣ задаются, очень проста: опре-

дѣлить съ бо́льшей или меньшей вѣроятностью политическую границу земли, перечислить всѣ населенныя въ древности мѣстности,— вотъ и все Все это необходимо для полноты труда и важно для объясненія самой политической жизни земли. Но вотъ на это то послѣднее обстоятельство и мало обращается вниманія: обыкновенно географическій очеркъ является чѣмъ-то совершенно отрѣзаннымъ отъ остальныхъ частей работы, ограническої связи между ними нѣтъ никакой. Намъ кажется, что въ значительной мѣрѣ многія событія древняго періода нашей исторіи вытекали изъ географическихъ обстоятельствъ. Не говоря уже о безконечныхъ пограничныхъ распряхъ между областями, даже такой запутанный вопросъ, какъ волынскій, въ значительной степени объясняется причинами чисто географическими и условіями доисторической колонизаціи. Мы утверждаемъ, что политическую жизнь населенія, его бытъ, необходимо ставить въ тѣсную органическую связь съ территоріальными условіями.

Переходимъ теперь къ другимъ главамъ труда г. Грушевскаго. Въ общемъ надо сказать, что изложеніе уважаемаго автора носитъ нѣсколько догматическій характеръ. Дѣло въ томъ, что, группируя факты, давая ихъ объясненіе, авторъ часто употребляетъ выраженія: «правдоподобно», «я думаю» и т. д., при чемъ изъ самой группировки фактовъ не видно основанія для «правдоподобія». Мысль, пришедшая автору для объясненія того или иного событія, настолько сильно дѣйствуетъ, что не оставляетъ мѣста для другихъ комбинацій. Такъ, напримѣръ, разсматривая фактъ высадки изъ поруба Судислава братьями, авторъ упускаетъ изъ вида самое простое его объясненіе: Судиславъ могъ заявить требованія не на одну Псковскую область, а на главенство во всей Русской землѣ, какъ дядя. Исторія столкновенія братьевъ съ Всеславомъ Полоцкимъ авторомъ не выяснена. Причина понятна. Уважаемый авторъ не можетъ тутъ ничего объяснить междукняжескими отношеніями, а на условія чисто этнографо-географическаго характера онъ не обратилъ должнаго вниманія. Не можемъ не указать также на нѣкоторыя случайныя неточности, на которыхъ авторъ основываетъ свои объясненія фактовъ. Къ числу такихъ случайныхъ погрѣшностей, какъ мы думаемъ, авторъ вмѣстѣ съ нами отнесетъ старшинство Давида Святославича передъ Олегомъ, утвержденіе, будто Всеволодъ Ольговичъ былъ во время занятія кіевскаго стола не старшій среди Ольговичей.

Намъ казалось бы, что пишущій исторію Кіевской земли *долженъ бы былъ* поставить себѣ задачей, отрѣшившись отъ всѣхъ мнѣ-

ній и споровъ, — выяснить на основаніи данныхъ первоисточниковъ главные факторы событій удѣльно-вѣчеваго періода. Г. Грушевскій прекрасно выясняетъ основной мотивъ дѣятельности Изяслава, Святослава и Всеволода, опредѣляя его собираніемъ земли, стремленіемъ изъять какъ можно больше областей изъ рукъ младшихъ князей. Авторъ вполнѣ вѣрно смотритъ на эти событія и не видитъ тутъ основанія въ родовомъ бытѣ. Но смотря вѣрно на основу явленій, авторъ даже противорѣчитъ себѣ. Это сейчасъ-же сказывается въ объясненіи борьбы кіевскихъ князей съ изгоями.

Наравнѣ съ сторонниками родоваго быта, г. Грушевскій ведетъ начало изгойства опять таки изъ родоваго быта, а на всю эту борьбу смотритъ съ точки зрѣнія кіевскихъ князей, такъ что изгои или князья, которыхъ сдѣлали изгоями, являются если не кругомъ виноватыми, то по крайней мѣрѣ легкомысленными смутителями родной земли. При этомъ авторъ смѣшиваетъ мнѣніе Русской земли съ мнѣніемъ кіевскаго земства. Не признавая двигателемъ событій родовой бытъ, авторъ тѣмъ не менѣе называетъ Всеволода узурпаторомъ потому, что онъ (будто бы) не былъ старшій въ родѣ Ольговичей. Для объясненія многихъ событій г. Грушевскому приходится волей неволей прибѣгать къ теоріи родоваго быта. Это противорѣчіе явилось естественно: родовой бытъ и старшинство, необходимое для великокняженія, смѣшаны. Г. Грушевскій вполнѣ вѣрно указываетъ основной мотивъ политики кіевскаго земства—стремленіе выдѣлиться въ особую политическую единицу съ излюбленной княжеской семьей во главѣ; такой излюбленной семьей являлась несомнѣнно линія Мстиславичей; на встрѣчу этому стремленію идутъ и Мстиславичи, стараясь сдѣлать кіевскую землю своею отчиною. Откуда вывели они такое новое свое право? По нашему крайнему разумѣнію, авторъ упустилъ изъ вида важный моментъ въ исторіи древней Руси—попытку установленія наслѣдственной власти, выразившуюся въ передачѣ великокняжескаго стола Мономахомъ сыну Мстиславу. Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ былъ увѣренъ въ согласіи вѣча, но вѣче въ этомъ случаѣ руководилось тѣмъ основнымъ мотивомъ, который отмѣченъ, какъ сказано, авторомъ,—удержать у себя одну княжескую линію. Болѣе отдаленными перспективами оно, конечно, задаваться не могло. Изъ этой попытки Мономаха ничего не вышло, благодаря именно тому, что Мстиславичи вывели отсюда лишь отчинность Кіева въ ихъ семьѣ вполнѣ согласно съ стремленіемъ вѣча.

Эта вотчинность Полянской земли съ Кіевомъ, созданная или, лучше, выдвинутая Мстиславичами и кіевскимъ земствомъ иногда заслоняетъ отъ автора мотивы политическихъ событій и ставитъ его въ недоумѣніе. Всеволодъ Черный садится въ Кіевѣ, а Рюрикъ въ Черниговѣ, но всѣ пригороды земли Кіевской остаются за Мономаховичами. Авторъ недоумѣваетъ предъ этимъ, повидимому, дѣйствительно страннымъ фактомъ. Между тѣмъ дѣло объясняется, по нашему мнѣнію, довольно просто. Основной цѣлью борьбы была не отчинность, а великое княженіе. Въ указанный моментъ Кіевъ выдѣляется одинъ; онъ былъ теперь безъ земли, безъ области, городомъ великаго князя, гдѣ могли смѣняться князья на основахъ княжескаго права. Кіевъ переставалъ быть городомъ земли Полянской—онъ становился городомъ земли Русской? Это былъ важный моментъ въ нашей исторіи. Но этотъ важный переворотъ удержался лишь на короткое время. Если мы бросимъ взглядъ назадъ, на весь удѣльный періодъ, то увидимъ, что эта самая идея созданія центра, обособленнаго отъ интересовъ областныхъ, центра обще-русскаго,—эта идея существуетъ у князей. Ея существованіемъ, хотя смутнымъ, объясняется избраніе для рѣшенія самыхъ важныхъ обще-русскихъ дѣлъ мѣстъ незначительныхъ, не областныхъ городовъ. Гдѣ рѣшается дѣло Олега, Давида Игоревича и т. п.? Эти незначительные городки могли считаться болѣе или менѣе нейтральными. Если-бы эта идея въ сознаніи древне-русскаго общества оформилась, мы не видѣли-бы тѣхъ страшныхъ броженій, которыя потрясали русскую землю болѣе двухъ-сотъ лѣтъ. Идея жила смутно и ясное выраженіе получила лишь въ томъ знаменательномъ фактѣ, о которомъ мы говорили выше. Идея на минуту осуществляется, ее признаютъ и Ольговичи, и Мстиславичи, спокойно владѣющіе пригородами и допускающіе Рюрика на столъ черниговскій. Но умираетъ Рюрикъ, разражается галицкое дѣло, и самъ Всеволодъ выступаетъ на старую дорогу, стараясь выгнать Мстиславичей изъ ихъ удѣловъ.

Какъ особнякомъ въ цѣломъ трудѣ г. Грушевскаго стоитъ географическій очеркъ Полянской земли, такъ отрѣзана ото всего остальнаго и глава, посвященная общественному устройству и быту Кіевской земли въ до-монгольскій періодъ. Эти главы—I и V-я, по нашему мнѣнію, должны стоять непосредственно одна подлѣ другой. Точно также V-я глава должна предшествовать остальнымъ. На нашъ взглядъ политическія событія несомнѣнно вліяютъ на бытъ и промышленность страны, но по большей части лишь въ смыслѣ

отрицательномъ, т. е. при правильномъ, спокойномъ развитіи политической жизни въ древній періодъ вліяніе ея сводится на нѣтъ, а всѣ потрясенія, конечно, задерживаютъ культурное развитіе населенія. Наоборотъ, бытъ, зародыши котораго принесены изъ прародины и подвергаются измѣненіямъ подъ новыми географическими условіями, промышленность, зарождающаяся всецѣло подъ вліяніемъ этихъ условій,—они въ значительной степени оказываютъ вліяніе на ходъ историческихъ событій, обусловливая даже заранѣе отношенія двухъ сосѣднихъ племенъ. Припомнимъ, что значительныя предпріятія князей противъ половцевъ обусловливались чисто промышленными условіями, что колебанія политики В. Новгорода въ значительной степени зависѣли отъ его торговыхъ отношеній къ сосѣднимъ областямъ и государствамъ, — припомнимъ эти факты, и намъ необходимо придется подумать: не связана-ли попытка отнятія Всеволодомъ у Святославичей Курской области съ какими-нибудь чисто торговыми нуждами кіевскаго населенія; не добивались-ли кіевскіе князья покорности Полоцка ради Двинскаго торговаго пути (не говоримъ уже тутъ о другихъ причинахъ, чисто географическаго свойства) и т. д. и т. д... Разъ все это такъ, то очеркъ промышленности и вообще быта населенія долженъ въ изложеніи предшествовать очерку его политической исторіи. Все сказанное нами не относится лишь къ разбираемому труду, а только выражаетъ нашъ личный взглядъ на распредѣленіе матеріала въ трудахъ, подобныхъ разбираемому. Мы должны сказать, что для уясненія вліянія выше указанныхъ факторовъ на политическія судьбы Полянскаго племени авторомъ сдѣлано весьма мало. Въ общемъ VI-я глава представляетъ одну изъ лучшихъ частей труда г. Грушевскаго. Авторъ воспользовался всѣмъ, чѣмъ было можно; его картина полянскаго быта нарисована живо и на нашъ взглядъ вполнѣ вѣрно. Съ авторомъ можно однакоже не согласиться въ отдѣльныхъ взглядахъ, какъ напр. на то мѣсто Русской Правды, гдѣ говорится о смердьи холопѣ. Авторъ придерживается мнѣнія, что смерды были полусвободнаго состоянія, а мы готовы слѣдовать толкованію г. Сергѣевича, что и у смердовъ могли быть холопы. Въ перечисленіи повинностей пропущенъ «повозъ». «Полюдье» авторъ считаетъ почему-то военнымъ постоемъ. Для такого толкованія фактовъ нѣтъ, а между тѣмъ мы встрѣчаемъ выраженіе «а князь былъ въ полюдьи», что никоимъ образомъ не можетъ быть истолковано: «и князь былъ въ военномъ постоѣ». «Εἰς τὰ πολούδια» Константина Б. также противорѣчитъ взгляду автора.

Шестая глава посвящена судьбамъ Кіева и его области отъ нашествія татаръ до XIV ст. Намъ кажется, что авторъ здѣсь именно показалъ свое умѣнье обращаться съ историческими матеріалами, критически разрабатывать и установлять ясно свои взгляды на цѣлыя эпохи и на отдѣльныя явленія. Съ выводами можно не соглашаться, можно отчасти спорить и съ методомъ автора, но должно признать несомнѣнную заслугу его въ разработкѣ исторіи этого темнаго періода русской исторіи. Въ этой главѣ г. Грушевскій подвергаетъ снова самому тщательному пересмотру вопросъ о томъ: запустѣла-ли южная Россія послѣ татарскаго нашествія. Вопросъ дебатировался не разъ въ русской исторической литературѣ. Г. Грушевскій снова и со всѣхъ сторонъ пересмотрѣлъ его и, намъ кажется, вполнѣ основательно пришелъ къ отрицанію теоріи запустѣнія. Что касается гипотезы объ отсутствіи въ кіевской области князей до XIV ст. то, на нашъ взглядъ, она не вполнѣ еще подтверждается фактами. Предположеніе автора, что князь Ѳедоръ былъ не болѣе какъ татарскій посаженникъ, основанное лишь на томъ, что около него постоянно находится баскакъ,—это предположеніе слабо, такъ какъ ко всѣмъ главнѣйшимъ князьямъ и во всѣхъ областяхъ были приставлены эти ханскіе чиновники.

Совсѣмъ инымъ намъ представляется выдвинутое г. Грушевскимъ мнѣніе о постепенномъ высвобожденіи общинъ изъ-подъ вліянія княжеско-дружиннаго. Мы въ нашихъ работахъ пришли къ тому-же самому выводу. Оставляя болѣе подробное изложеніе нашего взгляда до болѣе удобнаго времени, мы скажемъ только, что не сходимся съ авторомъ въ одномъ пунктѣ. Г. Грушевскій главную роль отводитъ въ этомъ новомъ явленіи сельскому элементу, а мы признаемъ усиленіе городскаго населенія. Города въ лицѣ своихъ вѣчъ проявляютъ огромную силу и принимаютъ на себя рѣшенія политическихъ вопросовъ.

Вотъ все, что въ главномъ мы хотѣли сказать по поводу труда г. Грушевскаго. Въ заключеніе не можемъ не пожелать автору успѣшнаго движенія по научному пути, начатому удачно.

П. Г.

Харьковскій Сборникъ, подъ редакціей члена-секретаря В. В. Иванова. Литературно-научное приложеніе къ «Харьковскому Календарю» на 1892 годъ. Выпускъ 6-й.—Изданіе Харьковскаго Губернскаго Статистическаго Комитета. Цѣна вмѣстѣ съ Календаремъ 1 р. 20 коп. Харьковъ. 1892 г. Стр. 194+179+X.

Нашему журналу нѣсколько ужь разъ приходилось говорить о сборникѣ, заглавіе котораго мы выписали, отмѣчать его достоинства и недостатки и указывать на него, какъ на отрадное явленіе нашей провинціальной жизни среди темнаго мрака, окутавшаго ее въ послѣдніе годы.

«Харьковскій Сборникъ» издается ежегодно, нѣсколько ужь лѣтъ подъ рядъ, и сдѣлался такимъ образомъ какъ бы періодическимъ изданіемъ, выработавъ если не разъ опредѣленную программу, то опредѣленныя традиціи, которыя служатъ его характернымъ признакомъ и отличаютъ его отъ другихъ подобнаго рода изданій въ родѣ напр. Черниговскаго календаря, въ которыхъ издатели не знаютъ сами, что хотятъ дать публикѣ, и поэтому каждый выпускъ ихъ не только не похожъ на другой, въ чемъ еще была бы небольшая бѣда, но часто содержитъ такой хламъ, который, въ хорошемъ случаѣ, безполезенъ для читателей. Такое изданіе ведется, очевидно, для того только, чтобы издать что-нибудь.

Въ Харьковѣ дѣло обстоитъ иначе. Изданіе, начатое такимъ человѣкомъ, какъ П. С. Ефименко, не могло, конечно, носить характера случайности. Сразу была поставлена опредѣленная цѣль—строго научное изслѣдованіе губерніи, сразу же были привлечены и люди, которые стали содѣйствовать этому, которые способствовали выработкѣ и вырабатывали извѣстныя традиціи изданія, на своихъ плечахъ выносили его—и результатомъ этого было то, что, при перемѣнной чуть ли не для каждаго выпуска редакціи, сохранилось единство «Сборника», сохранилась его содержательность, и его статьи, за исключеніемъ немногихъ, безъ чего, конечно, при такого рода изданіяхъ нельзя обойтись, имѣли опредѣленный характеръ, были строго научны и давали много цѣннаго фактическаго матеріала, а подчасъ и цѣнныя выводы. Въ особенности, это нужно сказать про статьи статистико-экономическаго содержанія, занимающія обыкновенно большую часть «Сборника»; другіе же отдѣлы, напр. историческій, находили мало работниковъ и не всегда были содержательными.

Предъ нами 6 выпускъ «Сборника», изданный подъ редакціей г. Иванова, и выпускъ этотъ вполнѣ подтверждаетъ высказанное нами

мнѣніе о харьковскомъ изданіи: та же серьезность статей, та же умѣлость ихъ подбора. Большинство ихъ, по обыкновенію, посвящено статистико-экономическимъ изслѣдованіямъ харьковской губерніи.

Согласно разъ принятой программѣ и 6 выпускъ распадается на два отдѣла—литературно-научный и статистико-экономическій. Мы ужь разъ имѣли случай говорить по поводу неудобства такого рода дѣленія, тѣмъ болѣе, что заглавія придуманы редакціей для отдѣловъ очень неудачно. Статистико-экономическій отдѣлъ, напр., почему то отличается отъ научнаго, какъ будто статистико-экономическія работы, ужь по природѣ своей, работы ненаучныя; тогда какъ *научность* «Харьковскаго Сборника» и все его значеніе и заключается именно въ подобнаго рода работахъ. Неудачное дѣленіе «Сборника» порождаетъ и для читателя массу недоразумѣній. Почему, напримѣръ, статья г. Иванова «*Забытые труды по изслѣдованію народной жизни*» (Кадастръ харьковской губерніи), которая, какъ увидимъ ниже, по характеру своему, является *статистико-экономической*, отнесена въ отдѣлъ *литературно-научный*? Ужь не потому ли, что статистико-экономическія данныя относятся къ 50-мъ, а не къ 70—80 г. текущаго столѣтія? Если—да, то резонъ очень странный. Курьезно также видѣть продолженіе статьи г. Л. О. Павловича «*Очеркъ растительности харьковской губерніи и сосѣднихъ съ нею мѣстностей*» въ отдѣлѣ *статистико-экономическомъ* (мы ужь разъ указывали на это), тогда какъ статья представляетъ перечень растеній съ чисто ботаническими замѣчаніями и никакого касательства ни къ статистикѣ, ни къ экономикѣ не имѣетъ.—Вообще редакціи, обѣщающей улучшенія въ изданіи, слѣдуетъ обратить свое вниманіе на эти недостатки, тѣмъ болѣе что если она видитъ необходимость дѣленія «Сборника» на отдѣлы (для удобства, конечно, читателей), то отдѣлы должны быть строго разграничены и менѣе общи, чтобы читатель сразу зналъ въ какомъ отдѣлѣ, что онъ можетъ найти. Въ этомъ только случаѣ отдѣлы перестанутъ быть пустой формальностью, нужной только для приданія изданію извѣстнаго болѣе почтеннаго и научнаго вида.

Сдѣлавъ эти замѣчанія, перейдемъ теперь къ содержанію 6 выпуска «Харьковскаго Сборника», тѣмъ болѣе, что онъ дастъ читателю много любопытнаго и поучительнаго. Дѣленія на отдѣлы, послѣ сдѣланныхъ нами замѣчаній, мы придерживаться не будемъ. На первомъ мѣстѣ мы должны, конечно, отмѣтить полную глубокаго интереса статью самого редактора «Сборника» В. В. Иванова «*Забытые*

труды по изслѣдованію народной жизни. Кадастръ харьковской губерніи стр. (1—67). О ней мы ужь упоминали выше.

«Работа кадастровыхъ коммиссій, организованная министерствомъ государственныхъ имуществъ въ 40-хъ и 50-хъ годахъ, имѣла въ виду «уравненіе денежныхъ сборовъ съ государственныхъ крестьянъ» (стр. 1)... Чрезмѣрное накопленіе недоимокъ побудило правительство обратить вниманіе на несправедливость и обременительность подушной системы сборовъ. Выходомъ изъ такого положенія представлялась замѣна прежней системы новою,—подоходною. Необходимость уясненія источниковъ народнаго дохода и ихъ энергіи привела къ кадастру и изученію хозяйственнаго быта крестьянъ. Министерство остановилось на идеѣ создать «народный кадастръ», называя этимъ терминомъ упрощенныя работы сравнительно съ кадастрами западныхъ государствъ, и разсчитывало этимъ путемъ достигнуть тѣхъ же результатовъ «безъ особыхъ усилій и потрясенія народныхъ привычекъ», хотя вся финансовая реформа, разъ подати раскладывались и взимались по ревизскимъ душамъ, и разсчитана была на измѣненіе этихъ привычекъ. Благодаря этимъ упрощеннымъ работамъ и тому обстоятельству, что во многихъ губерніяхъ было общинное землевладѣніе, значительно облегчавшее трудъ измѣренія и оцѣнки, вся работа была произведена сравнительно быстро и не дорого (стр. 4)... Министерство сформировало «отдѣльные отряды межевыхъ чиновъ и агрономовъ изъ числа молодыхъ людей, спеціально для сего образованныхъ», предоставляло имъ трехгодичные сроки для всесторонняго изученія и описанія каждой губерніи и, перемѣщая ихъ изъ одной губерніи въ другую, расходовало на нихъ среднимъ числомъ по 60 т. руб. на губернію» (стр. 1). Изслѣдованія начались въ 1842 году въ с.-петербургской губерніи. Общее наблюденіе за работами было поручено центральной коммиссіи при департаментѣ сельскаго хозяйства подъ предсѣдательствомъ Жеребцова. Работъ по измѣренію земель и опредѣленію ихъ качества и доходности, а также по регистраціи промысловъ и уясненію зажиточности отдѣльныхъ домохозяевъ завершались составленіемъ оцѣнокъ, которыя предъявлялись крестьянскимъ обществамъ и, согласно возраженіямъ, исправлялись». Съ 1845 года началось введеніе новой системы сборовъ (стр. 5).

Кадастровыя изслѣдованія напоминаютъ собою современныя земскія работы по изученію народной жизни и, во всякомъ случаѣ, на первыя нужно смотрѣть, какъ на прототипъ послѣднихъ (стр. 3). Разница между ними, конечно, та, что земство имѣло въ виду всѣ

группы населенія, тогда какъ кадастровыя работы относились только къ одной категоріи крестьянства, къ крестьянамъ государственнымъ (стр. 2)

«Статистическія работы кадастровыхъ коммиссій распадались на четыре части: составленіе измѣрительныхъ таблицъ [1]), подворныхъ списковъ, хозяйственныхъ описаній отдѣльныхъ поселеній и платежныхъ вѣдомостей. При сплошномъ измѣреніи всѣхъ угодій по извѣстнымъ разрядамъ, въ измѣрительныя таблицы заносились всѣ обособленные клочки, находящіеся въ общинномъ и личномъ владѣніи. Онѣ представляютъ собою весьма важный матеріалъ для исторіи крестьянскаго землевладѣнія, для изученія его формъ, дробности, узкополосности и пр.

Подворные списки заключаютъ въ себѣ слѣдующія показанія: именно домохозяевъ, число у каждаго изъ нихъ ревизскихъ душъ и наличныхъ, а также работниковъ (изъ членовъ семьи) мужскаго и женскаго пола, число рабочихъ лошадей, воловъ, гулеваго скота крупнаго и мелкаго, не нанимаетъ ли домохозяинъ работниковъ, не нанимается ли самъ въ работники, арендуетъ ли землю, или отдаетъ, сколько десятинъ и по какой цѣнѣ, чѣмъ занимается каждый изъ работниковъ семьи въ разное время года, имѣются ли промышленныя заведенія и какія именно, имѣются ли пчелы и сколько ульевъ, количество недоимокъ. Хозяйственное описаніе отдѣльныхъ поселеній производилось по слѣдующей программѣ: положеніе поселенія, положеніе дачи, воды, дороги, способъ владѣнія землею, количество земли, разряды по качеству, хозяйство, урожайность, цѣнность земли подъ посѣвами, выгонъ и пастбище, постройки, отопленіе и освѣщеніе, сады и огороды, мірскія оброчныя статьи, народонаселеніе, скотоводство, занятія крестьянъ, стоимость найма рабочихъ, подати и повинности, винная пошлина, натуральныя повинности, недоимки, зажиточность крестьянъ и ихъ нравственность» (стр. 2—3).

По такой широкой программѣ производились кадастровыя изслѣдованія. Немудрено, конечно, что онѣ заключаютъ въ себѣ богатый и драгоцѣнный матеріалъ о жизни государственныхъ крестьянъ и ихъ экономическомъ положеніи, и только обстоятельствами времени, когда вообще боялись гласности, а о крестьянствѣ и говорить было нельзя, можно объяснить, думается намъ, тотъ фактъ, что кадастровыя изслѣдованія «остались неизвѣстными и не произвели никакого

[1]) Кадастровые отряды занимались, при своихъ изслѣдованіяхъ, топографическими и даже межевыми работами (стр. 2).

впечатлѣнія на литературу». Врядъ ли поэтому исторически-вѣрно такое заключеніе г. Иванова: «славянофилы и западники, ломая свои копья по вопросу о формахъ крестьянскаго землевладѣнія, много говорили о народѣ, его душѣ и правдѣ, но они и *не подозрѣвали* (sic) о существованіи разностороннихъ свѣдѣній о крестьянской жизни; въ пылу литературнаго турнира они *не замѣчали* (?!) работъ, производившихся на ихъ же глазахъ». Упрекъ этотъ, во всякомъ случаѣ, скороспѣлъ и безосновательно брошенъ въ глаза нашей литературы, такъ какъ у г. Иванова врядъ ли найдется много реальныхъ фактовъ для подтвержденія своей мысли. Думаемъ, не по винѣ литературы, славянофиловъ и западниковъ «обширные труды кадастровыхъ коммиссій сдавались въ мѣстные архивы, а въ Журналѣ М. Г. И. появлялись лишь общія описанія отдѣльныхъ губерній, составляемыя *членами кадастровыхъ отрядовъ*», т. е. чиновниками (стр. 3). Если теперь, въ большинствѣ случаевъ, только, при извѣстныхъ усиліяхъ можно попасть въ провинціальный архивъ, то что же говорить про то время, когда на занимающагося даже исторіей смотрѣли съ подозрѣніемъ, а о занимающемся настоящимъ ужь и говорить нечего. Можетъ быть, благодаря отчасти этому «и до настоящаго времени матеріалы кадастровыхъ коммиссій остаются забытыми, ими не пользуются, о нихъ не упоминаютъ» (стр. 3). Поэтому нельзя искренно не поблагодарить г. Иванова, что онъ, воспользовавшись благопріятными обстоятельствами, извлекъ изъ забвенія и напомнилъ о существованіи драгоцѣнныхъ матеріаловъ для изученія народной жизни. По его пути, можетъ быть, пойдутъ изслѣдователи и это тѣмъ болѣе желательно, что, по вѣрному замѣчанію г. Иванова «уясная современное состояніе народнаго хозяйства, изслѣдователи не имѣютъ исходнаго момента для сравненія» (стр. 3), а такимъ моментомъ и могутъ послужить данныя кадастровыхъ изслѣдованій. Мы вполнѣ сочувствуемъ мысли г. Иванова о необходимости изданія этихъ матеріаловъ. Земства наши, говоритъ онъ, должны посмотрѣть на работы кадастровыхъ отрядовъ, какъ на прототипы своихъ собственныхъ» —земства, поэтому, и должны заняться изданіемъ ихъ. Но пока мы дождемся подобныхъ изданій, нельзя, повторяемъ, не пожелать, чтобы лица, имѣющія возможность воспользоваться данными кадастровыхъ изслѣдованій, познакомили бы насъ съ ними такъ, какъ сдѣлалъ это авторъ разбираемой нами статьи. Вся его статья, обнимающая 67 страницъ, состоитъ изъ 4 главъ. Въ *первой*, изъ которой мы сдѣлали выше выписки, авторъ говоритъ о необходимости изданія

кадастровыхъ матеріаловъ, дѣлаетъ очеркъ кадастраціи губерній, общую оцѣнку финансовой реформы и касается затѣмъ старозаимочнаго вопроса, который былъ обостренъ кадастраціей и о которомъ авторъ обѣщаетъ представить особую статью. *Вторая* глава посвящена доходамъ и доходамъ и налогамъ и раскладкѣ ихъ. Итоги кадастровыхъ работъ представлены здѣсь въ видѣ общей оцѣночно-платежной таблицы, которая указываетъ на источники народнаго дохода и ихъ энергію съ одной стороны и опредѣляетъ мѣру ихъ сближенія съ другой (стр. 15). За таблицей слѣдуетъ объясненіе ея.—Раскладка налоговъ послѣ введенія новой финансовой реформы сдѣлалась болѣе уравнительной. Г. Ивановъ цифрами доказываетъ значеніе этой реформы, до которой «вся тяжесть прежней системы сборовъ выпадала на бѣдныхъ, а зажиточные крестьяне пользовались привилегированнымъ положеніемъ» (стр. 27). *Третья* глава касается земли и формъ землевладѣнія, скотоводства, роста народнаго богатства и платежей. Здѣсь авторъ допускаетъ сравнительный методъ, сопоставляя статистическія данныя кадастровыхъ изслѣдованій, сгруппированныя имъ въ таблицы, съ довольно наглядными объясненіемъ, съ данными земской статистики 80-хъ годовъ. Конечный выводъ, къ которому онъ приходитъ въ этой главѣ, таковъ: «повинности въ виду расширившихся потребностей государства, увеличивались, а богатство края въ отношеніи земли и скота уменьшалось. Въ періодъ кадастра населеніе государственныхъ крестьянъ находилось въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ въ послѣднее время» (стр. 45).—*Четвертая* и послѣдняя глава посвящена кустарнымъ промысламъ, распредѣленію ихъ и доходности.—Здѣсь мы находимъ данныя о пришлыхъ кустаряхъ, объ отставныхъ и безсрочно-отпускныхъ нижнихъ воинскихъ чинахъ, частью водворенныхъ въ поселеніяхъ государственныхъ крестьянъ, частью только временно проживающихъ въ нихъ; объ ученикахъ, находящихся у ремесленниковъ; о кустаряхъ прошлаго вѣка, современныхъ кустаряхъ и затѣмъ соображенія г. Иванова о факторахъ кустарничества.—Авторъ и въ этой главѣ примѣняетъ сравнительный методъ и высказываетъ иногда весьма вѣскія соображенія и замѣчанія. Онъ отмѣчаетъ напримѣръ, значительное паденіе мѣстныхъ промысловъ въ позднее время и относительное процвѣтаніе ихъ въ прошломъ вѣкѣ [1]). «Мѣстное кустарничество, говоритъ онъ,

[1]) „Въ 20 поселеніяхъ въ прошломъ столѣтіи жило 1810 ремесловыхъ хозяйствъ. Въ періодъ кадастра въ тѣхъ же самыхъ поселеніяхъ жило 757 ремесленниковъ, т. е. въ 2½ раза меньше“ (стр. 55).

въ своемъ историческомъ развитіи, по всей вѣроятности, переживало отдѣльные періоды упадка и процвѣтанія въ тѣ промежуточные моменты, о которыхъ у насъ не имѣется свѣдѣній, привозные кустарнаты и пришлые кустари то подавляли мѣстные промыслы своею конкуренціей, то, нужно полагать, въ отдѣльныхъ случаяхъ, способствовали ихъ возникновенію» (стр. 55). Говоря о факторахъ кустарничества, изслѣдуя и сравнивая данныя харьковской статистики, г. Ивановъ приходитъ къ заключенію, что «кустарные промыслы развиваются на почвѣ хозяйства слабыхъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи». «Чѣмъ больше въ поселеніи несамостоятельныхъ хозяйствъ въ отношеніи земледѣлія, тѣмъ больше развиты въ немъ кустарные промыслы на счетъ батрачества и отхода, чѣмъ меньше этихъ хозяйствъ, тѣмъ меньше развито кустарничество и больше развиты батрачество и отхожіе промыслы» (стр. 66).

Вторая статья «Харьковскаго Сборника», на которую мы должны обратить вниманіе читателя—это «*Рождаемость, брачность и смертность харьковскаго населенія*» *д-ра К. Бобрицкаго* (стр. 1—46). Медико-статистическія данныя, которыми пользовался авторъ, относятся къ 1885—1889. Матеріалами для него служили выборки изъ метрическихъ книгъ, данныя санитарнаго отдѣленія харьковской городской управы и мѣстнаго губернскаго статистическаго комитета. На стр. 45—48 изложены выводы, къ которымъ пришелъ д-ръ Бобрицкій. Болѣе интересные изъ нихъ слѣдующіе: 3) количество рожденій для Харькова представляется очень малымъ въ сравненіи съ другими городами западной Европы и Россіи. Это объясняется, по всей вѣроятности, массой пришлаго элемента, рабочихъ, учащихся и др. лицъ, остающихся въ Харьковѣ только временно; 4) число незаконнорожденныхъ въ Харьковѣ велико, что сильно отражается на смертности дѣтей въ раннемъ возрастѣ; 7) плодовитость браковъ въ Харьковѣ незначительна; 8) коэффиціентъ смертности за 1885—1889 г. тоже не великъ, что г. Бобрицкій объясняетъ неправильностью счисленія населенія Харькова. 9) Число смертныхъ случаевъ *pro mille* населенія съ каждымъ годомъ какъ бы уменьшается, что можетъ до нѣкоторой степени (помимо другихъ причинъ) указывать на улучшеніе санитарныхъ условій г. Харькова. 12) Количество смертныхъ случаевъ лѣтомъ увеличивается. 17) Смертность въ Харьковѣ отъ инфекціонныхъ заболѣваній довольно значительна. 19) Общіе итоги движенія населенія г. Харькова указываютъ на относительно малый приростъ населенія и на

существованіе однихъ и тѣхъ же санитарныхъ условій, выражавшихся количествомъ смертныхъ случаевъ. 20) Увеличеніе населенія г. Харькова происходитъ не путемъ естественнаго роста населенія, а зависитъ, главнымъ образомъ, отъ пришлаго элемента.

Много характеристическихъ данныхъ заключаетъ въ себѣ и обстоятельная статья г. И. И. Арсеньева *«Платежная способность и хозяйственно-экономическое положеніе крестьянъ волчанскаго уѣзда»* (стр. 79—136). Авторъ — податной инспекторъ 4 участка харьковской губерніи и его статья составляетъ извлеченіе изъ отчета объ его служебной дѣятельности, что, конечно, въ извѣстномъ отношеніи увеличиваетъ ея интересъ. Авторъ всесторонне изслѣдуетъ вопросъ, и его выводы и данныя говорятъ объ обременительности крестьянъ сборами въ пользу казны, земства и крестьянскихъ обществъ. Чтобы подойти къ такому окончательному заключенію онъ предварительно опредѣляетъ количество земли, находящейся во владѣніи крестьянъ, указываетъ на отношеніе его ко всему пространству волчанскаго уѣзда, останавливается на способахъ владѣнія и пользованія этой землею, на величинѣ надѣловъ у различныхъ разрядовъ крестьянъ, на крестьянской арендѣ и ея условіяхъ, на заработной платѣ, отхожихъ промыслахъ; изслѣдуетъ различные виды платежей, падающихъ на крестьянство, подробно останавливается на различныхъ видахъ и характерѣ мірскихъ повинностей, указываетъ на отсутствіе правильнаго счетоводства у крестьянъ, на характеръ общественныхъ займовъ, на роль должностныхъ лицъ крестьянскаго самоуправленія, старшины, писаря и сборщиковъ, отмѣчаетъ ихъ ненормальную постановку, характеризуетъ ихъ дѣятельность по разверсткѣ денежныхъ повинностей между плательщиками, по взиманію денежныхъ сборовъ и по дѣлопроизводству въ этомъ случаѣ. Какіе печальные случаи могутъ быть въ этомъ послѣднемъ отношеніи, когда сборщикъ податей или староста неграмотный, объ этомъ этомъ говорятъ стр. 130 и слѣд. статьи г. Арсеньева, гдѣ онъ указываетъ различные виды растратъ податныхъ общественныхъ денегъ: въ этомъ случаѣ неграмотные старосты и сборщики являются иногда просто только козлами отпущенія.—Статью свою г. Арсеньевъ иллюстрируетъ множествомъ цифровыхъ данныхъ, и изъ всего видно, что авторъ очень хорошо знакомъ съ предметомъ и хорошо изучилъ то, о чемъ говоритъ. Нельзя, поэтому, не пожелать, чтобы статья его обратила вниманіе лицъ, которые интересуются положеніемъ нашего народа вообще и крестьянства въ частности: въ ней они найдутъ много поучительнаго

Статья г. Арсеньева хотя и носитъ заглавіе мѣстнаго изслѣдованія, но она имѣетъ общій интересъ: всѣ ея положенія можно примѣнить къ любой мѣстности Россійской Имперіи, иллюстрируются они только данными волчанскаго уѣзда.

Въ заключеніе «статистико-экономическаго» отдѣла помѣщенъ обзоръ г. В. В. Иванова *«Харьковская губернія въ сельско-хозяйственномъ и продовольственномъ отношеніи за 1891 г.»*. Подобные обзоры печатаются почти въ каждомъ выпускѣ «Харьковскаго Сборника» и касаются земледѣлія, скотоводства, сельско-хозяйственныхъ цѣнъ и народнаго продовольствія. Обзоръ этотъ въ настоящее время, тѣмъ болѣе любопытенъ, что неурожайный 1891 годъ захватилъ отчасти и харьковскую губернію и ей приходилось обращать свое особенное вниманіе на продовольственный вопросъ.

Статей историческаго содержанія въ 6 выпускѣ «Харьковскаго Сборника немного. *Прот. Н. Лащенковъ* помѣстилъ окончаніе статьи, начатой въ 5 выпускѣ «Сборника» *«Высокопреосвященный Филаретъ, архіепископъ харьковскій, по письмамъ къ его другу валковскому помѣщику Н. Н. Романовскому* (1851—1861)» (стр. 68—145), гдѣ сообщаются данныя для характеристики извѣстнаго церковнаго историка и богослова. Ученой дѣятельности покойнаго архіепископа г. Лащенковъ почти не затрагиваетъ, а касается его дѣятельности какъ администратора и человѣка. Симпатіи автора статьи, конечно, какъ въ большинствѣ случаевъ это бываетъ, на сторонѣ своего героя, арх. Филарета, котораго онъ готовъ представить невинною жертвою интригъ, хотя сообщенныя факты не всегда говорятъ то, что хочетъ видѣть въ нихъ г. Лащенковъ, и дѣло, напр., объ оскорбленіи гр. Девьера (стр. 110 и слѣд.) говоритъ далеко не въ пользу знаменитаго ученаго архипастыря.—Въ концѣ статьи (стр. 145—185) приложены и самыя *«письма преосвященнаго Филарета къ Романовскому»*. Письма эти, большею частью, безсодержательны, касаются частныхъ дѣлъ; общественные же вопросы въ нихъ рѣдко затрогиваются. Въ одномъ письмѣ отъ 24 іюня 1858 года, когда подготовлялась крестьянская реформа, Филаретъ, напр., пишетъ Романовскому: «тѣмъ, что Господь посылаетъ каждому изъ насъ, не надобно тяготиться. Вамъ, какъ помѣщику, назначены теперь особенныя хлопоты. Не тяготитесь ими. Тяготясь ими, вы по многимъ отношеніямъ становитесь виновными передъ своею совѣстію. Во первыхъ, вы разстраиваете тѣмъ свое слабое здоровье. Далѣе идете противъ воли Божіей, возмущаетесь противъ Господа. Если правительство убѣдилось историческимъ ходомъ

дѣлъ, что необходимо должна быть перемѣна въ дѣлахъ крестьянскихъ, а противящійся власти, противится волѣ Божіей: что же значитъ ваше возмущеніе противъ началъ правительства, какъ не возмущеніе противъ воли Божіей. Поберегите свою душу. Вы говорите что то и другое выйдетъ дурно, что и для помѣщиковъ, и для крестьянъ было бы лучше, если бы сдѣлано было по вашему? Мечта самолюбія! Кто вамъ далъ право думать, что правительство—врагъ вамъ, и что оно менѣе васъ заботиться о томъ, какой отвѣтъ придется ему дать за свое дѣло? Нѣтъ теперь уже извѣстно, что правительство много и много думало о дѣлѣ, выслушало и обсудило 100 проэктовъ. Мнѣ страшно за васъ особенно тогда, когда возстаете вы противъ надѣла крестьянъ землею. Я въ васъ не узнаю тогда ни христіанина, ни даже человѣка. Пусть польскій панъ, пусть австрійскій магнатъ, пусть лифляндскій дворянинъ были столько жестоки къ людямъ, работавшимъ на нихъ столѣтія, что сказали имъ наконецъ: вы свободны, чтобы умирать съ голоду; намъ до того дѣла нѣтъ; для васъ нѣтъ у насъ ни клочка земли! Но русскій дворянинъ, русскій христіанинъ, упорно хочетъ сдѣлать тоже самое! Это непостижимая задача. Гдѣ же наше православное, братолюбивое христіанство? Вы въ оправданіе указываете на непріятныя для васъ послѣдствія надѣла, напр., на сосѣдство съ безпечнымъ и неразборчивымъ хохломъ. Это не оправданіе. Вы смѣшиваете два дѣла: дѣло и его послѣдствіе. Предлагайте мѣры противъ неспокойныхъ послѣдствій: Это вамъ предоставлено; но не осуждайте святого дѣла. Притомъ вы ошибаетесь, если думаете, что правительство не имѣетъ въ виду невыгодныхъ послѣдствій сосѣдства съ безпечнымъ хохломъ и не приготовило средствъ оградить покой вашъ. Будемъ думать какъ можно лучше о другихъ и какъ можно хуже о себѣ: это будетъ во всякомъ случаѣ выгодно для насъ. Простите, Господа ради, что говорю непріятное. Говоритъ любовь».—Но такихъ писемъ, къ сожалѣнію, очень немного, большинство же до того безсодержательны, что невольно раждается вопросъ, стоило ли всѣ ихъ печатать?...

Чтобы кончить нашъ разборъ «Харьковскаго Сборника» назовемъ еще двѣ статьи, помѣщенныя въ немъ.—Замѣтку *О. В. Спѣсивцева «Случайная археологическая находка»*, въ которой онъ знакомитъ съ результатами своихъ поисковъ въ окрестностяхъ сел. Райгородка, и продолженіе *«Очерковъ растительности харьковской губ. и сосѣднихъ съ нею мѣстностей» Л. О. Павловича.*—Въ концѣ «Сборника», въ видѣ приложенія, помѣщена статья «Холера и мѣры личной предосторожности»

Въ заключеніе намъ остается пожелать болѣе широкаго распространенія «Харьковскому Сборнику» (цѣна съ календаремъ 1 р. 20 к.), какъ изданію серьезному и очень полезному. Нельзя не порадоваться тому, что изданіе его стало, кажется, на твердую ногу: по крайней мѣрѣ, редакція объявляетъ о своемъ намѣреніи нѣсколько улучшить свое изданіе. Въ календарѣ предполагается расширить отдѣлы посвященные харьковской губ. и г. Харькову, ввести новый отдѣлъ практическихъ и общеинтересныхъ свѣдѣній; въ Сборникѣ—удѣлять большее мѣсто разработкѣ и изданію цѣнныхъ матеріаловъ, относящихся къ прошлому края, и болѣе всестороннему освѣщенію переживаемаго настоящаго. Печататься изданіе будетъ на лучшей бумагѣ» Часъ добрый!

Н. В.

Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца. Книга шестая. Издана подъ ред. М. Ф. Владимірскаго-Буданова и Н. П. Дашкевича. Кіевъ. 1892.

Для исторіи южной Руси каждая книга «*Чтеній* въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца» привноситъ довольно много существенныхъ свѣдѣній, то въ сообщеніяхъ и изслѣдованіяхъ членовъ Общества, то въ достовляемыхъ ими сырыхъ матеріалахъ первой руки. Если въ видахъ болѣе точной характеристики даннаго Общества принять въ разсчетъ еще и то, что въ «*Чтеніяхъ*» его печатаются не всѣ рефераты его членовъ, и что менѣе спеціальные изъ этихъ рефератовъ находятъ себѣ мѣсто въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ и между прочимъ въ «*Кіевской Старинѣ*», то, конечно, нельзя не признать, что для изученія прошлаго нашего края «Общество Нестора Лѣтописца» дѣлаетъ не мало. Несомнѣнно въ кругъ его задачъ входитъ прошлое всей русской земли, и мы отъ времени до времени встрѣчаемъ въ «Чтеніяхъ» рефераты, относящіеся къ сѣверо-восточной и западной Россіи, тѣмъ не менѣе однако интересъ къ исторіи южной Руси въ немъ преобладаетъ, ибо кому же, кромѣ южно-русскихъ ученыхъ, наиболѣе сподручно вести работы по исторіи этого края, тѣмъ болѣе, что дѣлателей на исторической нивѣ сѣверо-восточной и западной Руси довольно и помимо южно-русскихъ ученыхъ, да наконецъ и собственная то наша историческая нива велика и обильна и превосходитъ наши наличныя ученыя силы.

Имѣя въ виду это послѣднее обстоятельство, эту малочисленность нашихъ научныхъ дѣятелей, быть можетъ, слѣдовало бы пожелать даже вящей организаціи научныхъ работъ въ нашемъ историческомъ обществѣ. Быть можетъ, слѣдовало бы пожелать, чтобы были предпринимаемы, кромѣ работъ по собственному почину и производимыхъ единичными силами, еще и работы, такъ сказать коллективныя, по тѣмъ историческимъ вопросамъ, которые Общество признало бы наиболѣе настоятельно требующими разрѣшенія въ виду современнаго состоянія науки. Тогда, по всей вѣроятности, возможно было бы Обществу избѣжать тѣхъ упрековъ, какіе иногда теперь на него падаютъ, упрековъ въ мелочности, въ погонѣ за буквой и въ упущеніи существенныхъ цѣлей историческаго изученія. Такого рода упреки были между прочимъ высказаны и въ *«Кіев. Старинѣ»*, въ рецензіи на предъидущій томъ *«Чтеній»* Общества. При условіи господства въ «Обществѣ» исключительно личной иниціативы отдѣльныхъ работниковъ и при отсутствіи руководящихъ указаній отъ «Общества», какъ цѣлаго, приведенныхъ выше упрековъ, какъ кажется, не всегда несправедливыхъ, избѣгнуть невозможно, да и «Общество», какъ таковое, рискуетъ слабо достигать своихъ цѣлей—всесторонняго изученія исторіи русской земли. Высказывая однако вышеприведенное пожеланіе, мы хорошо знаемъ, что осуществить его нелегко, и что задержкой для его осуществленія можетъ быть и весьма основательное опасеніе ослабить личную иниціативу членовъ, замѣнивъ ее своего рода менторствомъ однихъ надъ другими.

Обращаясь къ разбираемой VI книгѣ *«Чтеній»*, мы въ ней находимъ въ отдѣлѣ «сообщеній и изслѣдованій» нѣсколько работъ, дающихъ матеріалъ для уясненія серьезныхъ вопросовъ давней южнорусской жизни. Такъ, для вопроса объ экономическомъ соприкосновеніи двухъ русскихъ народностей у насъ въ Кіевѣ въ половинѣ XVIII в. читатель получаетъ много интереснаго изъ статьи *А. А. Андріевскаго «Нѣсколько данныхъ о великороссійскомъ купечествѣ въ Кіевѣ въ прошломъ столѣтіи и объ отношеніи къ нему мѣстнаго магистрата»*.

Изъ статьи этой мы узнаемъ, что кіевскій магистратъ, чуть не съ самого присоединенія Кіева къ Россіи, заботился объ огражденіи мѣстной торговли отъ конкурренціи великороссіянъ. Въ указахъ Петра В., въ силу малороссійскихъ ходатайствъ, была запрещена розничная продажа въ Кіевѣ *пріѣзжимъ* въ Кіевъ торговымъ людямъ. Но великорусскіе купцы тѣмъ не менѣе являлись въ Кіевъ для торговыхъ цѣлей и на Подолѣ, главной торговой части города, къ

которой особенно относились приведенныя запрещенія, заводили лавки для розничной продажи, всячески обходя законъ. Образъ дѣйствій ихъ въ этомъ случаѣ сильно напоминаетъ образъ дѣйствій евреевъ въ наши дни. То они нанимали лавки у мѣстныхъ жителей и назывались ихъ приказчиками, то выступали фиктивными заводчиками, устраивая «для куріозитету», по выраженію документа, какой-нибудь шолковый заводъ, то принимали на себя обязанности завѣдыванія казенными кабаками, соляными и табачными складами. Само правительство при этомъ обособляло великороссійскихъ купцовъ въ Малороссіи, какъ чужестранцевъ, предоставляя имъ право на особый судъ. Такъ, по долговымъ дѣламъ съ малороссами великороссійскіе купцы въ Кіевѣ должны были имѣть судъ по вексельному уставу въ кіевской губернской канцеляріи, а въ Глуховѣ и полкахъ—у великороссійскихъ командировъ. Торговля, даже розничная, на Подолѣ оказывалось открытой для великороссійскихъ купцовъ часто и потому, что терминъ *«пріѣзжіе торговые люди»* допускалъ толкованіе, не согласное съ тѣмъ смысломъ, какое ему придавалъ магистратъ, ходатайствуя о подтвержденіи своихъ привилегій. Нерѣдко, напримѣръ розничными торговцами въ Кіевѣ оказывались великороссійскіе купцы, пріобрѣвшіе осѣдлость въ Кіевѣ. Кіевскіе генералъ-губернаторы, являвшіеся въ Кіевѣ представителями центральной власти, смыслъ указовъ не всегда толковали одинаково. Въ однихъ случаяхъ они оставляли торговлю за великороссіянами, разъ они были не пріѣзжіе и осѣвшіеся въ Кіевѣ люди, въ другихъ считали торговлю великороссіянъ въ Кіевѣ незаконною и предписывали изслѣдовать, какъ напр. генералъ-губернаторъ Леонтьевъ—на какомъ основаніи тотъ или другой купецъ торгуетъ на Подолѣ, «и для чего кіевскіе мѣщане свои лавки для той торговли, вѣдая запретительные *о неторгованіи великороссійскимъ людемъ* указы, въ наемъ имъ отдавали».

Отмѣченное выше совпаденіе между великороссійскими купцами въ Кіевѣ и современными торговцами евреями сказывается и въ другой сферѣ. Являясь въ казенныхъ кабакахъ «надзирателями» и вѣрными сборщиками», состоя затѣмъ головами и цѣловальниками при продажѣ казенной соли и наконецъ получивъ въ свои руки табачный откупъ и таможни, великороссійскіе купцы извлекали изъ такого своего положенія всякія сторонніе выгоды и съ спокойною совѣстью обращались даже къ контрабандѣ.

Авторъ даетъ читателю и нѣкоторое указаніе на условія жизни кіевскаго мѣщанства, затруднявшія успѣшную конкурренцію его

въ торговлѣ съ великороссійскими купцами, которые, если и несли повинности, то только денежныя, не отрываясь отъ своего купечества ни для какихъ общественныхъ службъ, тогда какъ болѣе имущественные торговцы изъ кіевскихъ мѣщанъ несли довольно сложныя обязанности, которыя и отрывали ихъ отъ собственныхъ «купеческихъ промысловъ».

Всѣ приведенныя выше положенія г. Андріевскій извлекъ изъ ряда документовъ кіевскаго губернскаго правленія, которые и напечатаны имъ въ приложеніи къ статьѣ. Въ виду интереса выводовъ было бы желательно, чтобы и документы того же рода, имѣющіеся въ распоряженіи автора въ отрывкахъ, какъ видно изъ его ссылокъ, также подверглись тщательной обработкѣ. Для намѣченнаго выше вопроса объ экономическомъ соприкосновеніи въ нашемъ краѣ въ прошломъ двухъ русскихъ народностей это имѣло бы не малое значеніе.

Другой статьей VI тома *«Чтеній»*, затрогивающей существенные политико-культурные вопросы въ прошлой жизни нашего края, можетъ быть названа статья *В. И. Щербины «Кіевскіе воеводы, губернаторы и генералъ-губернаторы отъ 1654 по 1775 г.»*. Статья эта особенно можетъ быть пригодна для тѣхъ изъ начинающихъ работниковъ въ области южно-русской исторіи, которыхъ могло бы путать тожество административныхъ терминовъ современныхъ съ прошлыми и давало бы поводъ думать объ одинаковости функцій хотя одноименныхъ, но въ сущности различныхъ учрежденій; имѣемъ въ виду главнымъ образомъ термины губернія, губернаторъ, генералъ-губернаторъ. Г. Щербина въ самомъ началѣ своего реферата предотвращаетъ такое недоразумѣніе. «Административное устройство Кіева и приписанныхъ къ нему малороссійскихъ городовъ, со времени присоединенія его къ Русскому государству и до учрежденія кіевскаго намѣстничества, читаемъ мы у него, представляло большія отличія отъ устройства какъ остальной Малороссіи, такъ и областей великорусскихъ. Съ самаго момента присоединенія своего къ Россіи городъ этотъ, вслѣдствіе своего важнаго политическаго и стратегическаго значенія, а также и своего историческаго прошлаго, обращалъ на себя особое вниманіе русскаго правительства и возбуждалъ въ послѣднемъ стремленіе тѣснѣе связать его съ русскимъ государствомъ. Главнымъ средствомъ для достиженія этой цѣли было назначеніе для Кіева особыхъ правителей—воеводъ, впослѣдствіи переименованныхъ въ губернаторовъ и генералъ-губернаторовъ. Прави-

тели эти не могли имѣть той власти, какую имѣли одноименные съ ними правители областей великорусскихъ; они были собственно начальниками великорусскихъ войскъ, расположенныхъ въ Кіевѣ и другихъ малороссійскихъ городахъ; но при назначеніи ихъ правительство имѣло въ виду и иную, болѣе широкую, задачу: они должны были служить представителями государственной власти въ краѣ и подготовлять болѣе тѣсное сближеніе его съ Россіей. Осуществленіе этой задачи представляло большія трудности. Объединительныя стремленія правительства встрѣчали противовѣсъ въ общемъ положеніи дѣлъ въ Малороссіи и въ особыхъ правахъ козацкаго и мѣщанскаго населенія Кіева. Послѣднее препятствіе было устранено довольно легко. Полковое правленіе кіевскаго полка было перенесено въ г. Козелецъ, въ Кіевѣ же остался только сотникъ, что низвело Кіевъ на степень второстепеннаго пункта козацкаго управленія. Что же касается кіевскаго мѣщанства, представлявшаго богатую общину, пользовавшуюся съ конца XV столѣтія Магдебургскимъ правомъ, то правительство, еще при самомъ присоединеніи города къ Россіи, подтвердило права мѣщанства, признаніе которыхъ не противорѣчило установившемуся въ московскомъ государствѣ обычаю и представляло даже извѣстную выгоду для правительства, какъ ограничсніе козацкаго управленія. Труднѣе было побороть общій порядокъ вещей, борьба затянулась надолго и окончилась только въ царствованіе Екатерины II измѣненіемъ всего политическаго строя Малороссіи; тогда и Кіевъ былъ подчиненъ общей административной системѣ, установленной учрежденіемъ о губерніяхъ 1775 года».

Затѣмъ г. Щербина по договорнымъ статьямъ гетмановъ съ русскими государями слѣдитъ за размѣрами власти воеводъ и указываетъ на тѣ пререканія, какія имѣли мѣсто по дѣлу о воеводахъ въ Малороссіи между козаками и русскимъ правительствомъ. Права малороссскихъ воеводъ простирались, по утвержденію автора, только на военное управленіе, но постоянное подтвержденіе этихъ ограниченій, постоянныя жалобы на воеводъ, наконецъ неоднократныя возстанія показываютъ, что de facto власть воеводъ принимала часто болѣе широкіе размѣры, да и само правительство старалось расширить ее и распространить на большее количество городовъ.

Далѣе мы узнаемъ, что воеводы были переименованы въ губернаторовъ съ введеніемъ въ началѣ XVIII в. раздѣленія Россіи на провинціи и губерніи. Кіевская губернія при этомъ обнимала большую часть теперешнихъ губерній Харьковской, Курской и Орлов-

ской; изъ малороссійскихъ же городовъ къ ней приписаны были только Кіевъ, Переяславъ, Черниговъ и Нѣжинъ, т. е. именно тѣ города, въ которыхъ еще при Алексѣѣ Михайловичѣ были великорусскіе воеводы. Новые губернаторы вполнѣ замѣняли воеводъ и роль правителей играли только въ тѣхъ городахъ Кіевской губерніи, которые въ составъ Малороссіи не входили и были великорусскими. При гетманѣ Скоропадскомъ стольникъ Измайловъ, затѣмъ Протасовъ и наконецъ бригадиръ Вельяминовъ, стоявшій во главѣ малороссійской коллегіи, способствовали возвышенію власти кіевскихъ губернаторовъ или, какъ ихъ теперь называли, генералъ-губернаторовъ. Но особенно широкое значеніе пріобрѣтаетъ власть кіевскихъ губернаторовъ (генералъ-губернаторовъ) съ 30—40 годовъ XVIII столѣтія, причемъ своего исключительнаго характера она и тогда не лишалась. Авторъ объясняетъ тогдашнее усиленіе ихъ власти возроставшимъ значеніемъ Кіева вслѣдствіе колонизаціи новороссійскихъ степей и гайдамацкихъ движеній въ Польшѣ, вызывавшихъ вмѣшательство русскаго правительства. Только съ 1787 г. Кіевская губернія получаетъ устройство, аналогичное съ устройствомъ другихъ губерній.

Основныя положенія автора не подлежатъ оспариванію вслѣдствіе ихъ документальности. Можно только пожалѣть, что, стремясь къ краткости, авторъ не далъ въ своей работѣ характеристикъ хотя бы только наиболѣе видныхъ представителей воеводской, а потомъ губернаторской власти. Конкретныя лица, разъ они введены въ разсказъ, естественно оживляютъ изложеніе исторіи учрежденій. Къ статьѣ приложенъ полный списокъ воеводъ, губернаторовъ и генералъ-губернаторовъ за время съ 1654 по 1775 г., а также грамоты о назначеніи губернаторовъ Гулица и Леонтьева.

Въ VI книгѣ «*Чтеній*» имѣется и статья, являющаяся желательнымъ пополненіемъ зачатковъ литературы по исторіи малороссійскихъ городовъ; разумѣемъ статью *А. М. Лазаревскаго* «*Историческій очеркъ Батурина (1625—1760)*». Имѣющійся въ распоряженіи автора матеріалъ не далъ ему впрочемъ возможности представить очеркъ бытовой исторіи батуринскихъ горожанъ. Мы здѣсь узнаемъ только такъ сказать внѣшнюю, политическую сторону жизни Батурина. Прежде всего авторъ весьма убѣдительно отрицаетъ основаніе Батурина Стефаномъ Баторіемъ, что было измышлено вслѣдствіе созвучія въ словахъ, и доказываетъ, что не далѣе сорока верстъ на западъ отъ Путивля, т. е. примѣрно около границы теперешняго конотопскаго уѣзда была до XVII в. русская «сторожа», а такъ какъ

«сторожа» высматривала непріятеля среди «полей», то значитъ къ западу отъ сторожевыхъ становъ и были только «поля», т. е. пустыя незаселенныя земли; въ этой мѣстности до XVII в. никакихъ поселеній не было да и быть не могло вслѣдствіе полной беззащитности ея. Основанъ же Батуринъ на самомъ дѣлѣ въ 1625 г., по распоряженію короля, Матвѣемъ Стахорскимъ, управляющимъ лѣвобережными имѣніями Александра Пясочинскаго. Свѣдѣніе это заимствовано авторомъ у г. Руликовскаго, который пользовался неизвѣстно гдѣ теперь находящимся архивомъ Росцишевскихъ. Гетманскою резиденціей Батуринъ сталъ съ 1669 г., побывавъ предварительно въ нѣсколькихъ частныхъ рукахъ. Батуринъ былъ расположенъ въ центрѣ лѣвобережной Малороссіи, на чертѣ, отдѣляющей Полѣсье отъ степей— и потому казацкая рада, избравшая Многогрѣшнаго гетманомъ, назначила Батуринъ его резиденціей вмѣсто разрушеннаго Переяслава. При Самойловичѣ въ Батуринѣ имѣлся уже гетманскій замокъ. При Мазепѣ укрѣпленія Батурина, по заявленію Кочубея, были ничтожны, такъ какъ гетманъ ихъ не исправлялъ и занимался только своимъ пригороднымъ подворкамъ Гончаровкой. Послѣ измѣны Мазепы Батуринъ подвергся разоренію со стороны русскаго войска. Въ развалинахъ Батуринъ пребывалъ долго. Впрочемъ уже гетманъ Даніилъ Апостолъ ходатайствовалъ предъ русскимъ правительствомъ о перенесеніи изъ Глухова гетманской резиденціи въ Батуринъ. Дозволено это было однако только въ 1750 г. гетману Кириллу Разумовскому. Палаты для Разумовскаго, по его порученію, строилъ извѣстный Тепловъ на мѣстныя средства и мѣстными силами. По уничтоженіи гетманства въ 1764 г. Екатерина II подарила Разумовскому батуринскій гетманскій домъ и прочія воздвигнутыя Тепловымъ зданія. Съ 1776 г. Разумовскій жилъ въ Батуринѣ и умеръ въ немъ въ 1803 году.

Сводъ всѣхъ этихъ свѣдѣній о бывшей гетманской резиденціи не лишенъ интереса и значенія для людей, занимающихся исторіей гетманщины.

Переходя за симъ къ статьѣ *Н. Н. Оглоблина «Служба въ Сибири Демьяна Многогрѣшнаго»*, мы не можемъ, конечно, не признать весьма естественною пытливость автора опредѣлить, въ какіе тартарары могли въ XVII и XVIII вѣкѣ попадать такіе видные малорусскіе дѣятели, какъ напримѣръ бывшій гетманъ Демьянъ Игнатьевичъ Многогрѣшный; для характеристики той поры это имѣетъ большое значеніе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы думаемъ, что правила ne quid

nimis забывать не слѣдуетъ, и что поэтому не должно изслѣдователямъ всегда вникать во всѣ подробности жизни важныхъ людей въ такіе ея періоды, когда она ровно никакого историческаго интереса не представляетъ. Изъ статьи Н. Н. Оглоблина мы именно узнаемъ и то, что можетъ имѣть интересъ, и то, что совершенно безразлично для какихъ бы то ни было историческихъ выводовъ. Въ статьѣ нашего автора прежде всего мы находимъ весьма интересный пересказъ о томъ, какъ долго Многогрѣшный томился въ тюремномъ заключеніи, какъ его хотѣли было изъ «тюремныхъ сидѣльцовъ» сдѣлать козакомъ и отдать въ «пѣшью козачью службу», какъ этому помѣшали побѣги его товарищей по несчастью и «частокротныя» прошенія врага его гетмана Самойловича, какъ онъ «скитался межъ дворъ и помиралъ чуть не голодною смертью», какъ наконецъ попалъ въ «дѣти боярскіе» съ опредѣленнымъ жалованіемъ, а потомъ сталъ «сѣдокомъ», по выраженію одного китайскаго документа, т. е. сѣлъ на приказѣ въ Селенгинскѣ въ товариществѣ съ сыномъ Петромъ и сталъ ревностно охранять свой селенгинскій острогъ съ его населеніемъ отъ бунтовавшихся противъ русской силы мунгаловъ и табунутовъ и какъ наконецъ закончилъ жизнь постриженіемъ въ монахи, что̀ случилось въ 1696 году. Но рядомъ съ этими данными, имѣющими значеніе, авторъ приводитъ и другія, и именно подробности стычекъ Многогрѣшняго и его сына съ табунутами и мунгулами, что̀ уже едвали интересно. Нельзя при этомъ надивиться необыкновенной обстоятельности Н. Н. Оглоблина при передачѣ содержанія документовъ о службѣ Многогрѣшнаго, найденныхъ вновь въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи и заключающихъ въ себѣ именно эти ненужныя подробности.

Къ числу статей, затрогивающихъ серьезные историческіе сюжеты южной и западной Руси, принадлежитъ и живо написанная статья *проф. И. В. Лучицкаго* съ двойнымъ заглавіемъ *«По поводу Дрогичинскихъ древностей. Замѣтки къ исторіи торговыхъ сношеній Ганзы съ сѣверо-западной и южной Русью»*. Не касаясь сперва повода, по которому написана данная статья, отмѣтимъ въ ней вторую и третью главы, какъ такія, которыя сами по себѣ даютъ много читателю независимо отъ цѣлей, къ какимъ онѣ направлены. Во второй главѣ идетъ рѣчь о клеймахъ и ихъ употребленіи въ средніе вѣка и новое время. Авторъ, пользуясь довольно значительной западно-европейской литературой по данному вопросу, выводитъ происхожденіе клеймъ изъ тѣхъ условныхъ мѣтокъ на всякаго рода

одушевленыхъ и неодушевленыхъ предметахъ въ обиходѣ сельскихъ хозяйствъ и вообще въ промыслахъ, какія и теперь въ ходу у насъ сплошь и рядомъ. Съ усложненіемъ экономическихъ отношеній, узнаемъ мы далѣе, всѣ такія мѣтки пріобрѣли и юридическую силу. Установленіе при этомъ знаковъ не было вполнѣ произвольнымъ, такъ какъ требовалось, чтобы знакъ, усвоенный кѣмъ-либо, былъ принятъ и признанъ сосѣдями, сдѣлался извѣстнымъ всѣмъ имъ на всемъ протяженіи округа. Знаки такіе уже издавна въ Германіи назывались Hofmarken, Hausmarken. Они переходили по наслѣдству и въ случаѣ распаденія рода на нѣсколько семействъ одно только наслѣдовало знакъ безъ измѣненій, у остальныхъ же онъ получалъ тѣ или другіе придатки. До XVI в. въ употребленіи было два типа знаковъ: или это были геометрическія начертанія самого разнообразнаго вида, или это были изображенія какихъ-либо фигуръ—человѣческой ли головы или лица, птицъ, звѣрей, орудій всякаго рода (топора, пилы, угольника и т. д.). Владѣльцы товаровъ, пересылавшихся съ развитіемъ торговли при посредствѣ нанятыхъ лицъ, стали снабжать свои товары своими Hofmark'ами и Hausmark'ами. Каждый купецъ приэтомъ въ нотаріальныхъ книгахъ заявлялъ о своемъ знакѣ, заносилъ изображеніе его въ торговыя книги. Завелись у купцовъ прусскихъ сперва, а потомъ и у другихъ кольца съ ихъ знаками и печати. До XVI в., повторяемъ, знаки геометрическіе и фигурные преобладали, на печатяхъ же XVI и XVII в. стали уже попадаться и буквы (инициалы). Во всемъ районѣ Ганзы на товарахъ и въ торговыхъ сдѣлкахъ было въ ходу употребленіе печатей со знаками и товарныхъ пломбъ.

Далѣе въ третьей главѣ професоръ съ фактами въ рукахъ доказываетъ, что Ганза еще въ 1346 г. въ одну изъ своихъ Willkuren внесла постановленіе, въ силу котораго изученіе русскаго языка сдѣлано было обязательнымъ для молодыхъ людей купеческаго званія (не старше 20 лѣтъ), и что вообще она очень была заинтригована торговыми сношеніями съ Русью, и это не только съ Новгородомъ, но и съ сѣверо-западною и южною Русью. Сперва Торнъ, а потомъ Данцигъ являлись посредниками Ганцы въ этой торговлѣ. Лѣсъ и лѣсные продукты были главными предметами вывоза изъ Руси и Литвы; кромѣ того, отсюда же шли мѣха, воскъ, кожи, хлѣба, пряжа и пенька. Обратно везли обработанные продукты «Hosen und Mützen» или такіе, какъ сельди.

Путь шелъ для торговцевъ все время по рѣкамъ. Главною артеріею служила Висла, затѣмъ Наревъ до Пултуска, наконецъ З. Бугъ, гдѣ торговый путь захватывалъ Нуръ, Дрогичинъ, Мельникъ и доходилъ до Брестъ-Литовска. Были впрочемъ еще и другіе пути. Торговля Данцига съ Волынью и Луцкомъ усилилась послѣ паденія связей Данцига съ Ковно и Литвой. По З. Бугу торговля эта началась еще въ концѣ XIV или въ началѣ XV вѣка. Длилась она и въ послѣдующіе вѣка, а въ XVII и XVIII в. Данцигъ торговалъ и съ лѣвобережной Украиной.

Всѣ эти свѣдѣнія изложены авторомъ по поводу тѣхъ объясненій, какія приводились членами Виленской Археологической Коммиссіи, учеными чешскими, принадлежащими къ пражскому ученому Обществу Славянскихъ Древностей, и нѣкоторыми учеными изъ археологическаго великобританскаго института относительно массы свинцовыхъ пломбъ, найденныхъ лѣтомъ 1864 г. на берегу р. Буга подлѣ г. Дрогичина гродненской губерніи бѣльскаго уѣзда. Перечисленные ученые терялись въ догадкахъ при этомъ: одни называли пломбы чуть не ятвяжскими канцелярскими печатями, другіе признавали ихъ торговыми знаками, но сдѣланными какимъ-то дрогичинскимъ мастеромъ, и только англійскіе ученые признали ихъ весьма распространенными торговыми пломбами, фабриковавшимися всюду въ районѣ ганзейской торговли. Г. Лучицкій, примыкая къ послѣднему мнѣнію, имѣлъ въ виду облечь его въ плоть и кровь и уясненіемъ значенія клеймъ въ торговлѣ среднихъ и новыхъ временъ, и точнымъ опредѣленіемъ путей, какими шла эта торговля, причемъ Дрогичинъ оказался городомъ, гдѣ могла быть товарная пристань.

Въ общемъ г. Лучицкій высказалъ много несомнѣннаго, но, какъ утверждаютъ люди, тоже компетентные въ археологическихъ вопросахъ, характеръ дрогичинскихъ пломбъ не совсѣмъ таковъ, чтобы ихъ безъ затрудненій причислить ко торговымъ клеймамъ, и потому, по ихъ мнѣнію, побиваемые авторомъ противники не убѣждаются его доводами и не признаютъ себя крайними невѣждами. Да и въ нѣкоторыхъ частныхъ положеніяхъ автора можно усмотрѣть преувеличенія по вопросу, напр., о торговлѣ Данцига съ Волынью съ конца XIV вѣка; ссылаясь на акты кіевск. центр. архива, описи которымъ уже составлены, можно кажется утверждать, что Волынь очень слабо откликалась на торговые зазывы Ганзы. Конечно, въ такихъ возраженіяхъ г. Лучицкому есть доля истины, тѣмъ не менѣе, повторяемъ, данная работа его богата и несомнѣн-

ными данными, а ужъ во всякомъ случаѣ послѣ ея прочтенія мало найдется охотниковъ раздѣлять мнѣніе г. Леопардова по поводу злополучныхъ пломбъ—будто онѣ были занесены въ Дрогичинъ или въ мѣстность, гдѣ возникъ позже городъ, христіанами, бѣжавшими сюда отъ гоненій, воздвигнутыхъ римскими императорами; если принять еще въ разсчетъ, что христіане эти, по утвержденію г. Леопардова, должны были быть славянами, и что г. Леопардовъ Южный Бугъ смѣшиваетъ съ Западнымъ, то тѣмъ болѣе адептовъ у его мнѣнія не будетъ.

Въ статьѣ проф. *В. З. Завитневича «Вторая археологическая экскурсія въ Припетское Полѣсье»* читатели VI книги *Чтеній* получаютъ рядъ очень точныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и скучныхъ протоколовъ произведенныхъ имъ раскопокъ, а кромѣ того, и попытки установить нѣкоторыя этнографическія различія у древнихъ русскихъ славянъ по различнымъ типамъ погребенія. Многія заключенія автора оспариваются другими археологами въ виду неопредѣленности многихъ данныхъ добытыхъ пока раскопками. Есть впрочемъ у автора догадки и соображенія, съ которыми прямо таки нельзя согласиться въ виду полной произвольности и недостаточной логичности. Имѣемъ, напримѣръ, въ виду догадки автора объ исчезновеніи деревянныхъ столбовъ, поддерживавшихъ сосуды съ прахомъ покойниковъ (стр. 22).

Много произвольнаго встрѣтитъ читатель разбираемаго тома *Чтеній* и въ *«Археологическихъ замѣткахъ» проф. А. И. Соболевскаго*. Замѣтки относятся къ русскимъ лѣтописямъ и болѣе всего къ начальной, и всѣ почти основаны на довольно гадательной филологіи.

Въ отдѣлѣ *Матеріаловъ* въ данномъ томѣ чтеній помѣщены слѣдующіе: *Святаго Кирилла, ексарха Александрійскаго, игумена, наука о противной уніи»* (сообщилъ *А. С. Крыловскій*); *«Росписной списокъ г. Кіева 1700 г.* (сообщилъ протоіерей *П. Г. Лебединцевъ*); *Старинныя замѣтки о родѣ Горленковъ и Записки Іоасафа Горленка, епископа бѣлгородскаго* (сообщилъ *В. П. Горленко*); *«Бранъ честныхъ седми добродѣтелей з седми грѣхами и пр.» Іоасафа Горленка* (сообщилъ В. П. Горленко); *«О разборѣ архива графа П. А Румянцева-Задунайскаго» (Записка М. О. Судіенка)* (сообщилъ *В. С. Иконниковъ*) и наконецъ *«Древній помянникъ Кіево-Печерской лавры» (конца XV и начала XVI ст.)* (сообщилъ *С. Т. Голубевъ*).

За недостаткомъ мѣста отмѣтимъ здѣсь только по поводу сообщенія А. С. Крыловскаго, что «наука о противной уніи» по языку

есть если не самостоятельный трудъ какого-либо западно-русскаго писателя конца XVI или начала XVII вѣка, то во всякомъ случаѣ переводъ съ греческаго, сдѣланный на тогдашній западно-русскій книжный языкъ. Сочиненіе это могло быть даже переведено въ Москвѣ, если ужъ г. Крыловскому такъ угодно связать его съ сѣверною Русью, но все же человѣкомъ западной Руси, не отвыкшимъ отъ своей книжной рѣчи и не усвоившимъ тогдашняго московскаго русскаго языка. Что до почерка рукописи, признаннаго г. Соболевскимъ за обычный великорусскій, то по почерку рукописи опредѣлять автора ея нельзя во всѣхъ случаяхъ: авторъ или переводчикъ могъ быть одной народности, а переписчикъ другой.

Прибавимъ въ заключеніе, что въ данномъ томѣ *Чтеній* помѣщены еще рѣчи, произнесенныя въ годичномъ засѣданіи Общества Нестора профессорами *П. В. Владиміровымъ* и *Н. П. Дашкевичемъ*. Первому принадлежитъ рѣчь «*Историческіе сюжеты въ поэзіи М. Ю. Лермонтова*», а второму — «*Мотивы міровой поэзіи въ творчествѣ Лермонтова*». Рѣчи вполнѣ соотвѣтствуютъ юбилейному торжеству по поводу исполнившагося пятидесятилѣтія со дня смерти поэта. Рѣчь Н. П. Дашкевича печатаніемъ не окончена и пока устанавливаетъ то несомнѣнно вѣрное положеніе, что до сихъ поръ русская критическая литература предавалась о Лермонтовѣ толкамъ вкривь и вкось, не сдерживая своихъ сужденій никакимъ опредѣленнымъ критеріемъ. Съ интересомъ наконецъ читается помѣщенная въ *Чтеніяхъ* краткая *поминка по Л. К. Лазаревичѣ, сербскомъ писателѣ*, принадлежащая перу *А. І. Степовича*.

Я. Ш.

Извѣстія Таврической Ученой Архивной Коммиссіи—№ 15 (годъ шестой). Подъ редакціею правителя дѣлъ Арсенія Маркевича. Симферополь. 1892 г.

Настоящая книга «Извѣстій» столь же богата содержаніемъ, какъ и предшествующія. Мы находимъ здѣсь прежде всего продолженіе печатаемаго Ѳ. Ѳ. Лашковымъ «*Реестра крымскаго двора старыхъ лѣтъ дѣламъ, въ столпахъ содержащимся, съ 1579 по 1700 г.*», о цѣнности котораго для людей науки мы уже сказали при разборѣ № 14 «Извѣстій»; теперь прибавимъ лишь, что и продолженіе мы прочли съ неменьшимъ интересомъ, какъ и начало. Весьма было бы

полезно, если бы Коммиссія выпустила въ свѣтъ отдѣльные оттиски этого реестра.

«*Ордера графа Платона Александровича Зубова правителю Таврической области въ 1793 году*», сообщенные г. Кирѣенкомъ, содержатъ въ себѣ распоряженія Зубова о развитіи хлѣбопашества, промысловъ, русской морской торговли, о поддержаніи козачьей черноморской флотиліи и проч., какъ о предметахъ первостепенной важности для края, который началъ незадолго передъ тѣмъ заселяться русскими людьми; поэтому напечатанные ордеры послужатъ цѣннымъ матеріаломъ для мѣстной исторіи той эпохи; одно неудобство—нѣтъ описей при каждомъ ордерѣ; читатель для того, чтобы найти нужный ордеръ, волей-неволей долженъ терять безполезно время на прочтеніе всѣхъ ихъ отъ начала до конца.

И въ этомъ номерѣ, какъ и въ предъидущемъ, мы находимъ новый «*Статейный списокъ*»; на сей разъ г. Лашковъ даетъ намъ списокъ *Семена Безобразова*, посланнаго въ Крымъ въ 1593 г. памятнику этому издателемъ предпослано небольшое предисловіе, гдѣ изложены обстоятельства, при которыхъ совершилась отправка посольства, и указаны результаты, которыхъ оно достигло. Нѣтъ необходимости, намъ кажется, говорить о важности этого документа для политической исторіи Московскаго государства и Крымскаго ханства. «Статейный списокъ» содержитъ не мало любопытныхъ подробностей и для исторіи южной Россіи; отмѣтимъ, между прочимъ, подробности о походѣ татаръ подъ г. Константиновъ и произведенныхъ ими на Волыни разоренінхъ, а также о намѣреніи хана перенести свою столицу изъ Бахчисарая на берега Днѣпра у перевоза Кашнина, называемаго также Ебулаемъ (по-русски Добрый перевозъ) и лежащаго выше пороговъ; въ другомъ же мѣстѣ «Списка» говорится, что этотъ перевозъ ниже пороговъ (сравн. стр. 80 и 82). Ошибка ли это въ подлинникѣ, описка ли копіиста или типографская опечатка? Разобраться трудно. Въ предисловіи же издателя мы не видимъ разъясненія этого недоразумѣнія.

Въ «*Керченскихъ древностяхъ*» г. *Ящуржинскій* описываетъ три коллекціи археологическихъ предметовъ: гг. Цѣхановскаго, Савицкаго и свою собственную. Болѣе обстоятельное описаніе предметовъ дано авторомъ только для двухъ послѣднихъ коллекцій. Въ коллекціи самаго автора, большей изъ описываемыхъ, изъ 20 предметовъ упомянуты два кирпича (матеріалъ, величина, назначеніе и мѣсто нахожде-

нія не обозначены) съ подписями и донышко сосуда [1]); остальные—всѣ клейма (на амфорныхъ ручкахъ?) съ подписями и изображеніями боговъ, людей, животныхъ, птицъ и т. п. Въ коллекціи г. Савицкаго 14 клеймъ (т. е. амфорныхъ ручекъ съ клеймами?); всѣ они также съ подписями и изображеніями представителей всѣхъ царствъ природы. Но кромѣ клеймъ, у г. Савицкаго хранится еще известковый камень, пріобрѣтенный владѣльцемъ въ Тамани; камень имѣетъ $17^1/_2$ с. (?) высоты, 16 с. (?) ширины и 9 с. (?) толщины [2]). На этой-то известковой глыбѣ сохранились остатки лишь пяти словъ отъ бывшей когда-то на ней надписи. О коллекціи г. Цѣхановскаго сказано очень мало, а между тѣмъ, по словамъ г. Ящуржинскаго, она состоитъ «изъ большаго количества бусъ, между которыми (между бусами?) обращаютъ вниманіе изображенія (на чемъ? на бусахъ?) Пріама, гермы, Бахуса» и проч. и, наконецъ, *кукишь* (курсивъ у автора). Къ сожалѣнію, г. Ящуржинскій, при слишкомъ большой краткости описанія «керченскихъ древностей», не дѣлаетъ никакихъ заключеній ни о важности самыхъ предметовъ, ни о важности надписей на нихъ. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что работа г. Ящуржинскаго носитъ слѣды большой спѣшности.

«*Описаніе дѣлъ Таврическаго историческаго архива*», печатаемое А. И. Сѣницкимъ, продолжается и въ разбираемой нами книжкѣ. Не будемъ останавливаться на нелѣпости дѣленія архивовъ на историческіе и неисторическіе: всѣ архивы безъ исключенія могутъ служить исторіи; если же и требуется для архива опредѣленіе, то оно должно быть или географическое, смотря по территоріи, которую обнимаютъ старыя дѣла, или оно должно заимствоваться отъ учрежденій, при которыхъ архивы состоятъ. Посмотримъ лучше, что историческое выбирается для этихъ *историческихъ* архивовъ. Изъ печатаемой описи мы видимъ, что для храненія въ архивѣ выбираются главнымъ образомъ дѣла выдающіяся, не имѣющія себѣ подобныхъ, исключительныя по содержанію; заурядныя же дѣла, составляющія большинство, въ которыхъ-то и слѣдуетъ искать особенностей мѣстной жизни, выбрасываются (или точнѣе—откладываются для продажи въ магазины и лавки на обертку). Куда же годятся и для какихъ историческихъ

---

[1]) Кирпичи и донышко отнесены авторомъ почему-то къ клеймамъ.

[2]) Авторъ означаетъ мѣру высоты, ширины и толщины буквой *с*; мы читаемъ ее сажень, хотя *с* можетъ означать и сантиметръ. Слишкомъ ужъ экономное сокращеніе словъ даетъ поводъ къ недоразумѣнію.

задачъ потребуются такія отрывочныя дѣла, которые имѣютъ значеніе только въ общей массѣ? Все почти уничтожается. Напр., изъ 5135 дѣлъ, которыя были разсмотрѣны, отобрано всего только 12 дѣлъ! Желательно было бы поэтому узнать, изъ какихъ источниковъ можно будетъ заимствовать матеріалъ для исторіи одного изъ существеннѣйшихъ вопросовъ русской жизни—крестьянскаго, когда дѣла объ ищущихъ вольности [1]) и закрѣпощеніи уничтожаются, такъ же какъ и дѣла о бѣглыхъ и передержательствѣ, объ отпускаемыхъ на волю, о продаваемыхъ; не видимъ мы также дѣлъ о скоропостижно умершихъ, *якобы* отъ побоевъ нанесенныхъ управляющимъ имѣніемъ, и многихъ другихъ дѣлъ, касающихся народнаго быта; всѣ дѣла, рисующія семейную жизнь: отношенія мужа къ женѣ, родителей къ дѣтямъ и дѣтей между собой, должны быть безусловно сохранены, а мы опять-таки въ описи ихъ не видимъ, какъ не видимъ дѣлъ объ убійствахъ, самоубійствахъ и дѣтоубійствахъ; между тѣмъ они рисуютъ общественную нравственность. Не говоримъ уже о другихъ вопросахъ: административныхъ, юридическихъ и проч., для которыхъ едва-ли что-нибудь останется. Правда, каждое изъ указываемыхъ нами дѣлъ въ отдѣльности ничтожно, но въ общей массѣ это одна изъ чертъ большой картины мѣстной жизни. Такихъ дѣлъ набирается множество, но чтобы сберечь побольше мѣста, если ихъ негдѣ хранить, нужно только изъ каждаго дѣла отдѣлить экстрактъ, доклады, со всѣми наиболѣе важными документами или показаніями участвующихъ въ дѣлѣ лицъ. Экстракты занимаютъ иногда полъ листа всего, хотя въ болѣе старыхъ дѣлахъ доходятъ до 5 и болѣе листовъ; отбрасывать можно дѣла, но лишь по ничтожнымъ явленіямъ жизни, какъ, напр., оскорбленія, мелкія кражи, но и изъ нихъ слѣдуетъ все-таки выбрать характерныя; можно также отбрасывать дѣла переносимыя по апелляціи въ высшіе суды или такія гражданскія дѣла, документы по которымъ записаны въ актовыхъ книгахъ: продажи, уступки, завѣщанія и проч.; всѣмъ же уничтоженнымъ дѣламъ обязательно должна быть составлена опись, чтобы можно было судить о количествѣ дѣлъ извѣстнаго рода. Если же изъ каждой тысячи дѣлъ будетъ сохраняться одно—два дѣла, то смѣло и вѣрно можно предсказать, что скоро у насъ не будетъ ни матеріала для мѣстной исторіи, ни необходимости въ ученыхъ архивныхъ коммиссіяхъ. Говоря это, мы имѣемъ въ виду

[1]) Вѣдомость объ ищущихъ вольности сохранена, а дѣла отброшены; между тѣмъ слѣдовало поступить какъ разъ наоборотъ.

не одну Таврическую ученую архивную коммиссію, но и всѣ другія, гдѣ также идетъ огульное уничтоженіе старыхъ дѣлъ, собиравшихся вѣками. Вообще, слѣдуетъ имѣть въ виду при разборѣ архивовъ, что задачи будущихъ историковъ намъ неизвѣстны и что уничтожая дѣла на нашъ взглядъ малозначущія, мы быть можетъ лишаемъ возможности изслѣдовать такіе вопросы, важности которыхъ теперь просто не понимаемъ и не подозрѣваемъ. Лучше сохранить десять неважныхъ дѣлъ, чѣмъ одно важное уничтожить.

Въ печатаемомъ описаніи, мы не замѣчаемъ никакой системы; хронологическая никуда не годится и ее рѣшительно надо оставить, замѣнивъ расположеніемъ дѣлъ по содержанію и территоріи. Сказанное о разборѣ архивовъ наводитъ на мысль о необходимости объединенія дѣйствій коммиссій и выработки обстоятельной программы для выбора дѣлъ, важныхъ въ научномъ отношеніи. Однако, въ заключеніе слѣдуетъ отмѣтить, что коммиссія, какъ показываютъ это ея протоколы, имѣла въ весеннемъ полугодіи два засѣданія и что вслѣдствіе такой рѣдкости ихъ ей приходилось разрѣшать по 30 вопросовъ.

И. Каманинъ.

Обозрѣніе журналовъ.

Восходъ № 4—8. *Бершадскій С. А. Въ изгнаніи. Очеркъ изъ исторіи литовскихъ и польскихъ евреевъ въ концѣ XV столѣтія.* Главы III, IV и V. (№ 4 стр. 117—137, № 6 стр. 32—53, № 7 стр. 50—65, № 8 стр. 18—27).

Литературная хроника: *Не-еврей. Литературный іезуитизмъ.* Разборъ книги С. Я. Диминскаго «Евреи, ихъ вѣроученіе и нравоученіе» (№ 4 стр. 12—35, № 5 стр. 17—29).

Никитинъ В. Н. Еврейскія земледѣльческія колоніи въ Западномъ краѣ. Гл. XX—XXI (№ 6 стр. 97—115).

Блюменфельдъ Ис. Письма о херсонскихъ еврейскихъ колоніяхъ. Письма IV и V. (№ 7 стр. 1—12, № 8 стр. 1—9).

Гр. Ос. Новое объясненіе источниковъ древнерусской литературы. Разборъ статьи Г. М. Барана «Кирилло-Меѳодіевскіе вопросы», напечатанной въ «Трудахъ Кіев. Дух. Академіи». № 7 стр. 28—35).

Biblioteka Warszawska № 4—8. *K. Gorski. Pierwsza wojna Rzeczypospolitej z wielkiem księztwem Moskiewskiem za Batorego* (№ 4, стр. 93—117).

Antoni I. Dzieje osadnictwa tatarskiego na wołoskiem pograniczu. Краткій очеркъ исторіи татарскихъ поселеній въ вел. кн. Литовскомъ и исторія татарскихъ поселеній въ Подоліи. (№ 5 стр. 202—222, № 6 стр. 381—406, № стр. 83—117).

Kozłowski Stanisław. Henryk Sienkiewicz jako powieściopisarz historyczny. (№ 6 стр. 526—543, № 7 стр. 119—137, № 8 стр. 337—354).

Kwartalnik Historyczny № 3. *I. Korzon. Nowa książka o Koliszczyznie.* Разборъ книги Я. Н. Шульгина «Очеркъ колівщины по неизд. и изд. документамъ 1768 и ближ. г.г.». Авторъ отрицаетъ всякое значеніе книги г. Шульгина и дѣлаетъ рядъ нападеній на «тенденціональность» историковъ «кіевской школы», къ которымъ онъ причисляетъ и автора разбираемой имъ книги. (Стр. 527—540).

A. Czołowski d-r. Relacya o oblężeniu miasta Lwowa przez Bohdana Chmielnickiego 1648 roku. Текстъ документа съ краткимъ предисловіемъ. (Стр. 543—550).

F. Bostel. Stacye krolewskie na Rusi w r. 1524. (Стр. 550—552).

Въ отдѣлѣ *рецензій* разобраны слѣдующія книги: 1) *F. Bostel Żydzi ziemi lwowskiej ip owiatu żydaczowskiego w r. 1765* (рец. *I. S. Fraenkel.* Стр. 623—625). 2) *Budzynowski M. Kronika miasta Sambora* (рец. L. Dziedzicki. Стр. 625). 3) *Papée. Skole i Tucholszczyzna* (рец. A. Czołowski. Стр. 625—628).

Списокъ книгъ, относящихся къ Южной Россіи.

Абель В. И. д-ръ. Куяльницкій (Андреевскій) лиманъ. Изд. одес. гор. общ. управ. Од. 1892. in—8. 94 стр. + 2 плана.

Авенаріусъ Н. Нѣсколько словъ о дрогичинскихъ пломбахъ. (Отт. изъ Зап. Имп. рус. археолог. общества). Спб. 1892. in—8. 12 стр.

Archiwum komisyi historycznej, t. VI. Kraków, nakł. Akademii umiej. 1891. in—8. IV+463+1 стр. (Żydzi ziemi lwowskiej i powiatu żydaczowskiego w r. 1765, zestawił F. Bostel (стр. 357—378): Wiadomości o rękopisach prawno-historycznych biblioteki ces. w Petersburgu, sprawozdanie z poszukiwań, przez d-ra A. Blumenstoka 379—463 стр).

Bieliński St. d-r. Sprawa kredytu melioracyinego dla rolników w Galicyi. (Odbitka z Ekonomisty Polsk.). Lwòw. 1891. in—XII+73 стр.

Blumenstok Alfr. Wiadomość o rękopisach prawno-historycznych biblioteki ces. w Petersburgu, sprawozdanie z poszukiwań. (Otb. z t. VI Archiwum Kom. hist. Akad. umiej.) Krakòw. 1891. in—8. 87+1 стр.

Bułharyn Tad. Mazepa, romans historyczny. Lwòw, in — 8. 359 стр.

Витберъ Ѳ. А. Н. А. Гоголь и его новый біографъ (По поводу книги Н. Шенрока. «Матеріалы для біографіи Гоголя» т. 1. М. 1892). Спб. 1892. in—8. 40 стр. ц. 30 к.

Havlíček Borowský K. Krest Sv. Vladimira, legenda z ruskè historiè. 3—ti vydání. Praha. 1891. in—8. 47 стр.

Гоголь Н. В. Тарасъ Бульба. Пов. (въ сокращ. видѣ). Приспособлена для чтенія въ народн. аудиторіяхъ. Изд. учрежденной по Высочайшему повел. М-ромъ Н. Пр. постоян. комм. по устройству нар. чтеній. Изд. 2-е. Спб. 1892. in—8. 58. стр. ц. 5 к.

Hryncewicz-Tulko Iul. dr. Charakterystyka fizyczna ludności żydowskiej Litwy i Rusi na podstawie własnych spostrzeżeń (Odb. ze Zbioru wiadomości do antropol. kraj. XVI, I). Krakòw. in—8. 62 стр.

Dan Dimitrie. Amenii orientali diu Bucovina (Popoarele Bucovici, I). Czerniowce. 1891. in—8. 45 стр.

Daszkiewicz Silv. Die Lage der gr.-or. Ruthenen in der Bukowinaer Erzdiöcese, zugleich Antwort auf die Apologien des Bukowinaer gr. or. Metropoliten Silvester Masariu Andriewicz. Czernowitz. 1891. in—8. 171 стр.

Dunikowski E. dr. prof. Atlas geologiczny Galicyi, text do zesytu IV. Krakòw, wydawnictwo Kom. fisyograf. Akad. umiej. 1891. in—8. 63 стр.

Dunikowski E. dr. prof. Geologischer Atlas von Galizien, IV. (Nadb. z Anzeiger der Akad. der Wissensch.). Krakau. in—8. 47—58 стр.

Ермиловъ В. Е. Великій артистъ-крестьянинъ Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ. Біограф. очеркъ съ портр. М. 1892. in—8. 60 стр. ц. 40 к.

Żarnowiecki Longin ks. Starożytne skaty kościelne w dyecezyach łuckiej i żytomierskiej, opisał... mgr teologii, proboszcz monasterzyski, dziekan humański. Kijów. 1891. in—8. 24+1 стр.+4 фототипіи.

Жизнь преп. Антонія Печерскаго, любечскаго и кіевскаго чудотворца. (983—1073). Изд. 2. М. in—16. 34 стр.

Житіе преп. и богон. отецъ Антонія и Ѳеодосія кіево-печерскихъ, первоначальниковъ иноческаго общежитія въ Россіи. Изд. 2-е Е. Губанова. М. in—16. 35 стр.

Зерцаловъ С. А. ветер. врачъ. Степное скотоводство въ Новороссійскомъ краѣ, его прошлое и настоящее. (Изъ «Зап. Имп. Общ. сел. хоз. южн. Россіи». за 1891 г.). Од. 1892. in—8. 81 стр. ц. 50 к.

Императорское православное палестинское общество. Его ученые и литературные труды. Ш. Жизнь и странствованія Василія Григорьевича Барскаго. Сост. Ѳ. Грековъ (Палеологъ). 1892. in—8. 44 стр. ц. 15 к.

Календарь Черниговской губ. на 1892 г. Изд. черниг. губ. статист. ком. (Годъ 6). Черниговъ. 1891. in—8. 361+V стр. ц. 1 р.

Календарь черниговской епархіи на 1892 г. Съ портр. преосв. Веніамина. (Годъ 2). Черниговъ. 1891. in—8. 234 стр. ц. 1 р. 25 к.

Карабчевскій Н. Положеніе винодѣлія въ Крыму и его нужды. (Изъ ж. «Вѣстн. винодѣлія»). Спб. in—8. 15 стр.

Kętrzyński W. Die Grenzen Polens im X Jahrhundert. (Отт. изъ Anzeiger der Akad. d. Wissensch) Krakau. in—8. 91—97 стр.

Кіевскій сборникъ. Въ помощь пострадавшимъ отъ неурожая. Подъ ред. И. В. Лучицкаго. Кіевъ. 1892. in—8. 2+II+433 стр. ц. 2 р. 50 к.

Котляревскій И. П. Москаль — чарівникъ. Малорос. опера въ 1 дѣйств. Изд. Ф. Іогансона К. in—64. 127 стр.

Кохановскій В. Одесса и ея окрестности. Полный иллюстрированный путеводитель и справочная книга съ 4 планами, 4 картами и 62 рис. (3 годъ изданія). Од. 1892. in—8. 352+202 стр.

Кочубинскій А. Рецензія на книгу г. Житецкаго «Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія». Спб. 1892. in—8. 97 стр.

Краткій обзоръ дѣятельности горнаго управленія южной Россіи за 1891 г. Составленъ по оффиц. даннымъ горн. управленія южн. Россіи. (Приложеніе къ ж. «Горно-заводскій Листокъ». №№ 7 и 8). Хар. 1892. in—8. 62 стр.

Краткая опись предметовъ, находящихся въ древлехранилищѣ православнаго Св.-владимірскаго братства въ г. Владимірѣ-Волынскомъ. Изд. Св.-владимірскаго братства. К. 1891. in—8. 19 стр.

Крымскій Е. С. Охота на птицъ и звѣрей въ Малороссіи, Украйнѣ и Волыни. Съ приложеніемъ статьи о ружьяхъ и охотничьихъ собакахъ: лягавыхъ и гончихъ. Изд. 2-е дополненное. Звенигородка. 1892. in—8. XII+64 стр. ц. 50 к.

Кудрявцевъ Николай. Геологическій очеркъ Орловской, Курской и Черниговской губ. Спб. 1892. in—8. IV+881 стр.+2 табл.+2 карты.

Latkowski Iul. Mendog, król litewski. (Odb. z t. XXVIII Rozpraw Wydziału histor.-filoz. Akad. umiej). Kraków. in—8. 154 стр. + карта.

— Mendog, roi de Lithuanie. (Отт. изъ Bulletin de l'Acad. des sciences). Cracovie. in—8. 82—91 стр.

Левицкій О. И. Историческое описаніе владиміро-волынскаго Успенскаго храма, построеннаго въ пол. XII в. кн. Мстиславомъ Изяславичемъ. Изд.

Свято-Владимірскаго братства въ г. Владимірѣ-Волынскомъ. К. 1892. in—8. 132 стр.+рис.

Lemberg. (Aus «Oester. Städteduch», IV.) Wien. in—8. 10 стр.

Lengnik W. Geschichte der Evang.-lutherischen Gemeinde zu Jekaterinosslaw 1791—1891. Festrede zum 25—jahrigen Jubiläum des Bethauses. Спб. in—8. 8 стр.

Leszczyc I. N. Gustaw Olizar, marszalek gub. kijowskiej, 1798—1865, życie i prace (Odb. z Pamiętnika). Lwów. in—8. 32 стр.

Limanowski Bol. Galicya przedstawiona słowem i ołówkiem... z rysunkami Wlodz. Tetmajera. Lwów. in—8. 154+2 стр.

Липранди. А. П. (*А. Волынецъ*). 900-лѣтіе православія на Волыни. Очеркъ. Хар. 1892. in-8. 49 стр. ц. 75 к.

Liske X. dr. Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczy-pospolitej polskiej, z archiwum t. zw. bernardyńckiego we Lwowie w skutek fundacyi sw. p. Alex. hr. Stadnickiego wydane staraniem galicyjskiego wydziału krajowego. T. XV. Lwów. 1891. in—4. XIII+720 стр.

Луцыкъ Іеронимъ. Проклятіе матеры, оповиданне для народа (Выдавництво народне, XI. 3). Львовъ. in—16. 20 стр.

Матеріалы для статистики Одессы. Статистическое обозрѣніе Одессы за 1890 г. Составлено стат. бюро при одес. гор. управѣ. Съ прилож. очерка врача П. Н. Діатроптова—Рождаемость и смертность въ Одессѣ въ 1890 г. Изд. одес. гор. обществ. управленія. Од. 1892. in—8. VI+201 стр.

Метелица. Малороссійскій пѣсевникъ. Изд. И. Сытина. М. 1892. in—16. 138+V стр.

Милорадовичъ Г. А. графъ. Сборникъ черниговскаго дворянства (Капиталы для пособія на воспитаніе и другіе. Правила о стипендіяхъ и стипендіатахъ. Программы). Черниговъ. 1892. in—8. 44+II стр. ц. 20 к.

Mischler E. dr. prof. Mittheilungen des statistischen Landesamtes des Herzogthums Bukowina. Heft 1. Czernowitz. in—8. 201 стр.

Mitrofanowicz M. Praktische Grammatik der kleinrussischen, ruthenischen Sprache fur den Selbstunterricht, kurzgefasste theoretisch-praktische Anleitung die kleinrussische Sprache in kürzester Zeit durch Selbstunterricht sich anzueignen, mit zahlreichen Uebungsaufgaben, Gesprächen, Lesestücken, einem kleinrussisch-deutschen und deutsch-kleinrussischen Wörterverzeichnisse. (Bibliothek der Sprachenkunde. XXXVI). Wien. 1891. in—8. VIII+184 стр.

Могыла въ поли. Историчне оповиданне, написавъ сильскій душпастыръ. (Выдавництво народне. X. 12). Львовъ. 1891. in—16. 38 стр.

Орѣшниковъ А. Матеріалы по древней нумизматикѣ Черноморскаго побережья. Съ 3 табл. М. 1892. in—8. 39 стр.

O . . . . Józefina. Zofia Ołołkiewiczówna, księżniczka słucka, powieść historyczna, napisana originalnie przez . . . Lwów. in—8. 320 стр.

Ossowski G. Rapport sur une excursion paléoethnologique faite en Galicie en 1890. (Отт. изъ Bulletin de l' Acad. des sciences). Cracovie. in—8. 27—29 стр.

Ostrożyński Wlad. dr. Galicyjskie Towarzystwo kredytowe ziemskie, jego powstanie i półwiekowy rozwóy. Lwów. in—8. XI + 389 + 1 стр.

Отчетъ о дѣятельности православнаго Св.-Владимірскаго братства въ г. Владимірѣ-Волынскомъ, состоящаго подъ покровительствомъ Е. И. В. Вел. Кн. Константина Константиновича, за 1888, 1889, 1890 и 1891 гг. Петроградъ. 1892. in—8. 29 стр.

Отчетъ попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа о состояніи учебныхъ заведеній округа за 1891 г. К. 1892. in—8. 42+94+26+52+14+13 13+68+42+9+15 стр.+табл.

Отчетъ Харьковскаго городского ремесленнаго училища за 1891 г. Хар 1892. in—8. 22 стр.

Оце галушки! що въ ротъ—то спасибо! Разск. изъ малорос. старины. Изд. Е. Губанова. М. 1892. in—16. 70 стр.

Повистки дви: I. Марко зъ Добровлянъ. II. На Кредитъ. (Выдавництво народне, XI, 4). Львивъ. in—16. 36 стр.

Polek J. dr. Die Anfänge des Volksschulwesens in der Bukowina, ein Beitrag zu einer Geschichte der Bukowinaer Militärverwaltung. Czernowitz. 1891. in—12. 104 стр.

Polek J. dr. Repertorium der landeskundlichen Literatur der Bukowina. (Отт. изъ Mittheilungen des statist. Landesamtes). Czernowitz. in—8. 41 стр.

Polek Joh. dr. Rückblick auf die Forschungen zur Landes—und Volkskunde der Bukowina seit 1773, von . . . . Custos der k. k. Universitäts-Bibliothek in Czernowitz. Vortrag gehalten in der constituirenden Versammlung der Mitglieder des Bukowiner Landas-Museums in Czernowitz. am 21 Februar. 1892. Czernowitz in-8. 32 стр.

Poradowska Marg. Mischa, Sittenbild aus Galizien, aus dem Französischen von August Scheibe. (Allgem. Romanbibliothek, VIII, II). Stuttgart. in—8. 160 стр.

Равноапостольные просвѣтители Россіи—Благовѣрная княгиня Ольга и св. Вел. Князь Владиміръ. Изд. И. Сытина и К°. М. in —16. 35 стр.

Радкевичъ Г. О мѣловыхъ отложеніяхъ Волынской губ. (Изъ минерал. каб-та унив. св. Влад.) К. 1892. in—8. 20 стр.

Родословная гр. Милорадовича. 1891 г. (годъ 6) Черниговъ. 1892. in—16. 11 стр.

Тоже. 1892 г. (годъ 7). Черниговъ. 1892. in—16. 11 стр.

Rocznik statystyki Galicyi, wydany przez krajowe biuro statystyczne (oddział statystyki przemysłu i handlu), pod kierunkiem d-ra Tad. Rutowskiego, rocznik III. 1889—91. Lwów. 1891. in—8. 328+XI стр.

Siemiradzki J. i Dunikowski E. Szkic geologiczny królestwa polskiego, Galicyi i krajów przyległych. (Odb. z Pamiętnika fizyogr). Warszawa. 1891. in—8. 146 стр.+карта.

Słownik geograficzny królestwa polskiego i innych krajów słowiańskich. Wydany pod red. B. Chlebowskiego wedlug planu T. Sulimierskiego. Nakładem W. Walewskiego do końca. tomu X. Tom XII Zeszyt 135. Варш. 1892. 161—240 стр. Zeszyt 136. Варш. 1892. in-4. 241—320 стр.

Слово о полку Игора, переложывъ зе старорусского и пояснывъ селян .. (Выдавництво народне, X, II). Lwów. 1891. in—16. 40 стр.

С. Н. Празникъ въ Грановци, оповиданне для народа, написавъ Н. С. (Выдавництво народне, XI, 2) Львивъ. in—8. 32 стр.

Soltan Abgar. Jòsef Jerzy Hordyński-Fed'kowicz, poeta rusiński na Ukraine, szkic literacki. (Odb. z Przeglądu polsk.). Kraków. in—8. 32 стр.

Справоздане директора ц. к. гимназіи академичнои у Львови за рикъ шкильный 1891. Львивъ. in—8. 19+52 стр. (Содержаніе: Nestoris Chronicon, cap. 57—67. in Romanorum sermonem conversa a Const. Luczakowski).

Стамати К. К.—Воспоминанія объ охотѣ по Бессарабіи. Съ 6 картинами. Изд. 2. Кишиневъ. 1891. in—8. 89 стр. ц. 40 к.

Угодники Божи значнійши, котрыхъ память обходитъ руско-католицка церковь въ мисяцахъ цвитни, маю и червци, написавъ сельскій душпастыръ. (Выдавництво народне, XI, 5). Львивъ. in—16. 40 стр.

Угодники значнійши Божи, котрыхъ память обходыть руско-католицка церковъ въ мисяцяхъ сичню, лютомъ и марти, написавъ сельскій душпастыръ. (Выдавництво народне, XI, I). Львивъ. in—16. 36 стр.

Улезко Н. Отчетъ черниговской городской лѣчебницы за 1890 г. Изд. ж. «Земскій Врачъ». Черниговъ. 1892. in—8. 20 стр.

Czehryński Daniel. Na Podolu, kartka z życia. Kraków. in—16. 125.

Черноморецъ. Сборникъ малороссійскихъ пѣсенъ. Изд. Е. Губанова. М. 1892. in—16. 144 стр.

Czołowski Alex. dr. Pomniki dziejowe Lwowa z archiwum miasta: 1. Najstarsza księga miejska, 1382—1389. Wydat . . . Lwów. in—4. VII+152+1 стр.+1 сним.

Шевыревъ Ив. Вредныя лѣсныя насѣкомыя южной Россіи. Наблюденія 1891 г. I. Насѣкомоядныя птицы и степные лѣса (2 отчета лѣсному департаменту). Спб. 1892. in—8. 28 стр.

Шематизмъ всего клира греко-католической епархіи станиславовской на рикъ Божій 1892. VII. Станиславивъ. in—8. XXII+1+186 стр.

Szemityzm królestwa Galicyi i Lodomeryi z wielkiem ks. krakowskiem na r. 1892. Lwów. in—8. XXIII+995 стр.

Schematismus universi Venerabilis cleri Ruthenorum catholicorum dioeceseos Premisliensis, Samboriensis et Sanocensis pro a. D-ni 1892. Premisliae. in—8. 252 стр.

Эварницкій Д. И. Исторія запорожскихъ казаковъ. Т. I. Съ 22 рис. Спб. 1892. in—8. VII+542 стр. Ц. 4 р.

Юргевичъ В. Краткій указатель музея Имп. одес. общества исторіи и древностей. Изд. 3-е дополн. и испр. Од. 1892. in—8. 95 стр.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЫШЛИ И РАЗОСЛАНЫ ПОДПИСЧИКАМЪ

45-Й—48-Й ВЫПУСКИ

(*Кашу—Копрейницъ*)

НАСТОЛЬНАГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ,

изданіе бывш. т-ва А. Гарбель и К° въ Москвѣ (Больш. Никитская Долгоруковскій пер., д. 8).

Цѣна выпуску 30 коп. на обыкн. бумагѣ и 40 коп. на лучш. бумагѣ; цѣна тому (14 вып.) въ перепл. 4 р. 50 к. на об. б. 6 р. на лучш. бумагѣ.

Подписка на все изданіе (105—115 вып. или 8 том.) по уменьшен. цѣнѣ (25 руб. и 32 руб.) принимается лишь до выхода въ свѣтъ 50-го выпуска.

ПОСТУПИЛА въ ПРОДАЖУ

въ пользу бѣдныхъ матерей и дѣтей, пострадавшихъ отъ цынги и тифа въ воронежской губерніи,

КНИГА:

„РУССКИМЪ МАТЕРЯМЪ".

Сборникъ разсказовъ и стихотвореній о матеряхъ и дѣтяхъ. Съ рисунками Е. Бемъ, Н. Касаткина, К. Лебедева, В. Маковскаго и В. Переплетчикова. Составилъ И. Горбуновъ-Посадовъ.

ЦѢНА 1 РУБЛЬ.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ **И. Д. Сытина и К°.**, Москва, близъ Ильинскихъ воротъ, въ домѣ Титова.

Дозволено ценз. Кіевъ, 28 августа 1892 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXXVIII, 1892 г. Іюль, Августъ и Сентябрь.

стр.

I. СУДЬБА ЭКЗАРХА НИКИФОРА ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ. (Историческій очеркъ). *(Окончаніе)*. **Ѳ. Кудринскаго** . . 1—19

II. ПРЕОСВЯЩЕННЫЙ ВИКТОРЪ САДКОВСКІЙ, АРХІЕПИСКОПЪ МИНСКІЙ, ИЗЯСЛАВСКІЙ И БРАЦЛАВСКІЙ, КОАДЮТОРЪ КІЕВСКОЙ МИТРОПОЛИ, УПРАВЛЯЮЩІЙ СЪ 1785 ПО 1796 ГОДЪ ВСѢМИ ПРАВОСЛАВНЫМИ ЦЕРКВАМИ И МОНАСТЫРЯМИ ВЪ ПРЕДѢЛАХЪ БЫВШАГО Ц. ПОЛЬСКАГО. Протоіерея **Петра Орловскаго**. . . . . 20—54

III. ИЗЪ СЕМЕЙНАГО АРХИВА. II. Записки Евстафія Петровича Рудыковскаго (1796—1874). *(Окончаніе)*. **В. Щербины.** 55—84

IV. СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ. Проф. **Н. Ѳ. Сумцова.** 85—94, 141—159. . . . . 333—349

V. ОТРЫВКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АВТОНОМА АКИМОВИЧА СОЛТАНОВСКАГО. 95—108, 199—216. . . . . 389—404

VI. ПРИСЯГА НА ВѢРНОСТЬ ИМПЕРАТОРУ ПАВЛУ ВЪ ЗАПАДНОМЪ КРАѢ. **В. Храневича**. . . . . 109—113

VII. ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ СВЯЩЕННИКА О. НИКИФОРА ХМѢЛЕВСКАГО ОБЪ УПРАЗДНЕННОМЪ БАЗИЛІАНСКОМЪ УЧИЛИЩѢ ВЪ Г. УМАНИ. Свящ. **Вик. Ильяшевича**. . . . 160—167

VIII. ХАРЬКОВСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА НАЧАЛА НАСТОЯЩАГО СТОЛѢТІЯ. **С. Р.** . . . . . 168—198

стр.

IX. БОГУСЛАВСКІЙ МОНАСТЫРЬ И ЕГО ТЯЖЕЛЫЕ ДНИ. 1808—1860 годы. **П. Клебановскаго**. . . . . 217—224

X. БѢЛОЗЕРСКОЕ ГОРОДИЩЕ НА ДНѢПРѢ. **В. Соколова**. . 225—245

XI. ЗАПИСКИ МИХАИЛА ЧАЙКОВСКАГО (САДЫКЪ-ПАШИ). 246—258

XII. ПО ПОВОДУ 900-ЛѢТІЯ ЧЕРНИГОВСКОЙ АРХІЕРЕЙСКОЙ КАѲЕДРЫ . . . . . 350—356

XIII. ПОМѢЩИКИ И ДУХОВЕНСТВО ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ ВЪ КОНЦѢ ПРОШЛАГО СТОЛѢТІЯ. (Бытовой очеркъ). **В. Храневича**. . . . . 357—388

XIV. ПАМЯТИ А. В. МАРКОВИЧА. (Съ портр. въ текстѣ). **А. Л.** 405—409

XV. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Мѣщанская семейная драма прошлаго столѣтія. **В. А.** б) Къ біографіи Петра Конашевича Сагайдачнаго. **В. А.** в) Къ исторіи старинной малороссійской школы. г) Шевченко въ Академіи Художествъ. д) Къ предполагаемому «Описанію харьковской губерніи». е) Къ біографіи Саввы Чалаго. **В. А.** б) Благодарственное письмо Импер. Елисаветѣ Петровнѣ за возвращеніе Кіевской каѳедрѣ митрополитанскаго титула. Протоіерея **П. Орловскаго.** ж) Къ преданіямъ о гр. Потоцкомъ. Свящ. **Вик. Ильяшевича.** з) Жалоба переяславскаго полковника на укрывательство малороссіянъ въ Кіевѣ (1760 г.). **А. А.** и) Указъ изъ канцелярія Московскаго университета отъ 26-го апрѣля 1768 г. о розыскѣ сбѣжавшаго студента кіевлянина. **А. А.** е) «Никому не принадлежащій табакъ въ погребѣ кіевскаго магистрата (1723 г.). **А. А.** і) Святочные подарки отцу протоіерею. **П. Китицына.** к) Къ исторіи землевладѣнія въ лѣвобережной Малороссіи. **А. Л.** л) Оффиціальные документы по дѣлу Виктора Садковскаго. Протоіерея **П. Орловскаго.** м) Контроль Губ. Канц. надъ расходами кіевскаго магистрата по исправленію нѣкоторыхъ «городскихъ надобностей». **А. А.** н) Пререканіе кіевской городской думы съ администраціей по поводу одной изъ статей городскихъ доходовъ въ 1785—87 г. **А. А.** о) Къ исторіи Кубанскаго войска. **П. Китицына.** п) Анекдотъ о Мечиславѣ Потоцкомъ. 114—129, 258—268. . . . . 410—430

стр.

XVI. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Импер. Ак. Наукъ. Вып. 48-й. **А. Степовича.** б) Памятная книжка курской губ. на 1892 г. **А. Степовича.** в) Южный Сборникъ, въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая, изданный одесскимъ обществомъ вспомоществованія литераторамъ и ученымъ. **В. Ястребова.** г) Кіевскій Сборникъ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. Подъ редакціей И. В. Лучицкаго. **В. Н—ка.** д) Историческое описаніе Владиміро-Волынскаго Успенскаго храма, построеннаго въ половинѣ XII в. княземъ Мстиславомъ Изяславичемъ. **И. Каманина.** е) Этнографическое Обозрѣніе. Изданіе этнограф. отдѣла Импер. общ. любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, состоящаго при москов. университетѣ. **Я. Ш.** ж) Analecta byzantino-russica. Edidit W. Regel. Petropoli. A. MDCCCXCI. **П. Г.** г) Библіографическая замѣтка. **А. С—ча.** е) М. Грушевскій. Очеркъ исторіи кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV стол. **П. Г.** ж) Харьковскій Сборникъ, подъ редакціей члена-секретаря В. В. Иванова. **Н. В.** з) Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца. Книга шестая **Я. Ш.** и) Извѣстія Таврической ученой архивной коммиссіи — № 15. **И. Каманина.** і) Обозрѣніе журналовъ. к) Списокъ книгъ, относящихся къ Южной Россіи. 130—139, 269—292 . . . . . 431—474

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Дневникъ генеральная подскарбія Якова Марковича.
2) Акты Бориспольскаго мѣйскаго уряда 1612—1699.

15. Неделя. Сегодня на томъ же становиску часовъ вислухавши, кушалисмо у полковника харковского Квѣтки. А по обѣдѣ рушивши, увойшлисмо верстъ 12 и стали на ночлѣгъ въ урочища „ “, отъ Чорного Яру 134 верстъ. Гасло было Чернѣговъ. Рано зъ вчорайшого становиска послалъ Еропкинъ Галецкого, зъ товарищи и зъ татари, въ Астрахань передомъ. Ординарецъ Якимъ Кулябка.

16. Понеделокъ. Рано, передъ свѣтомъ, поѣхалисмо и, увойшовши верстъ 21, стали на ночлѣгу при урочищѣ „ “, на лугу у Волги. Обѣдалисмо сами куренемъ, у полатцѣ п. Миклашевского, а по обѣдѣ подполковникъ билъ у тимъ же куренѣ, а у полковника играли у карти п. Михайло и Василь Гамалѣя, которій и програлся. Отъ урочища сего до Чорного яру верстъ 155. Ординарцъ Пекалецкій да Дмитрашко.

17. Вовтор. Рано уставши, поехалисмо въ предлежащій путь и, уехавши верстъ 22, сталисмо на ночлѣгъ. Отъ Чорного Яру 177 верстъ.

18. Середа. Сегодня рано жъ, поехавши верстъ зъ 15, стали на лугу и отдохнули, а ми, передомъ оттуду зъ п. Андрѣемъ Миклашевскимъ и п. Михайломъ поехавши, пріехали на берегъ Волги, отъ ночлѣга вчорайшого верстъ 26, и тутъ перевезшись черезъ рѣчку Солянку, уехали еще верстъ 2 и стали противъ Астраханѣ, куда я передомъ, а потомъ и протчіе перевезлися. Отъ Чорного Яру 205 верстъ. Перевюзшись, я бувъ у архиерея Горки и у его до ночи забавилемъся, и любително трактованъ былемъ; а оттуду пойшовши на квартеру п. Стефана Миклашевского, тутъ ночовалемъ.

19. Четверъ. Сегодня рано былемъ у Любима Совѣтовича Полянского и потомъ на своей квартерѣ, при березѣ, а оттоль на квартерѣ п. Стефана Миклашевского; оттуду шлюпкою зъ Опачининомъ переехалисмо на той бокъ къ лагеру, и були у Еропкина и перекусили у его жъ, а потомъ зъ нимъ же знову переехалисмо въ Астрахань, и былисмо зъ нимъ у коменданта Митрофанова, а оттуду у Безобразова Івана Григ., полковника, куда князь Василій Алекс. Урусовъ и Полянскій и протчіе поприездили и просидѣли. Оставя ихъ тамъ, я былемъ по всѣхъ радахъ, индийскихъ, арменскихъ и

московскихъ, и въ нихъ осмотрѣлемъ индиянъ, малюючихся на чолѣ фарбою чирвоною и играючихъ, напримѣръ дакъ (?) въ четвереуголномъ сукнѣ да костями метались. Оттуди прийшовши въ квартеру п. Стефана, а оттуду знову у п. Федора дядка, дойшлемъ до своей квартерѣ, где засталемъ п. п. Миклашевскихъ и протчіихъ. Купилемъ табакерку и перспективъ.

20. Пятокъ. У полковника Безобразова былемъ рано, а оттуду пошовши, зайшолемъ до Томари, где и обѣдалемъ. Туда жъ прийшолъ секретаръ капитана морского флота фонъ Вердина, Яковъ Павловичъ, который въ разговорѣ о Гилянѣ сказалъ, что тамъ въ юнѣ, юлѣ, августѣ, септевріи и октовріи мѣсяцахъ превеликіе жари бываютъ, ради которихъ тамошніе жители збѣгаютъ у гори, где воздухъ холоднѣйший. Ращъ городъ гилянский, такъ многолюдний, что въ ономъ самихъ дворовъ гостинныхъ 73, а поселеніемъ темнимъ, потому же въ лѣсахъ частихъ живутъ тамъ люде; зъ Астраханѣ туда пріехать можно въ 7 день, когда добрая погода. Подъ часъ гарячости люде умираютъ. Оттуда пошовши, я зъ Тамарою былемъ въ аптецѣ и купилемъ фунтъ дерева sassafras за 15 копѣекъ, а 2 фунта куреня за 24 коп., на затички до бутилокъ. Откуду былемъ у подполковника нашего Топстейна, а оттуду у князя Урусова, Алексѣя Василіевича, которому и листъ родителскій отдалемъ. Да туда жъ, къ намъ сидячимъ, пришли полковники Безобразовъ да Еропкинъ, откуду со всѣми пошлисмо до Полянского, и тамъ я мало посидѣвши, прийшолъ на свою квартеру. Ездилемъ одноколкою Полянского до судна своего буси, и оной осмотрѣвши, оглядного мастерамъ далемъ полкопи.

21. Субота. Рано былемъ у п. Федора дядка, а оттуду у Стефана Миклашевского, куда и Полянскій прийшолъ, откуду пошовши зъ п. Михайломъ, переехалисмо на ту сторону Волги до лагера. Смотръ былъ болнимъ чиненъ отъ полковника Еропкина и штапъ лѣкара, почому оставлени болніе: бунчуковихъ 19 чловѣка, радовихъ изъ старшини 24 и дракгунъ число нѣкоторое, и оніе злѣцени Безобразову. Обѣдалисмо тамъ же у Еропкина, который мнѣ водою ити въ Сулакъ опредѣлилъ. Доношеніе Еропкину по-

далъ Кандиба, за подписаніемъ его, Якима Горленка, Тарасевича и Івана Забѣли, а въ ономъ виразилъ, что зъ болнихъ бунчуковихъ, отъ Царицина водою до Астраханѣ приехавшихъ и тутъ остаючихся, притворили нѣкоторіе себѣ болѣзни и чтобъ безъ освѣдительствованія ихъ никого не оставлять зде, такъ же и водою никого непускать, развѣ кого бы они приговорили. Приехалемъ на ночъ сюда въ Астрахань, до своей квартери.

22. Неделя. Сегодня рано былемъ у Еропкина, стоявшого у Безобразова квартерѣ, а служби Божой слухалемъ у соборной епископской церквѣ, а по службѣ былисмо многіе бунчуковіе у архиерея на водцѣ, а оттуду зъ Опачининомъ обѣдать пошлисмо до Безобразова. При вечерѣ полковникъ Еропкинъ прийшолъ къ судну, близъ квартери нашой стоявшему, и простившись со всѣми и я зъ нимъ сѣлъ у судно, зъ п. Михайломъ и Василемъ Гамалѣею, отехалъ въ лагеръ. П. Андрѣй Миклашевскій просился у Еропкина водою ити, але не позволилъ. П. Михайло повернулся зъ лагеру и пріехалъ къ намъ на ночъ. Опачинину 6 бутилокъ вина черезъ Мартина послалемъ.

23. Понеделокъ. Сегодня рано п. Михайло, п. Миклашевскій, Григорій Гамалѣя, Іванъ Миклашевскій, простившись со мною, отехали до лагеру. На розніе потреби вилѣчилемъ зъ мешечка 15 р. и далъ Гаврилу, а осталось 80 р. Былъ у насъ Якимъ Кулябка, который сказовалъ, что еще наши не рушали зъ лагеремъ въ маршъ. Мартинъ коней двохъ, сивого верхового и сивенкого, сюда припровадилъ, а потимъ и буланого п. Федорового, которого знову туда жъ велѣлемъ отпровадить въ лагеръ. Сегодня обѣдалемъ у себе зъ Якубовичемъ, а по обѣдѣ былемъ у п. Стефана Миклашевского, а оттуду у полковника Андріяна Петровича Дебринея, сего дня отъ С. П. Бурга, сюда въ Астрахань, пріехавшого, а оттуду у коменданта Митрофанова, которому и листъ Артемія Петровича далемъ; а пошедши оттуду, купилемъ футро 1 сѣбирковое за 4 р., а два лапковихъ сѣбирковихъ же за 2 р. и сиолки черной полчетверти за 16 л.; оттуду прямо у архиерея былемъ, а посидя съ нимъ до ночи, отийшолъ на свою квартеру.

24. Вовторокъ. Сегодня рано былъ я у Полянского и оттуду въ церквѣ Николая ст. на службѣ Божой, где зъ Зазѣтскимъ подполковникомъ видѣлемся. Обѣдалемъ у себе зъ Дмитріемъ гречиномъ, а передъ вечоромъ были у мене на квартерѣ полковникъ Дебриней, маіоръ инженѣръ и садовникъ государинѣ, и посидѣвши доволно, отойшли. Казѣмирови денегъ 20 р. далемъ на розніе потреби; до буси Гаврило умовилъ работниковъ до буси на годъ по 13 р. на ихъ харчи. Сего дня полковникъ Еропкинъ зъ бунчуковими и всѣми козаками земнимъ путемъ рушилъ до Сулаку и, у войшовши верстъ 12, сталъ на ночлѣгъ. У лазнѣ милемся у Афанасія Сергѣевича Крашенинникова, посадского здешнего первого астраханского, отколь зъ Якубовичемъ идучи, зайшолемъ до Стефана Миклашевского, а потомъ и въ квартеру; зачулемъ отъ Якубовича, что якобы его мать пошла замужъ за Буцкого, суддю полкового полтавского. Мартинъ, отпровадивши до лагеру буланого коня ступака, повернулся назадъ. Козаковъ смѣловского стрелця и токаровского отправилемъ въ Царицинъ зъ конми моими всема, давши имъ карту подорожную и листъ до Якова Івановича у Дубовку, чтобъ тамъ они ждали прибуття Юска конюшого, да имъ же на дорогу и рубля грошей. Сегодня помаршировавшая наша компанѣя землею до Сулаку увойшла верстъ 12 и стала на ночъ у рѣчечки по лѣвой сторонѣ, при урочищи Безскал татар.

25. Середа. Сегодня рано заходилемъ до п. Федора дядка, а оттуду до соборной церкви, где и служби Божой слухалемъ, а по службѣ ходилемъ въ ради индѣйскіе да арменскіе, где купилисмо две штучки на чекмени сукна за 4 р. зъ полтиною. Рано Димитрій грекъ принюсъ шафрану паляничокъ 5 и фунт. 1 за 2 р. и 5 л. и чубукъ тростяній за 2 гривни. Іванъ Тарновіотъ приходилъ ко мнѣ и посидя отойшолъ. Работникамъ 10 чловѣкамъ, умовленнимъ вчера черезъ Гаврила до буси, на годъ по 13 р. всякому, далемъ теперъ черезъ его жъ Гаврила половину денегъ, то есть 65 р. Особливе ему жъ на росходи далемъ 10 р. Вѣжевскому въ росходъ далемъ рублей 2. Сегодня кампанѣя наша земная увойшла верстъ 15 отъ становиска перваго, а отъ Астраханѣ 27, и стали при

болотѣ у лѣво въ урочища, прозиваемаго по татарску Бакъ Клушунъ, а въ лѣво были озера солоніе.

26. Четверъ. Сегодня рано козаки роменскіе зъ Гудименкомъ пріехали сюда въ Астрахань, а зъ дому отъ Ромна отпущени юля 17, и писма зъ нѣкоторими посилками попривозили: писма отъ родителей и червон. 20, писмо отъ ясневел. и червонихъ 10, отъ жени писмо, отъ п. Семена брата, отъ Петрановского, отъ Афанасія, глинского сотника, отъ сина его Василя кожухъ (?), отъ Орановского и отъ прокурора 2 писмѣ до мене и до п. Михайла. Да съ тихъ же писемъ вѣдомости: 1) 5000 козаковъ идутъ сюда въ Сулакъ на перемѣну прежнимъ, а коммендѣромъ обозний прилуцкій Михайло Григоріевичъ [1]). Томара, суддя чернѣговскій, зъ Савѣцкимъ на розграниченне до Черкасского поехали. Да п. Михайлу жъ ясневел. прислала 100 р. и Заборовскому Матею столко жъ. Черезъ дворецкого Еропкинового, зъ табору сюда за покупкою вина пріездившого, послалемъ до п. Михайла писма зъ дому, до его належачіе, и бутилку водки мастихини и о себе писмо. Былемъ у соборной церквѣ на молебнѣ, за великую княжну Наталію Алексѣевну, самимъ здешнимъ архиереемъ отправляемимъ, а на службѣ Божой и тутъ зъ Полтевимъ видѣлемся. Шевцю тутейшому далемъ сафянъ свой жовтий и казалемъ зробить 2 пари чоботъ колмицкихъ за 8 гривенъ и очернить. Былемъ у дядка п. Федора, которій на ноги и на диссенторію хоруетъ. Дебринея обислалемъ 2 барилцями, водкою полинковою и вишневкою. Переехалемъ къ архиерею на ночъ и тутъ въ келіи близъ трапези, по лѣвой сторонѣ, идучи зъ церкви до архиереискихъ полатъ, обрѣтаючихъся, ночовалемъ купно зъ Якубовичемъ. Якубовичъ же, прийшовши ко мнѣ, сказивалъ, что Еропкинъ полковникъ до полковника Безобразова писалъ, чтобъ оставшихся бункуковихъ и протчіихъ козаковъ, забывши въ колодки, присилалъ до лагеру. Сегодня наша компанѣя земная увойшла 33 версти отъ ночлѣга, а отъ Астраханѣ 60, и стали въ урочища, прозиваемого по татарску Джурукъ Узанъ.

---

[1]) Огроновичъ.

27. Пятокъ. Зъ архіереемъ розговоръ былъ о латвости достать колмикъ и татаръ къ крещенію, которимъ хто воспріемникомъ будетъ, тотъ и имѣть ихъ у себе можетъ. Попи арменскіе були у архіерея и приносили просфири свои, на подобіе оплатковъ кругліе, величиною зъ рубль сцѣлний, тонкіе, а по серединѣ Христосъ роспятий зъ приписомъ словъ нѣякихъ, по бокамъ низко. Да они жъ всѣ, и не толко архіерей, въ митрахъ служатъ, а депенденцію мѣютъ до своего патріарха, въ Великой Арменѣи обрѣтаючогося, а не до папи. Молитву передъ исповѣдію исповѣдающему приличную скомпоновалемъ. Зъ полученной у архіерея книги Goar. (?) нѣсколько молитвъ Якубовичъ зъ латинского на руский діялектъ перевелъ. За 7 л. Вѣжевскій мнѣ панчохи волосяніе купилъ. Ночовалемъ у архіерейской келіи, мнѣ отведенной при трапезѣ. Сегодня наши, увойшовши 26 верстъ отъ ночлѣга, а отъ Астраханѣ, 86, стали въ урочища прозиваемого Бассудъ.

28. Субота. Коммунѣковалемъся у трапезной церквѣ архіерейской. По обѣдѣ, ездилемъ зъ Якубовичемъ до слободи татарской, где заехавши до едного бухарца, посидѣлемъ у мазанцѣ его, которий сказовалъ, что де Бухаръ черезъ Яикъ и Хиву отсюду ездятъ на верблюдахъ у полтора мѣсяця, а зъ Бухаръ до границъ индійскихъ у мѣсяцъ, становлятся жъ землею, самимъ степомъ. Оттуду поехавши, заехалемъ до едного татарина, игравшого у балабайку, до которой два татарчата танцовали въ присѣдки, на подобіе простого козацкого танцу; поехавши оттуду заехалемъ до полковника Безобразова, тамъ посидѣлемъ мало, а оттуду пріехалемъ въ монастиръ и вечералемъ у Рощаковского. Сегодня наши увойшли бунчуковіе и проч. землею 24 версти отъ вчорайшого ночлѣга, а отъ Астраханѣ 110 и стали въ урочища Дидалѣ по татар.

29. Неделя. На всенощной и на утренѣ былисмо у соборной церквѣ, а обѣдалисмо у архіерея. Службы же Божой вислухалисмо у грузинской церквѣ, въ которой еденъ архимандритъ зъ палицею безъ митри зъ 3-ма священниками служилъ, кромѣ киріе елейзон, все своимъ язикомъ спѣвали; а женскій полъ подобіемъ платка турецкого имѣютъ и всѣ помаліовани не толко лицемъ и бровами,

але и вѣками округъ очей. По тий церемонѣй, у архіерея застались Безобразова съ товарищи, на водцѣ бывшого. Передъ вечоромъ ездилисмо зъ архіереемъ въ сади его и государеви, два послѣднихъ при рецѣ Котумѣ, где и полати деревяніе; туда жъ пріехали къ намъ Івановскій, а посля Безобразовъ и протчіе офѣцери и Андрѣй Іванов. Змѣевъ, подполковникъ. Оттуду поехавши, приехали къ архіерею, зъ которимъ посидѣвши мало, отойшлисмо до своей квартери и тутъ ночовали. Куріеръ зъ П. Бурху до Еропкина пріехалъ землею черезъ Астрахань. Сегодня компанѣя наша увойшла 16 верстъ, а отъ Астрах. 126, и перейшла 2 брода по черево коневи, отъ заливи морской и стали у урочища Джурилѣ.

30. Понеделокъ. Сегодня обѣдалемъ у своей квартерѣ зъ Тарновіотомъ и Якубовичемъ. По обѣдѣ Тернавскій былъ у насъ, а по отездѣ его, ездилемъ водою, Кутумовою рѣчкою, до лазарета и противъ оного въ стоящой квартерѣ п. Федора дядка посѣщалемъ и, посидя съ нимъ, отехалемъ въ свою квартеру и отсюду ходилемъ до Полянского и у его вечералемъ. Сегодня наши, увойшовши отъ ночлѣга 28 верстъ, а отъ Астраханѣ 154, стали въ урочища, прозиваемого по татарску Алазанъ Тарне.

31. Вовтор. Сегодня принималемъ проносное лѣкарство въ конфектѣ и доволно, болшъ 10, столцовъ было. При вечеру ходилемъ до Томари, где штапъ лѣкаръ билъ, Кгуревъ капитанъ, Тернавскій и лѣкаръ, и оттуду пришлисмо зъ Тернавскимъ до одного капитана и посидѣвши мало, отойшлисмо до нашей квартери, где Тернавскій и ночовалъ. Шапку за 4 р. сторговалемъ мнѣ зробить. Сегодня наши, увойшовши отъ вчорайшого ночлѣга 25 верстъ, а отъ Астраханѣ 179, стали въ урочища Ала Бугара.

Септевр. мѣсяцъ. 1. Середа. Сегодня рано кровъ зъ головной жили зъ правой руки пускалемъ. Конюшому п. Андрѣя Миклашевского казалемъ, чтобъ Гаврило далъ 10 р. на потребу пана его. Ездилемъ водою до Ишайка, где церковъ каменная и дворецъ архіерейский рѣчкою Луковкою (?), куда и архіерей пріехалъ землею, и тамъ забавилисмо до вечера, а у вечеру водою пріехалисмо сюда и билъ архіерей въ моей квартерѣ и, посидѣвши мало, оте-

халъ. Якубовичъ на жолудокъ захоровалъ билъ тяжко. Сего дня наши, увойшовши 25 верстъ, а отъ Астраханѣ 204, а на початку маршу у версту перебравшись черезъ бродъ, отъ мора заходячій, глубиною въ черево коневи, стали въ урочища Ясубасъ, при морскихъ заливахъ солонихъ.

2. Четвер. За шапку сегодня заплатилемъ 4 р. Гаврилу на покупку потребъ до буси далемъ 40 р. Якубовичъ у мене позичилъ 6 р. а почалемъ мѣшокъ п. Михайла, въ моемъ зась мѣшку 3 р. недолѣчени. Обѣдали у мене Максимовичъ, сотникъ чорнускій, и Полунѣцкий; по обѣдѣ ходилъ я до Томари, а оттуду до полковника Безобразова и тамъ ужиналъ. Зеленецкій, Іванъ Забѣла и Яковъ Жураковскій, пріехали зъ Царицина въ Астрахань. Сегодня наши рушивши, а увойшовши зъ полъверсти, переходили 2 брода отъ мора и всего увойшли верстъ 23, а отъ Астраханѣ 227, и стали въ урочища Денбасъ.

3. Пятокъ. Сего дня рано Якубовичъ жестоко захоровалъ на диссентерію, вомѣти и фебру, а зъ причини—позавчорайшого дня бывшого, что дулѣ и шапталу чили бросковки илъ. П. Андрѣя Миклашевского слузѣ конюшему Гаврило далъ 5 р. въ позику. Рано былъ у мене Степанъ Забѣла, а по обѣдѣ Семенъ Карпѣка и посидѣвши отийшли. Ходилемъ самъ пѣши до буси своей, которая еще вчора вся висмолена зостала, да зъ Яномъ Новѣцкимъ видѣлемся, которій въ разговорѣ сказалъ, что полубусокъ нанялъ зъ ихъ куреня до Сулаку за 60 р., а Карпѣка зъ товарищи другое наняли судно за 105 р. у татаръ. Листи сегодня до дому писалемъ. Сегодня наши, увойшовши верстъ отъ ночлѣга 17, а отъ Астраханѣ 244, пришли до рѣки Куми (которая неподалеце Кабарди взялась, а впадаетъ въ море Каспѣйское, тамъ на примѣръ озера розлившогося, смакъ води солон. кгурковат.) и тамъ ночлѣгъ имѣли.

4. Субота. Сегодня рано осмотрувалемъ своей водки, которая пополамъ зъ водою заледво можетъ поднятись и барилъ 36 цѣлихъ, зъ которихъ двѣ отпечаталемъ и въ онихъ гор. (?) неповно, одно на корхъ, а другое на 3 палцѣ неполно. Обѣдалъ у мене Криштофъ македонянинъ, здешній купчинъ, которій сказовалъ: 1) что

Мирвейцъ родомъ зъ Кандавагаръ провѣнцѣи, царству персидскому прилеглой, але близъ Индіи обрѣтаючойся, до которой зъ Гиспагану будетъ ѣзди на 2 мисяца и болшъ; 2) Шамаху, сказуетъ, уже тому килка лѣтъ якъ збунтовавшись, взялъ тамошній незнатний чловѣкъ Даутъ Бекъ; 3) да въ городѣ жъ, прозиваемомъ Шамахъ, въ той же провинцѣи будучомъ, будетъ домовъ на 70000; 4) въ Мизондаранѣ, кромѣ иннихъ овощей, и цукеръ дѣлается, толко не можетъ такъ дѣлатся якъ належитъ, за недоумѣніемъ въ томъ тамошнихъ; 5) въ Астрабадѣ мало чего есть зъ такимъ вещей, якъ у Гилянѣ и инде, але воздухъ здоровій; 6) въ Гилянѣ воздухъ нездоровій, потому что отъ землѣ гори Сивозъ (?) заступили Гилянъ и потому тамъ вѣтровъ мало; да тутъ же воздухъ отъ води, жаромъ солнечнимъ до засмердѣнія запсовавшейся, заражается; а найпаче тамъ где рижъ родится, потому что тамъ вездѣ канали покопани и водою упущенною наполнени, которая долго стоячи портится и воздухъ заражаетъ; 7) бухарци подобіемъ калмиковъ живутъ и въ нихъ за безстрашіе, что всякъ зъ ханомъ владѣтелемъ ихъ за брата есть, всегда междоусобіе разногласное (sic). По обѣдѣ ходилемъ до Полянского, которій на завтрейшій ранокъ приобѣщалъ людей дать до спускання на воду буси моей. А оттуду былемъ у у Тамари, и чаю у его напившись, зайшолемъ до полковника Безобразова, где засталемъ подполковника Змеіова, да при мнѣ жъ пріехалъ зъ Сулаку за 8 день служитель морской до Безобразова. Составилемъ термѣну тестаменту до жени. Сегодня наши перебирались черезъ рѣку Куму, глубиною по черево коневи, и увойшовшы 39 верстъ, а отъ Астрах. 283, стали въ урочища Исунъ Бѣракъ, где жадной води не было.

5. Неделя. Сегодня рано ходилемъ до церкви и, служби Божой вислухавши, повернулемся зъ Степаномъ Забѣлою до своей квартери, откуду посилалемъ до Тарнавского и Івана Тарноліота, зъ которими обѣдалемъ; а по обѣдѣ ходилемъ зъ ними жъ до штапъ лѣкара, куда потомъ и полковникъ Безобразовъ пріехалъ и, посидѣвши до вечера, прийшолемъ до своей квартири. Буса моя начала спускатись на воду, але остановка учинилась.

6. Понеделокъ. Сегодня рано буса моя на воду спущенна зостала. Билемъ у Тамари, где Каневского и Тарноліота застaлемъ, зъ которими, до квартири своей прийшовши, обѣдалемъ, а по обѣдѣ ходилемъ до лѣкара Карла Павловича и, у его посидѣвши, ходилемъ до буси, а оттуду переехавши черезъ рѣку Кутуму, билемъ у Бурковского, и посидя мало, заходилемъ до дядка п. Федора и оттуду Тарнавскій и Максимовичъ, опроводивши мене до берега, отойшли, а я до своей пріехалемъ квартери. Сегодня наши увойшли отъ позавчорайшого ночлѣга и отъ вчорайшого верстъ 69, а отъ Астраханѣ 352, и стали въ урочища Кизларъ, сие есть дѣвка. Тогда з брода переходили по черево конѣви, и четвертую заливу морскую болшую, въ ширъ съ полтори версти, по сѣдло коневи, глубокую, а вода солоная, а остатній бродъ билъ води солодкой, тамъ трава худая начала показоватись трохъ видъ, на примѣръ полиню.

7. Вовторокъ. Сегодня рано пересмотрувалемъ аптеки родителской, зде оставленной, и зъ оной по части взялемъ медикаментовъ именно: rad. beroa . . . . (?), spermaceti, pulv. . . . . (?) ol. anisi. Обѣдали у мене Тернавскій и Максимовичъ и приседѣлъ Тарноіотъ; а по обѣдѣ у Маслова, полковника бывшого астраханского, а нинѣшнего гилянского коменданта, сюда на время пріехавшаго. Гаврилу 20 р. далемъ еще на росходи. По щоту зъ реестра Гаврилового въ росходѣ гор. вѣдеръ нашихъ 25, а есть 186. Билемъ у вечеру у Полянского, у которого извѣстилемся, что еще сегодня пріехалъ куріеръ зъ С. П. Бурга до Еропкина.

8. Середа. Сегодня рано былемъ у архиерея, у котораго увѣдомилемся, что у синодѣ псковскій архіепископъ новагородскимъ устроенъ, а тверскій отецъ Лопатинскій вице-президентомъ въ синодѣ поставленъ. Архирей служилъ у церквѣ Рождества Пресвятой Богородици, бо празникъ тамъ билъ, а мы, вислухавши въ соборѣ службы Божой, пришлисмо до моей квартери зъ Тернавскимъ и Семеномъ Карпѣкою и тутъ кушалисмо. Атютантъ господина генерала Матюшкина иноземецъ Іоганъ „ “ пріехалъ зъ Сулаку и, пообѣдавши у штапъ-лѣкара, до которого и ми тогда ходилсмо, при

насъ же и отехалъ до С. П. Бурха. Былемъ на суднѣ, которимъ идетъ Семенъ Карпѣка, нанявши подъ разніе багажи за 105 р., а судно—буса мѣрная; а бувши я отдалъ листъ ему Карпѣцѣ до п. Михайла Скоропадского, о моемъ зде медленіи писанний, за нескорою додѣлкою буси моей. Былъ у мене Масловъ съ прочіими своими офѣцерами, которому водки и табаку отослать казалемъ Гаврилу. Сегодня наши, рушивши зъ ночлѣга позавчорайшого, увойшли 30 верстъ, а отъ Астрах. 382 и стали въ урочища Кайпунъ Бугоръ.

9. Четверъ. Сегодня рано принесенъ ко мнѣ листъ Гавриломъ отъ канцеллярііи губернской, писанний отъ пана Михайла зъ походу отъ урочища, прозиваемого Алабуксара, отстоящого отъ Астраханѣ въ 174 верстахъ, а въ листѣ дата 31 августа, въ якомъ пишетъ, же лошадѣ стали и что къ прийдучому числу, сего сент. 3-му, мѣютъ стать у Куми рѣки, да при томъ и листъ до своей жени прилагаетъ. Гаврилу далемъ еще грошей на росходи 20 р. Обѣдалъ со мною Іванъ Тарноліотъ, а по обѣдѣ былъ у мене п. сотникъ чорнускій и, отшедшимъ имъ, я ездилъ до буси своей водою, а оттуду былъ у п. Федора дядка, и повернувшись былемъ у Тамари и, посидѣвши мало, прийшолемъ до квартери своей. Козаку Василеви казалемъ дать 3 р. и со мною моремъ ехать казалемъ ему жъ. Семенъ Карпѣка рано маршъ воспріялъ водою до Сулаку судномъ, на которомъ многихъ бунчуковихъ багажъ поскладанъ. Осмотрувалемъ лѣкарствъ своихъ, кромѣ аптеки обрѣтаючихся, которихъ показалось певное число, именно: 1) трави на декоктъ прежде пявокъ, 2) spir. cochlearia; 3) spir. antiparalyti; 4) elixir puri p. . . . 5) Unguent. antiparaliti; 6) r. purg. cum pelulis adhibenda sub. lit. D; 7) electuar. laxat.; 8) pilula cum vulgar. decoctio, другій слоикъ зъ такими жъ пилулами lit D; 9) pilula cum ra. suburo 6; 10) essen. sangu. purifica; 11) philonium romanum; 12) sat. vol. oleos; 13) reguies Nicolai; 14) ungv. antiparalit., такихъ якихъ sub n-ro *5-to*; 15) cremr. tr.; 16) lapis prunella. 17) spir. antiparalyt. такій якій sub n-ro *3-tio*. 18) essen. sang. purifi sub. lit K.; 19) eplastr de miscellag. st. iej.; 20) pi-

lul. cum vulg. decocto, такіе якіе sub n-ro *8-vo*. 21) species pro decocto vulgar.; 22) pilula l. . . . . ; 23) oleum anesi; 24) pulv. italy contra phtisi; 25) essen. pectoral., 26) elixir ol. . . . . ; 27) elixir pestil. . . . . Заездилемъ до птичого двора, где видѣлемъ барани, чапури, лебедѣ и рябіе чапури зъ тонкимъ, а острим и долгимъ носомъ, та еще заперскіе (?) дикіе гуси дивной композитури: шіи долгіе отъ лебеднихъ, да тоншіе, носъ долгій горбатій, на низъ закривлений, бѣлочорній, корпусъ—пѣрье бѣлое, да по концамъ крилъ фабры рожевой пѣре и ноги тонкіе, а високіе, збитъ того жъ коліору рожевіе. Сегодня наши, увойшовши 34 версти, отъ Астрах. 416, стали въ урочища Курдюковъ Дупъ.

10. Пятокъ. Сегодня буса наша рушила зъ мѣста своего и, минувши квартеру мою, стала на якорахъ. По вѣдомости Мартина показалось: бутилокъ плетенихъ именно: зъ бургунскимъ 3, зъ еремѣтари. 3, зъ полин. 3, зъ рен. солод. 3, зъ церков. 6, зъ краснимъ 10, зъ рен. твердимъ 22, зъ водкою француз. 6, порожнихъ 7, итого зъ виномъ бутилокъ 50, зъ водкою франц. 6, а порожнихъ 7, всѣхъ бутилокъ, повнихъ и порожнихъ, 63. А вина барилъ: 1 церковного, 1 ренского, 3 полинкового, четвертое неповно, волоского отъ ясневел. одно, сотницкого одно, купленного одно, и того 9. 5 р. Мартину на розніе покупки, а 6 р. Василеви зъ Лескомъ кухаремъ, на кури и гуси, далемъ. Сегодня наши, увойшовши отъ становиска 24, а отъ Астрахан. 440 верстъ, пришли къ рѣцѣ, Терекъ прозиваемой, и перебрались черезъ оную не подалеце городка Курдюкова, собою въ ширъ и довжъ по 40 сажень будучого, въ право; тутъ гори кавказскіе стали видни, будто облаки.

11. Субота. Сегодня рано далемъ Гаврилови зъ мѣшка Заборовского рублей 30. Демянъ принюсъ зъ аптеки 3 лѣкарствъ—elixir vitriol. mynsichti, essen. pectoral., elixir pestilenteal. aa ℥iij, а далъ 30 зл. Билемъ у Томари, которій подарилъ мнѣ пороховницю роговую, а оттуду заходилемъ до Безобразова, который далъ мнѣ писмо до Еропкина отъ Волинского; оттуду пошовши зъ Дорошенкомъ, кушалисмо у себе, и въ лазнѣ мились у Крашенниникова. Безобразовъ подорожный пашпортъ далъ Юску.

12. Неделя. Сегодня рано былемъ у архиерея, а оттуду у церквѣ соборной, а по службѣ былемъ же у архиерея, и, поводковавши, отойшолемъ и обѣдалемъ у Любима Совѣтовича Полянского; да у его жъ были на обѣдѣ полковники Безобразовъ, Пѣцъ и комендантъ, Митрофановъ, секретаръ губернскій, и протчіи; по обѣдѣ зась прійшолъ я до своей квартири.

13. Понеделокъ. Сегодня рано билъ я у Полянского, а потомъ билъ у насъ Полунѣцкій и, по отходѣ его, обѣдалемъ зъ Якубовичемъ. Кравецъ рускій покроялъ гусарку, суконную зъ футромъ сѣбирковимъ и обранне зъ черкаского чили шамаханского сукна. Сегодня наши отъ Терку рушивши, увойшли 41 версту, а отъ Астрах. 481, и стали въ урочища, прозиваемого Баксай, тутъ брода топкіе перейшли.

14. Вовтор. Сегодня рано былемъ у Безобразова полковника, которій зказовалъ, что получилъ онъ отъ генерала Матюшкина писмо о присилки бунчуковихъ и протчіихъ въ Сулакъ, буде оздоровѣетъ кто зъ нихъ. Юску писма до дому подавалемъ до рознихъ персонъ; ему жъ далемъ 6 р. для того, что зъ сихъ же денегъ надобно въ Царицинѣ покровскому дячку дать 3 р. безъ гривни, за 4 верблюди, да харчовалъ конѣ, данніе стрелцу смѣловскому и козаку токаровскому, числомъ 7., гнѣдихъ 2, рижихъ старихъ 2, сивихъ 2 и Вѣжевского еденъ бѣлогубий, поколь оніе до дому запроводятся. У архиерея зъ Рощаковскимъ обѣдалемъ, а оттуду заходилемъ до Тамари, где немедлячи, прийшолемъ до своей квартири шуменъ зѣло (?). Гаврила п. Михайлового исповѣдали. Сегодня наши, увойшовши 29, а отъ Астрах. 510 верстъ, стали у озеръ, прозиваемихъ Толмы, где худой трави много.

15. Середа. Юско и Казѣмиръ сегодня отправленни зъ писмами и поехали въ Царичинъ, да у Юска жъ фузѣю за 2 р. зъ полтиною взялемъ. Безобразова пожекгналемъ и листи у его взялемъ до Еропкина и до Ушакова Костантина, атютанта генерала Матюшкина. Демяну на потреби розніе зъ мѣшка Заборовского далемъ 6 р. У Томари билемъ, которій далъ чубукъ тростяній, а прийшовши до дому, обѣдалемъ зъ Дорошенкомъ, отцемъ Петромъ,

священникомъ рождественскимъ, Максимовичомъ, сотникомъ чорнускимъ, и Яковомъ Жуковскимъ. Черезъ Максимовича, отехавшого сегодня къ Царицину, домой писалемъ до родителей и жени. Купилемъ чубукъ слоніовий за рубль, а пугвиць 48, за 8 гривенъ. У архиерея былемъ и пожекгналемъ его, да его жъ за Кондрата слугу его, прогнѣвившого его нѣкоторимъ словомъ, перепросилемъ. Ему жъ архиерею testamentum до жени далемъ. Сегодня наши, увойшовши верстъ 9, а отъ Астраханѣ 519 верстъ, прийшли къ прорвѣ Сулацкой, бо Сулакъ, у верху отъ крѣпости Ст. Креста прорвавшись, туда потеклъ.

16. Четверъ. Сегодня рано былемъ у Полянского, и оного 2 вѣдерками водки обослалемъ. Ездилемъ до церкви арменской, где засталемъ уже на концу службы: 1) которую отправлялъ попъ зъ діакономъ; 2) але попъ въ ризахъ подобнихъ плащу, спереду застебнулся, въ митрѣ подобной архиерейской, зъ крестомъ; 3) на концу службы прочиталъ Евангеліе и по прочтеніи, посредѣ церкви ставши, давалъ евангеліе цѣловать всѣмъ, а по цѣлованіи евангелія и руки его, отъ малого хлопца принималъ всякъ даръ; 4) олтаръ на примѣръ католицкого, толкс за запоною великою, которая весь олтаръ заслоняетъ, а когда потреба оную отнимаютъ, отъ земли високъ у аршинъ, а долъ церкви вистиленъ коберцами; 5) женскій полъ на задѣ въ церквѣ, за оградою решотками здѣланою, стоитъ, по дару (?) ходятъ, укривши лице и все тѣло бѣлимъ полотномъ; 6) архиерейская митра подобна бѣскупской инфулѣ; 7) попи въ церкви въ плащахъ матеріальнихъ темного коліору въ церквѣ стоятъ; 8) протопопъ арменскій въ розговорѣ со мною говорилъ себе нѣчимъ отъ насъ неразнствуючихъ, кромѣ календаря, по которому и свята неравно съ нами и пости имѣютъ, же Благовѣщеніе апр. 5 дня, а Рождество купно зъ Богоявленіемъ, 1 генваря празднуютъ; 9) люде и попи въ церквѣ сидятъ и кленчатъ, и стоятъ, когда что важнѣйшое, отправляется; 10) сказалъ, что патріярховъ у себе въ Арменіи имѣютъ двохъ, одного на мѣстѣ святого Григорія арменского, а другого меншого честію. У того жъ протопопи, по его прошенію, былемъ и по чарцѣ водки випивши, пріехалемъ до своей

квартери. Обѣдали у мене Полянскій и капитанъ, здешній комисаръ. Рощаковскій зъ отцемъ Соколовичомъ посѣщали мене, а по отходѣ ихъ, ездилемъ до пана Федора дядка, зъ которимъ и зъ п. Раковичемъ пожегнавшись, отехалемъ до квартири своей. По щоту показалось, что неповніе барила долили трома барилами, а зъ нихъ розійшлось на досипку водки вѣдеръ 19 и квартъ 7. Остается барилъ тутъ 5, водою нерозведенихъ, а самою горѣлкою досипленихъ, а въ нихъ водки вѣдеръ 21 и полъ кварти, да остается жъ барилъ 9 водою досипленихъ, а въ нихъ вѣдеръ 42 и квартъ 12 и полъ кварти, а всѣхъ вѣдерокъ 63 и 13 квартъ.

17. Пятокъ. Сегодня рано Тернавскій, Полунѣцкій и Забѣла Степанъ были у мене и, посидѣвши мало, отойшли восвояси. Зъ мѣшка Забор. винялемъ грошей 10 р. Гаврилови, да еще жъ 10 р. винялемъ, зъ которихъ тутъ на харчъ далемъ Демянови 3 р., 30 зл. Андрушцѣ, при Демяну остаючомуся, да за 4 кулѣ солоду (который зъ собою взялисмо) 4 р. заплатилисмо, да кравцю за гусарку и обранне 25 зл. Мартину на барилка 1 р. и на другіе мѣлкіе потреби розійшлись. Демянъ далъ карту рѣчій зъ нимъ оставленихъ зде, а въ ней написано: барилъ гор. 14, а въ нихъ вѣд. 63 и квартъ 13, муки жит. и пшенич. куѳъ 5, пшона куѳъ 2, товчи куѳъ 1, бокуну кулей 5, тютюн. кул. 5, муки пшенич. кул. 2, сала полъ-бочки, овса кулей 3, тютюну молодецкого кул. 3. Былемъ вечоромъ у Полянского и черезъ Демяна получилемъ подорожную отъ Безобразова.

18. Субота. Сегодня рано былемъ у Алексѣя Василіев. Івановского, где и Петра Петровича Посевита, француза, садовника государского, засталемъ, зъ которимъ оттуду ходилемъ до склепу мурованого государевого, въ кремлѣ обрѣтаючогося, и тамъ осмотрувалемъ винъ государевихъ здешнего винограду. Зъ тихъ же винъ рознихъ купилемъ у 4 барилцѣ 7 вѣдеръ, по рублю вѣдро. Заходилемъ до службы Божой и посля зъ Тернавскимъ и Полунѣцкимъ пришлисмо до моей квартери, где зъ нами и зъ Рощаковскимъ кушалисмо; да до насъ же посредѣ обѣда прийшолъ Івановскій и кушалъ тутъ же. Посланникъ государевъ італѣянецъ, називаючійся Фліоръ Белевеци,

у бухарского хана 6 лѣтъ обрѣтавшийся, пріехалъ въ Астрахань, до которого, стоячого квартерою у садовника помянутого, ходилемъ зъ Тернавскимъ и прочіими, бывшими на обѣдѣ у мене, где онъ въ розговорѣ своемъ сказалъ намъ: *1-mo*, что онъ зъ Бухари 7 день ѣхалъ до Хиви, а зъ Хиви до границь россійскихъ сталъ въ 25 день; *2-do*, въ Хивѣ видѣлъ Чибишова, брата подполковници Ниловой, еще за походу Бековича князя Черкаского тамъ въ полонъ взятого, чому будетъ лѣтъ 8, въ роботѣ найдуючогося, такой, что надъ 6 чловѣками, рижъ товкучими, надзирателемъ есть; *3-tio*, у Хивѣ и у Бухарахъ, теперъ по два хана, чего ради у ихъ междоусобная брань; *4-to*, Бухари граничатъ зъ индійскимъ государствомъ, въ которомъ есть імператоромъ Mygолъ, подъ своею властію нѣсколько імперій содержачій, вѣрою махометанинъ, где и жителей тамошнихъ болше того махометанъ, а не идолопоклонниковъ; *5-to*, проехалъ зъ великимъ небезпеченствомъ черезъ Хиву, где хочай билъ и удержанъ и виговорувано ему, что будто ихъ посланнихъ бывшій прежде у государя, отруенъ зосталъ зде, однакъ потомъ отпущенъ зосталъ.—Оттуду пойшовши, мы зайшли до Томари зъ капитаномъ Гуревимъ и Каневскимъ и протчіими и, пожекгнавшись, прийшолемъ до своей квартири, але знову ходилемъ видѣтись зъ прежде реченнимъ посланникомъ, у дому подполковници Ниловой, и посидѣвши тамъ мало, прийшолемъ до дому и тутъ голову и увесь обмилемся. А отъ посланника листъ принеслъ человѣкъ его Николай, до Матюшкина енерала писанний. Сеей ночи перейшолемъ на бусу, посередъ рѣки Кутуми на якорѣ стоячую и тутъ заночувалемъ. Далемъ Демянови наказъ въ 8 пунктахъ: 1) о надзираніи багажу, 2) о частомъ репортованню мене, 3) о покупцѣ сули, судна на оніе и работниковъ найму къ тому жъ до Царицина, 4) о коняхъ нашихъ двохъ тутъ оставленнихъ, 5) о татарчатахъ и комличатахъ, жебы ихъ достать, 6) о купленню барилковъ, 7) о збуттю надлежащею, 8) о данню гор. (?) отцу Петру Рождественскому и хозяйцѣ нашей, чили хазяинови. Да тотъ же посланникъ Benevecі сказалъ и сіе, что у Бухарѣ суть шляхта, на примѣръ мурзи, которіи хана и поставить и скинуть силни, але зъ

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XXXIX.

1892 г.

ОКТЯВРЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1892.

СОДЕРЖАНІЕ.

		стр.
I.	ПО ПОВОДУ 900-ЛѢТІЯ ЧЕРНИГОВСКОЙ АРХІЕРЕЙСКОЙ КАѲЕДРЫ. *(Окончаніе).* **П. Л.**	1—14
II.	ОТРАЖЕНІЕ ПѢСЕННЫХЪ МОТИВОВЪ ВЪ НАРОДНЫХЪ МАЛОРУССКИХЪ ДУМАХЪ. **П. Житецкаго.**	15—34
III.	СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ. *(Продолженіе).* Проф. **Н. Ѳ. Сумцова**	35—50
IV.	ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ ШМАТКОВСКІЙ, ПРОТОПОПЪ ГЛУХОВСКІЙ, И ЕГО СНОШЕНІЯ СЪ МОСКОВСКИМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ (1658—1673 ГГ.). (Страничка изъ исторіи малорусскаго духовенства). **Виталія Эйнгорна.**	51—69
V.	КЪ ИСТОРІИ УЧЕНІЙ О БЫТѢ СЛАВЯНЪ. (Критическая оцѣнка книги проф. Собѣстіанскаго «Ученія о національныхъ особенностяхъ характера и юридическаго быта древнихъ славянъ. Историко-критическое изслѣдованіе. Харьковъ. 1892 года, 336, XII). **Д. И. Багалѣя.**	70—103
VI.	ЗАПИСКИ МИХ. ЧАЙКОВСКАГО (САДЫКЪ ПАШИ).	104—117
VII.	ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) На родинѣ Кармалюка. Сообщилъ **В. Я.** б) Свѣдѣніе объ участіи малороссійскихъ козаковъ въ усмиреніи пугачевскаго бунта. **А. Л.** в) Къ исторіи Владиміро-Волынскаго базиліанскаго училища. **О. Л.** г) Письмо Изм. Ив. Срезневскаго къ Ал. Ир. Левшину. Сообщилъ **Левъ Мацѣевичъ.** д) О достопримѣчательностяхъ Вишневецкаго замка. **Ѳ. Кудринскаго.** е) Мои воспоминанія о въ Бозѣ почившемъ 7 сентября сего года Исидорѣ, митрополитѣ Новгородскомъ и С.-Петербургскомъ	118—130
VIII.	БИБЛІОГРАФІЯ: а) Архивъ Юго-Западной Россіи, издаваемый коммиссіей для разбора древнихъ актовъ, состоящей при кіевскомъ, подольскомъ и волынскомъ генералъ-губернаторѣ. Часть седьмая, томъ II. **В. М.** б) Отчетъ Императорской Археологической Коммиссіи за 1882—1888 г. **В. Я.** в) Матеріалы по археологіи Россіи издаваемые Импер. Археологическою Коммиссіею. **В. Я.** г) Обозрѣніе журналовъ	131—162
	ОБЪЯВЛЕНІЯ	1

ПРИЛОЖЕНІЕ: 1) Предисловіе къ бориспольскимъ актамъ.
2) Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXXIX, 1892 г. Октябрь, Ноябрь и Декабрь.

	стр.
I. ПО ПОВОДУ 900-ЛѢТІЯ ЧЕРНИГОВСКОЙ АРХІЕРЕЙСКОЙ КАѲЕДРЫ. *(Окончаніе)*. **П. Л.**	1—14
II. ОТРАЖЕНІЕ ПѢСЕННЫХЪ МОТИВОВЪ ВЪ НАРОДНЫХЪ МАЛОРУССКИХЪ ДУМАХЪ. **П. Житецкаго**	15—34
III. СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ. *(Продолженіе)*. Проф. **Н. Ѳ. Сумцова** 35—50, 176—187,	379—390
IV. ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ ШМАТКОВСКІЙ, ПРОТОПОПЪ ГЛУХОВСКІЙ, И ЕГО СНОШЕНІЯ СЪ МОСКОВСКИМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ (1658—1673 ГГ.). (Страничка изъ исторіи малорусскаго духовенства). **Виталія Эйнгорна**	51—69
V. КЪ ИСТОРІИ УЧЕНІЙ О БЫТѢ СЛАВЯНЪ. (Критическая оцѣнка книги проф. Собѣстіанскаго «Ученія о національныхъ особенностяхъ характера и юридическаго быта древнихъ славянъ. Историко-критическое изслѣдованіе. Харьковъ. 1892 года, 336, XII). **Д. И. Багалѣя** 70—103, 247—262,	426—437
VI. ЗАПИСКИ МИХ. ЧАЙКОВСКАГО (САДЫКЪ ПАШИ)	104—117
VII. НАЗАРІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ КАРАЗИНЪ И ЕГО КОЛОКОЛЪ. **Д. И. Багалѣя**	163—175
VIII. ТРЕВОЖНЫЕ ГОДЫ. (Очерки изъ общественной и политической жизни г. Кіева и юго-западнаго края въ 1811—1812 гг). **О. Левицкаго.** 188—212,	347—360
IX. ТВОРЦЫ И ПѢВЦЫ НАРОДНЫХЪ МАЛОРУССКИХЪ ДУМЪ. **П. Житецкаго**	213—231

стр.

X. ОТРЫВКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АВТОНОМА АКИМОВИЧА СОЛТАНОВСКАГО . . . . . 232—246, 409—425

XI. АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ РАСКОПКИ БЛИЗЪ Г. ЛУБЕНЪ, ПОЛТ. Г., ВЪ УРОЧИЩѢ ЛЫСАЯ ГОРА. *(Съ тремя таблицами рисунковъ и планомъ)*. **Василія Ляскоронскаго** . . . . 263—278

XII. АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ѲЕДОТОВЪ-ЧЕХОВСКІЙ (1806 — 1892 гг.). (Некрологъ). **И. Каманина** . . . . 279—288

XIII. МИХАИЛЪ, МИТРОПОЛИТЪ КІЕВСКІЙ XII ВѢКА. (1131 — 1147 года) **П. Л.** . . . . . 323—336

XIV. БОЖІЙ ЧАСЪ. (Изъ недавняго прошлаго). **Ѳ. Кудринскаго.** 361—378

XV. СТАРИННАЯ ЗАПИСЬ НАРОДНЫХЪ МАЛОРУССКИХЪ ДУМЪ СЪ ОБЗОРОМЪ ВАРІАНТОВЪ КЪ НИМЪ. **П. Житецкаго.** 391—408

XVI. ЧЕСТВОВАНІЕ ПАМЯТИ В. Н. КАРАЗИНА ВЪ ХАРЬКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ ПО СЛУЧАЮ 50-ТИ ЛѢТІЯ СО ДНЯ ЕГО КОНЧИНЫ. (Корреспонденція «Кіев. Стар.). . . 438—452

XVII. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) На родинѣ Кармалюка. Сообщилъ **В. Я.** б) Свѣдѣніе объ участіи малороссійскихъ козаковъ въ усмиреніи пугачевскаго бунта. **А. Л.** в) Къ исторіи Владиміро-Волынскаго базиліанскаго училища. **О. Л.** г) Письмо Изм. Ив. Срезневскаго къ Ал. Ир. Левшину. Сообщилъ **Левъ Мацѣевичъ.** д) О достопримѣчательностяхъ Вишневецкаго замка. **Ѳ. Кудринскаго.** е) Мои воспоминанія о въ Бозѣ почившемъ 7 сентября сего года Исидорѣ, митрополитѣ Новгородскомъ и С.-Петербургскомъ ж) «Вымороченный человѣкъ». **В. Щербины.** з) «Правная грамота» православнаго священника 1777 г. **В. Щербины.** и) Индульгенція. **Ѳ. К—аго.** і) Вирши про панщину. **Ѳ. К—аго.** к) Реестръ заслуги музыки войсковой року 1711 октовріи. Сообщилъ **Дм. Багалѣй.** л) Московскій Историческій музей. Географическая выставка. **Сл. Ук.** м) Интересный приказъ о благопристойности духовенства въ началѣ прошлаго вѣка. Сообщилъ **О. Л.** н) Первые кіевскіе нотаріусы **А. А** о) Къ вопросу о децентрализаціи нашихъ историческихъ архивовъ.— Судьба Румянцевской Описи Малороссіи. **Н. В.** п) Для характеристики «багатырей». **В. Василенка.** р) Изъ архивныхъ мелочей. Сообщилъ **В. Сторожевъ.**

стр.

с) Изъ моей записной книжки. **Сергѣя Венгрженовскаго.** т) Розмова Хведора та Данила про Каина та про Авеля. у) Приказъ уніатскаго митрополита Смогоржевскаго уніатскимъ священникамъ бѣлоцерковскаго округа, послѣдовавшій 18 декабря 1784 г., касательно платы за требоисправленія. Протоіерея **П. Орловскаго.** ф) Глуховскіе серебряныхъ дѣлъ мастера сманиваютъ рабочихъ отъ кіевскихъ мастеровъ (1780 г.). **А. А.** х) Приглашеніе къ подпискѣ для учрежденія премін покойнаго профессора А. А. Потебни. 118—130, 289—304 . . . . . 453—482

XVIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Архивъ Юго-Западной Россіи, издаваемый коммиссіей для разбора древнихъ актовъ, состоящей при кіевскомъ, подольскомъ и волынскомъ генералъ-губернаторѣ. Часть седьмая, томъ II. **В. М.** б) Отчетъ Императорской Археологической Коммиссіи за 1882—1888 г. **В. Я.** в) Матеріалы по археологіи Россіи издаваемые Импер. Археологическою Коммиссіею. **В. Я.** г) Хрестоматія по исторіи Западной Россіи. Сост. Ар. Турцевичъ. д) П. Полевой. Русская исторія съ портретами и картами въ текстѣ. **П. Г.** е) Al. Czołowski. Z przeszłości Jesupola i okolicy. **Н. М.** ж) Изданія общества юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ. Экономическое изслѣдованіе района Новоселицкихъ вѣтвей. О постройкѣ Херсонскихъ вѣтвей. **Н. М.** з) Библіографическая замѣтка о новыхъ матеріалахъ, касающихся исторіи Малорассіи. **П. Иванова.** и) М. А. Дикаревъ: Воронежскій этнографическій сборникъ. **А. Степовича.** і) Dr. Cornelius von Paygert. Die sociale und wirtschaftliche Lage der galizischen Schuhmacher. Eine Studie über Hausindustrie und Hadwerk auf Grund eigener Erhebungen. **Н. М.** к) Антикварный каталогъ № LI. Коллекція сочиненій, большею частью на русскомъ языкѣ. **П. Г.** л) Обозрѣніе журналовъ. м) Списокъ книгъ, относящихся къ Южной Россіи. 131—162, 305—322 . . . . . 483—506

ОБЪЯВЛЕНІЯ . . . . . 1—17

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Предисловіе къ бориспольскимъ актамъ.

2) Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича. Съ предисловіемъ **А. Лазаревскаго.**

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

„**Кіевская Старина**“ выходитъ въ 1892 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ 12 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Открыта подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ на 1892 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.** Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала „**Кіевская Старина**“, Кузнечная, № 14.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какой либо книжки журнала гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки присылать заявленіе о неполученіи въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890 и 1891 по **8 р.** за 12 книжекъ, съ пересылкою **10 р.** При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—91 г. по **1 р.**

Издатель **К. М. Гамалѣй.** За редактора **Е. Кивлицкій.**

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30-го декабря 1891 года.

Дозволено цензур. Кіевъ, 30-го сентября 1892 г.